

A potentia ad actum. От возможного — к действительному

12+

ТЕХНИКА МОЛОДЕЖИ

2022'16

ДОСТУП
К КЛАДОВЫМ
КРИПТОМАТЕРИИ
с.10

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ.
СПЕЦВЫПУСК

Когда-то, лет 40–50 назад журналы были для многих чуть ли не единственным окошком, через которое они могли заглянуть в мир фантастики. В магазинах тогда достать фантастическую книжку было трудновато, в библиотеках за ними выстраивалась очередь. Жди месяцами, когда к тебе попадёт какая-нибудь «Страна багровых туч» или «Солнце на продажу». Но зато каждый месяц чуть ли не любой журнал, выходивший в Советском Союзе, отдавал часть своего пространства под фантастический рассказ или печатал с продолжением что-то более масштабное. В редколлегиях пользовались этой любовью читателей к жанру и знали, что эти несколько страниц окупятся сторицей и увеличат тираж. В итоге у некоторых изданий они взлетали до фантастических высот: сотни тысяч и даже миллионы. Ведь на эти журналы мог подписаться любой.

И хотя у нас в ту пору не было специализированного журнала, где печаталась одна только фантастика, подсчитано, что если собрать все рассказы, разбросанные тогда по периодическим изданиям, по объёму ежемесячно выходил эквивалент двум полноценным журналам.

Под конец месяца почтовые ящики любителей фантастики ломились от разнообразной печатной продукции. Это сейчас почти никто ничего не выписывает, а ящики забиты ненужной рекламой и бесплатными газетами, которые мало кто берёт. А тогда каждый новый журнал ждали с нетерпением. Какой сюрприз готовит редакция? Думаю, что чуть больше тридцати лет назад

именно таким сюрпризом, заставившим учащённо биться сердца поклонников жанра, стала публикация в «Технике — молодёжи» романа Эдмонда Гамильтона «Звёздные короли» с прекрасными иллюстрациями Роберта Авотина. Тогда для отечественных читателей открылся жанр космической оперы, с которым прежде им встречаться не приходилось.

Любители фантастики гонялись и за старыми журналами по букинистам или выменивали их у знакомых. Я помню, как сам в середине 1980-х искал номера «Техники — молодёжи» с романами Артура Кларка «Фонтаны рая» и «Космическая одиссея 2010». Так приятно было открыть оглавление, узнать на какой странице фантастика, а уж затем распахнуть журнал на ней.

Порой доходило до откровенного варварства. Фанаты выдирали эти странички с фантастикой, собирали их в любительские сборники, переплетали и даже рисовали к ним обложку. Надо заметить, что каждый рассказ был с иллюстрацией, а то и не с одной, так что подобные сборники выигрывали у обычных изданий своей красочностью и эксклюзивностью.

Сейчас уже трудно представить, какой резонанс имело появление на обложке первого номера журнала ТМ за 1957-й год рисунка с лицом симпатичной девушки на фоне далёких галактик. Кто это? Откуда она? На обратной стороне была разгадка. Там мелким шрифтом было набрано: «Начинаем печатать новый научно-фантастический роман И. Ефремова «Туманность Андромеды».

Тогда началось какое-то умопомешательство. В тот день, когда в газетные киоски должны были привезти очередной номер, люди занимали очередь чуть ли не с ночи, чтобы добыть заветный журнал.

Эта публикация разделила нашу фантастику на ДО и ПОСЛЕ, как запуск первого спутника Земли, который случился как раз в то время, когда в ТМ всё ещё продолжали выходить новые главы романа о далёком и счастливом будущем, разделил время на ДОкосмическую эпоху и космическую. Удивительно совпали эти события, и всего за один год это светлое будущее стало как-то ближе.

Журналы, с одной стороны, были стартовой площадкой для фантастов, ведь написать рассказ можно всё-таки быстрее, чем роман, а с другой — на страницах журнала можно было отточить мастерство, прежде чем преступать к чему-то более объёмному. Да и вообще редакции журналов становились какой-то опорой для фантастов, вокруг которой они объединялись, мечтая о том будущем, когда у нас появятся специализированные журналы.

И вот это будущее пришло. Специализированные журналы появились. Сразу много. Они проклюнулись, точно грибы после дождя. Но почти все просуществовали считанные номера и исчезли. Сейчас о них мало кто вспомнит. Они были даже не звёздами, промелькнувшими на ночном небосводе, а какими-то едва заметными тенями. Лишь единицам удалось сопротивляться времени на протяжении долгих лет, но в итоге и они ушли в прошлое.

Я не понимаю, отчего это произошло. Может оттого, что люди постепенно перестали мечтать о будущем и в фантастике ищут лишь способ ухода от реальности, а для этого лучше подходят многотомные серии, чем короткие рассказы.

Но несмотря на то, что книжные магазины сейчас забиты фантастикой, а в интернете текстов так много, что в них тонешь, всё равно с каждым годом больше и больше стал ощущаться какой-то вакуум. Я не раз слышал мнение, что читать-то сейчас и нечего. Изобилие оказалось иллюзорным. А любители жанра вновь начинают поглядывать в сторону журналов, которые печатают на своих страницах фантастические рассказы. Может здесь они найдут золотые крупницы, которые так и не смогли отыскать на книжных полках и в сети, заваленных песком и шлаком?

От редакции.

Александр Марков закончил своё грустное повествование вопросом, на который редакция даёт оптимистичный ответ выпуском спецномера фантастики. При его подготовке мы думали, по каким рубрикам распределить рассказы. Типа «В дальнем космосе», «На низкой орбите», «Будущее Земли», но всё подобное уже приелось. И тут в письме от читателя прочли: «То, что публикует ТМ в своих рубриках, — это просто фантастика!» И решили, так тому и быть. Распределили рассказы по привычным рубрикам ТМ. Так что читайте фантастику в «Технике — молодёжи», и пусть вам попадутся не только золотые крупницы, но и полновесные самородки!

- 1 Александр Марков.
ДО И ПОСЛЕ «АНДРОМЕДЫ»
- ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА
- 3 Андрей Анисимов. КЛАД
- ИНЖЕНЕРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
- 6 Андрей Анисимов. ЗЕЛЁНЫЙ КОСМОС
- ВОЕННЫЕ ЗНАНИЯ
- 9 Александр Филичкин. ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
- УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ
- 11 Евгений Мидаков. НАДУВАНЧИКИ
- ТЕХНИКА И СПОРТ
- 14 Владимир Марышев. ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ РЕЖИМ
- ПО СЛЕДАМ КАТАСТРОФ
- 16 Светлана Зотова. ВРЕМЯ АРРГЛОВ
- МЕДИЦИНА
- 19 Юрий Молчан. СЛУШАЯ, КАК РЫЧАТ ВО СНЕ ЛЬВЫ
- 21 Иван Барашков. МИХАЛЫЧ
- ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКА
- 25 Андрей Анисимов. НЕДОСТАЮЩАЯ ЧАСТЬ
- 28 Валерий Гвоздей. НЕ МЕШАТЬ
- 30 Юрий Молчан. КО МНЕ!
- 33 Сергей Хортин. ПОДАРИ МНЕ НЕМНОГО СЧАСТЬЯ
- 36 Андрей Никитин. РЕВНОСТЬ
- ВРЕМЯ — ПРОСТРАНСТВО — ЧЕЛОВЕК
- 39 Павел Подзоров. ЛАБИРИНТ, ИЛИ НОВОЕ О МИНОТАВРЕ
(из серии «Время под контролем»)
- 41 Юрий Молчан. БЕССМЕРТИЕ ПО РАЗУМНОЙ ЦЕНЕ
- РЕЛИКВИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ
- 44 Андрей Анисимов. ВЫКУП
- УМЕЛЬЦЫ
- 46 Евгений Мидаков. ТЕПЛОГЕНЕРАТОР
- ЗАГАДКИ ЗАБЫТЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 50 Николай Храпов, Алексей Сапунков. СВОБОДА ВЫБОРА
- 53 Камиль Юлаев. ОПОЗДАНИЕ
- 55 Александр Филичкин. УГРОЗА АВАРИИ
- РЕПОРТАЖ
- 57 Андрей Анисимов. РЕАЛИТИ-ШОУ
- 60 Андрей Анисимов. СУХОЙ ЗАКОН

Техника — молодёжи
Научно-популярный журнал
Периодичность — 16 номеров в год
С июля 1933 года

Главный редактор
Александр Николаевич Перевозчиков

Заместитель главного редактора
Валерий Поляков

Научный редактор Михаил Бирюков

Юнкор Анастасия Жукова

Дизайн и вёрстка Артём Полещук

Обложка Геннадий Тищенко

Корректор Татьяна Качура

Директор по развитию и рекламе
Анна Магомаева razvitie.tm@yandex.ru

Учредитель, издатель:
АО «КОРПОРАЦИЯ ВЕСТ»
Генеральный директор АО «Корпорация Вест»
Ирина Нииттюранта +7 (965) 263-77-77

Адрес издателя и редакции:
Москва, ул. Петровка, 26, стр. 3, оф. 3,
комн. 4А, 5, эт. 1.
Для переписки: 141435 Московская область,
г. Химки, мкр-н Новогорск, а/я 1255
Эл. почта: tns_tm@mail.ru
Реклама +7 (963) 782-64-26

Сроки выхода:
в печать 30.09.2022; в свет 22.10.2022
Отпечатано в типографии «Риммини»
г. Нижний Новгород, ул. Красновзвёздная, 7а
Заказ № 1672

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ НАШИХ ИЗДАНИЙ:

Каталог ПОЧТА РОССИИ
НЕизвестная История — ПМ505
Оружие — П9196
Техника — молодёжи — П9147
Наука и Техника для юных инженеров — ПК297

Подписка в редакции на бумажные, а также
электронные версии ТМ, Оружие, НЕизвестная
История, Наука и Техника для юных инженеров
см. на с. 64

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-42314 выдано Роскомнадзором
11.10.2010.

Общедоступный выпуск для небогатых.
Мнение редакции может не совпадать
с точкой зрения авторов.

© «Техника — молодёжи» 16/2022 (1095)
ISSN 0320-331X Тираж: 26 380 экз.

Цена свободная

Журнал
«Техника — молодёжи»
(издаётся с 1933 г.)
приглашает
финансового партнёра,
чтобы
представить
новой аудитории
знаменитый
национальный бренд и
воспользоваться
новыми
технологическими
возможностями.
Для связи: tns_tm@mail.ru

Андрей Анисимов

КЛАД

Ефим бережно развернул сложенный вчетверо старый, потрепанный листок бумаги и торжественно расстелил его на столе.

— Вот она! Карта острова сокровищ.

— Правильнее сказать: подземелья сокровищ, — поправил его Никита, наклоняясь над листом. — Гм. 7-я промышленная зона, 12-й сектор. Вон куда он всё попрыгал...

Сидящий рядом с ним Антон тоже подался вперёд и, хмуря брови, принялся разглядывать сложное переплетение цветных линий на карте.

— Ничего не понимаю, — признался он. — Что это такое?

— Старые выработки, — пояснил Никита. — Бремс-берги, гезенки, квершлагги, штреки, штольни и прочее. Ну и, конечно, транспортная сеть. Тоже заброшенная. Короче, несколько десятков километров туннелей, в которых не осталось ничего, кроме темноты, тишины и старого бетона.

— Опять всё под землёй, — проворчал Антон. — Чёрт-те что. Какая-то планета кротов. Я-то думал, лунные города — они все на поверхности...

— Ну, нет, — криво усмехнулся Ефим. — Тут 90% всех сооружений — подземные. А что ты хотел? Луна, это тебе не райские кущи. Условия на поверхности жёсткие. А под землёй самое оно — стабильная температура, хорошая защита от радиации и микрометеоритов, и вообще... Чем тебе не нравится подземелье?

Антон сокрушённо покачал головой.

— Как вы тут живёте. Месяцами не видите солнца...

— Можно подумать, вы там, на Земле, много его видите, — обиделся Никита. — Видал я ваши города. Муравейники.

— Мы хоть, по крайней мере, не платим за воздух. А тут... — Антон достал свою учётную карточку и помахал ею перед носом у Никиты. — Первое, что мне вручили в Миграционной службе. ВД.

— Всё правильно, — подтвердил Никита. — Поставили на воздушное довольствие. В мире, где большую часть компонентов для дыхательной смеси добывают из горных пород, и лишь треть необходимого — при помощи растений, воздух — важнейший ресурс, за расходом которого необходим строжайший контроль. Ты думаешь, почему на Луну пускают не каждого желающего? Думаешь, дело в недостатке жизненного пространства? Ничего подобного. Всё дело в воздухе. На слишком большое количество людей его пока не хватает.

— Откуда кто знает, как я буду дышать. Я могу сидеть сиднем целый день, а могу махать кувалдой. Расход воздуха будет отличаться в разы. Да и объём лёгких у всех разный.

— Тут порядок простой. Если работаешь на компанию — за тебя компания и платит... пока ты на работе. Вне работы — уже раскошеливайся сам. В общественных местах исходят из средней величины. А вот в своих апартаментах будь добр платить по факту. По показаниям вон той штуки. — Никита указал на коробку, подвешенную к решётке системы вентиляции. — Счётчик расходуемого воздуха.

— Это я знаю, — буркнул Антон. — Мне уже объясняли.

— Ну, так вот. Этот прибор учитывает содержание углекислоты и поддерживает в помещении оптимальное соотношение кислорода и давление. Так что, сколько дышишь — столько и плати. Кстати, по этой причине никогда не оставляй неплотно прикрытой входную дверь. За этим следят. Могут подумать, что ты приворываешь воздух.

— С ума сойти, — пробормотал Антон. — Теперь я понимаю, почему у вас не принято сидеть дома. Там вы только спите...

— Правильно, — снова кивнул Никита. — Во сне кислорода тратится меньше всего.

— А мы тут сейчас дышим аж втроём...

— Стало быть, за троих мне и платить, — проговорил Ефим.

Антон перевёл взгляд с одного на другого и вздохнул:

— И вы называете это нормальной жизнью?

— За всё нужно платить, — философски ответил Никита. — Разве там, на Земле, не так?

— Ладно, будет вам. — Ефим осторожно разгладил ветхую бумагу и ткнул в неё пальцем. — Значит так. В этот сектор проще всего попасть из Ржавой Трубы. Место малолюдное, заглядывают туда нечасто. Дальше по этой вот галерее...

— Лучше по-другому, — высказал своё мнение Никита. — Из третьей резервной ветки. Она проходит совсем близко к этой вот части старой магистрали. Это вдвое ближе, чем через Ржавую...

— Там близко перегрузочный узел, — возразил Ефим. — Заметят.

— Ну и что. Там вечно шляется полно разного народа...

Они заспорили. Слушая своих компаньонов, Антон подумал, что Луна оказалась совсем не таким уж

и привлекательным местом, каким её представляли и какой он вообразил её себе сам. Царящие здесь порядки неприятно удивили его. И в первую очередь, эти жёсткие воздушные нормы.

Про то, что компоненты воздуха и, в первую очередь, животворный газ на Луне добывают в основном из реголита и ильменита, он знал и раньше, но никак не предполагал, что с ним тут не так всё просто. Производство воздуха тут было налажено не хуже, чем горнорудное и плавильное, и, тем не менее, окончательное решение проблемы было ещё далеко. Тем более что переселенцев, уезжающих с переполненной Земли, становилось всё больше и больше. За воздух здесь платили, так же, как за воду, электроэнергию и прочие коммунальные услуги. Привыкнуть к такому порядку сразу было непросто. Да, Земля была далеко не раем, но хоть воздухом там дышали пока бесплатно.

И тем не менее, Луна во многом выигрывала по сравнению с планетой — родиной человечества. Заселение естественного спутника Земли, можно сказать, только начиналось. Здесь было куда приложить руки и голову и сделать неплохую карьеру. Так же было верно и то, что пускали сюда далеко не всех. Миграционные квоты и впрямь были мизерными, но Антону повезло. И вот, приехав сюда, в приткнувшийся к валу кратера Рассел шахтёрский городок, на постоянное место жительства, он неожиданно оказался втянутым в авантюру со спрятанным где-то в заброшенном подземелье кладом, оставленным, по слухам, неким Эдуардом с чудной фамилией Ромб, более известным как Эдди Хват. Этот человек был не то гениальным ловчилой, проходивцем и вором, не то наоборот — благодетелем, творившим справедливость на свой лад, но так или иначе — личностью явно неординарной. Чем-то вроде лунного Робин Гуда. По словам Ефима, в тайниках, устроенных им в разных уголках огромной сети подземных коммуникаций, тот спрятал много чего интересного, только вот счастливицков, сумевших обнаружить хоть один их них, были единицы. Карта, с указанием местоположения одного такого тайника попала к Ефиму совершенно случайно, вместе с бумагами недавно умершего деда. Теперь оставалось только проверить, есть ли там что-то на самом деле, или эта древняя бумага не более чем искусная подделка. Второе было более вероятным; такие карты даже специально тиражировали, потехи ради, но если всё же она принадлежала самому Хвату, трое искателей счастья могли рассчитывать на успех. Для Антона такая находка была вдвое ценной. Помимо хорошего куша, она смягчила бы психологический дискомфорт, который он испытал, очутившись наконец на столь вожделенной, некогда, Луне...

— Ладно, убедил, — услышал Антон, отрываясь от своих, не очень-то весёлых, дум. — Идём через эту ветку.

— Завтра, — сказал Никита. — Тянуть нечего.

— Послезавтра, — поправил его Ефим. — Потребуется кое-какое дополнительное снаряжение.

— Хорошо. Значит — послезавтра. — Никита поднялся.

Антон тоже встал.

— Не опаздывайте, — сказал им на прощанье Ефим. — Встречаемся ровно в девять утра. Здесь, у меня...

* * *

Указанный Никитой короткий путь, на самом деле оказался не таким уж и коротким. Сначала им пришлось спуститься на добрых три уровня вниз, прежде чем они достигли транспортной сети, после чего долго плутали среди бесчисленных веток монорельса, стараясь не попадаться на глаза бригадам путейцев и обходчикам. У третьей резервной ветки пришлось какое-то время прятаться за распределительными шкафами, выжидая, пока мимо не проползёт гружёный рудой состав, и только после этого троица нырнула в полутёмную трубу туннеля. Для Антона вся дорога сюда была хождением по лабиринту, в котором без провожатого он заплутал бы с первых шагов. Ефим же с Никитой, похоже, знали эти места не хуже своих карманов.

Добравшись наконец до нужного участка, Ефим скинул большую спортивную сумку, которую он носил за плечами наподобие рюкзака, и вытащил из неё три дыхательные маски. Одну из них он передал Антону.

— Зачем это? — удивился Антон.

— В необитаемых секторах воздух ни к чёрту, — пояснил Никита, прилаживая свою маску. — Без дыхательных масок — никак.

— Они что, изолированы от остальных помещений?

— Конечно. Какой смысл снабжать воздухом брошенные шахты и транспортные магистрали.

Антон хмыкнул, нацепил маску и сделал несколько пробных вдохов.

— Ничего. Надолго её хватит?

— Как будешь дышать, — ответил Ефим. — Если уложишься в норму — куб в час — то часа на полтора. В случае чего — вот. — Он протянул Антону увесистый серебристый цилиндр. — Запасной воздушный патрон.

— За полтора часа должны управиться, — уверенно заявил Никита. — До того места полчаса ходу, не больше.

— Посмотрим, посмотрим... — пробубнил из-под маски Ефим, раздавая горняцкие каски, с притороченными к ним небольшими плоскими фонарями, больше похожими на светоотражатели.

Закончив экипировку, он забросил за плечи заметно опустевшую сумку, шагнул к смутно различимой в сумраке тоннеля крышке люка, бугром выпирающей из стены, и принялся колдовать над запирающим механизмом, подсвечивая себе укреплённым на шлеме фонарём, светившим не ярче головешки. Долгую мину-

ту ничего не происходило, потом что-то щёлкнуло, и крышка чуть отошла, скрипнув давно не смазанными петлями.

— Готово!

— Отличная работа! — похвалил Никита.

Антон с любопытством поглядел на люк.

— Кодовый замок?

— Система контроля доступа, — ответил Ефим, распахивая крышку пошире. — Не самая замороченная, но повозиться стоит.

С другой стороны было темно, как в могиле. Забравшись внутрь, они закрыли за собой крышку, и едва щёлкнул её запорный механизм, на каске Никиты словно зажёгся прожектор: свет шахтёрского фонаря оказался необычайно ярким. Несколькими секундами позже, с такой же силой вспыхнул и тлеющий «уголёк» на каске Ефима.

— Здесь уже можно не прятаться, — прокомментировал он. — Свет никто не увидит.

Антон пошарил рукой по своему фонарю, но первое включение дало лишь слабое тлеющее свечение.

— Регулятор поверни, — посоветовал Никита.

Следуя совету, Антон нащупал крошечную ручку регулятора и крутанул её по часовой стрелке. С тремя горящими фонарями стало совсем светло.

Люк вёл в узкий, казавшийся бесконечным, коридор, однако пройдя по нему не больше полусотни шагов, они очутились в другом коридоре, широком, как туннель монорельсовой дороги.

Это и была дорога. Монорельс, правда, был давно снят, как и панели освещения, блокировка и всё остальное дорожное хозяйство. Остались только бетонные столбы опор, из которых с «мясом» выдрали вмонтированные в них стальные элементы креплений. С одной стороны туннель раздваивался, но Ефим повернулся к развилке спиной, бодро зашагав в противоположную сторону. Вскоре впереди показалась ещё одна развилка, от которой брали начало сразу несколько туннелей и коридоров разной ширины, и Антон снова потерялся в хитросплетении ходов и переходов. Однозначно он мог сказать только одно: они снова спускались. Время от времени Ефим доставал свою ветхую бумаженцию, сверяясь с ней. После четвёртой или пятой такой остановки, он объявил, что они на месте.

— Где-то здесь. — Он медленно обвёл лучом короткий тупиковый штрек, в который их завела карта. — Похоже, тут дела у проходчиков не пошли.

— Это те самые выработки? — поинтересовался Антон.

— Они самые. — Никита двинулся вдоль ряда опор крепи, осматривая осыпающиеся стены штрека, сложенные из какой-то сероватой породы, и неожиданно рассмеялся:

— Ну, конечно! Да это же Губка! Вот, что это за место. Ай да Хват. Знал, бродяга, где прятать свои сокровища.

— Губка? — переспросил Антон.

— Участок, где горняки наткнулись на большое количество пустот, — пояснил Ефим. — Порода тут слабая, начались обвалы. Вести дальнейшие разработки сочли слишком опасным, и шахту закрыли. Я тоже слышал о ней, но никак не думал, что это место и окажется той самой Губкой.

— Так здесь и завалить может? — проговорил Антон, с опаской поглядывая на прикрытый узкой полоской бетона потолок и кучи камней, нагромождённых вокруг опор.

— Запросто!

Антон поёжился. Перспектива быть похороненным под обвалом, где-то в толще лунных пород, на брошенной шахте, ему совсем не улыбалась.

— Может, лучше не рисковать... — предпринял он слабую попытку образумить своих компаньонов, но тех, похоже, уже обуял азарт кладоискательства.

— Не дрейфь, Антон. Всё будет нормально. — Никита принялся «потрошить» свою, такую же объёмистую, как и у Ефима, сумку, доставая из неё какие-то непонятные приспособления, пока не нашёл то, что нужно: небольшой приборчик с тонкой трубчатой антенной.

— Сегодня мы станем богатеями.

— Хорошо, если хоть живыми останемся, — пробормотал Антон, чувствуя, что начинает потеть.

С приборчиком в руке Никита вскарабкался на ближайшую осыпь, поводит им вверх-вниз, словно малярной кистью, затем перебрался к следующей. Несколько проёмов он прошёл, не обнаружив ничего интересного, а потом вдруг встал и принялся крутить настройки.

— Кажется, что-то есть.

Ефим тоже полез на осыпь.

— Ты уверен?

— Да. Там полость, а в ней — металл...

— Далеко?

— Граница полости всего в полуметре...

— Отлично! Пробьёмся в десять минут.

Они соскочили вниз. Никита снова подсел к сумке и взялся за выложенные из неё ранее части. Когда он собрал их воедино, они оказались небольшим кайлом.

Взобравшись на осыпь, Никита примерился к тускло поблескивающей перед ним породе и принялся рубить её, показывая навыки бывшего рудокопа. Минут пять он с каким-то остервенением врубался в стену, пока после очередного удара кайло не проскочило куда-то в пустоту, едва не выпав из его рук.

— Ага! — выдохнул Никита и ударил ещё раз. — Есть дыра!

Отцепив от шлема фонарь, он сунул его в пробитое отверстие, заглянул туда сам и потрясённо выдохнул:

— Святой Иоанн Селенитский!

— Что там? — позабыв о своих страхах, Антон невольно подался вперёд, однако Никита тут же выпрямился, беря наизготовку инструмент.

— Сейчас увидите. — И заработал кайлом с удвоенной энергией.

На то, чтобы расширить отверстие до величины лаза, у него ушло не больше минуты. Продолжая сжимать кайло, он нырнул в проделанную дыру. Его ноги ещё виднелись снаружи, а следом уже полез Ефим.

Оглушённый ударами сердца, Антон едва дождался своей очереди. Протиснувшись вслед за Ефимом в узковатый для него лаз, Антон выпрямился, поводил туда-сюда головой и озадаченно заморгал. Он стоял внутри немного вытянутой, округлой формы полости, судя по всему естественного происхождения, большая часть которой была заполнена какими-то небольшими, обильно присыпанными пылью цилиндрическими предметами. Присмотревшись к ним получше, он понял, что это не что иное, как баллоны.

— Вы только поглядите на это! — захлёбывался от восторга Никита. — Ну, Хват, ну, пройдоха... Вот это клад так клад!

— Штук сто, не меньше, — вторил ему Ефим. — О-го-го!

— Ни черта не понимаю, — проговорил совершенно сбитый с толку Антон. — Где сокровища-то? Чего вы радуетесь? Кто-нибудь объяснит мне, что это, вообще, такое?

— Это? — Никита хохотнул и ласково, точно глядя какую-то пушистую зверушку, провёл рукой по боку ближайшего баллона. — Это, приятель, самое ценное, что можно найти на этой маленькой планете. Ценнее золота, алмазов и прочей чепухи. Самый ходовой товар на «чёрном рынке» и самая твёрдая валюта Луны. Основа основ дыхательной смеси, которую мы называем воздухом. Кислород!

Андрей Анисимов ЗЕЛЁНЫЙ КОСМОС

— **П**риветствуем вас, обитатели неведомой и далёкой планеты, затерянной среди чужих звёзд столь же чужой и далёкой для нас галактики. Мы пришли с миром, ибо цель наша — не война и порабощение иных звёздных рас, а распространение великого учения, дарованного нам Ирримаром. Богоподобным Преобразователем Миров, Озеленителем Космоса и Творцом Новой Бесконечности. Мы счастливы и горды тем, что сей выдающийся муж, был рождён в колыбели нашей цивилизации, прародине всех имлоков — Бураззе, а мы, дальние потомки его, имеем возможность нести свет его учения до самых дальних звёзд. И ныне, стоя перед вами, детьми иной галактики, мы хотим поведать о нём и славных делах его, дабы вы прониклись всей важностью миссии, возложенной на нас. Итак, слушайте!

Никто сейчас не может сказать, когда конкретно появился он на свет, потому что с тех пор прошла тьма веков, но доподлинно известно, что начинал он как обычный терраформатор. Таковых в те изначальные времена было немало, и выполняли они важную работу, трудясь над усовершенствованием непригодных и малопригодных для обитания планет. И уже тогда посещали его мысли о коренной переделке окружающего нас мира, куда более глубокой, чем те ограниченные изменения среды, в которой прозябали его сорат-

ники по ремеслу. Успехи их он считал убогими и невразумительными.

— Что мы, в конечном итоге, получаем? — говорил он. — Небольшой шарообразный кусок болтающегося в пространстве камня, покрытый тончайшей оболочкой органики, налётом, который представляет собой лишь ничтожнейшую часть его массы и объёма. Мы говорим о победе над пространством и материей, а всё, чего мы сообща добились, — так это несколько десятков миров, в которых попросту ускорили естественные процессы образования пригодной для жизни среды, да ещё примерно столько же, где с великим трудом создали её с нуля. То есть, не более сотни планет на целую ветвь галактики. И это называется «триумфальным шествием по просторам бескрайнего космоса»? Это не триумфальное шествие, не настоящая победа. Фикция. Сейчас нам хватает места для жизни, а потом? Галактика огромна, кто спорит, но рост численности обитателей освоенных нами миров, если его ничем не сдерживать, идёт в геометрической прогрессии. Рано или поздно всё, что более или менее пригодно, будет заселено. А что дальше? — спрашивал он у своих оппонентов. — Неужели бросимся к другим галактикам, оставив за спиной квадриллионы кубических километров свободного пространства и неисчислимые мегатонны неиспользуемой материи. Нет, пора браться за космос по-настоящему.

— Нужно заниматься не терраформированием, а космоформированием, — убеждал он. Развивая и пропагандируя свои идеи, он, в конце концов, сумел заручиться поддержкой тех, кто имел власть и средства, и с головой ушёл в работу.

Первым его шагом было создание растительных форм, могущих существовать в самых сложных условиях, будь то сверхнизкие температуры или глубокий вакуум. Задача казалась невыполнимой, но энтузиазм, которым он заразил своих соратников, дал невероятный прорыв в генной инженерии. Так появились первые растения, которые прекрасно себя чувствовали вне тепличных условий кислородных планет — криодендриты, органосиликатные симбионты, вакуумные водоросли... В руках у Ирримара оказался широчайший спектр различного посадочного материала, который он и высаживал на ледяных просторах самых окраинных и холодных планет, планет, которые жарились в лучах своих светил, будучи слишком близко к ним, и даже планет, где напрочь отсутствовала поверхность, где растения попросту парили в бездонных океанах их атмосфер, усваивая гелий, водород и аммиак. Неприхотливость новых растительных форм, впрочем, не давала ещё гарантии, что на облюбованной ими планете можно будет ходить без скафандров и жить в обычной хижине, однако и это было огромным достижением. Потребовались годы, прежде чем появились формы, способные не только давать кислород для дыхания, но ещё вырабатывать тепло (для планет, где было слишком холодно), создавать спасительную прохладу (там, где было слишком жарко), и вообще участвовать в создании благоприятных для колонистов условий, куда активней и полнее, чем это делали их естественные собратья. Таким образом, растительность, медленно, но верно начала завоёвывать одну планету за другой.

Вслед за крупными небесными телами, настал черёд меньших — астероидов, ледяных глыб комет, — и за короткое время в обжитых системах не осталось ни одного достаточно крупного объекта из их числа, которого не покрывала бы обильная растительность. Однако и это дало лишь незначительный прирост к уже имеющейся живой массе. Следовало заполнить чем-то разделяющую эти острова жизни пустоту, и решением данной проблемы стали острова искусственные.

Нет, Ирримар не стал громоздить новые планеты, по образу тех, кои возникли при естественных процессах планетообразования. Он создал нечто иное: особые растительные структуры, свободно плавающие в пространстве и добывающие себе всё необходимое для жизнедеятельности и роста, ловя рассеянные вокруг пылинки, атомы, или что покрупнее, особыми листьями-ловушками или хватательными отростками, раскинувшимися на многие сотни километров вокруг. Это стало настоящим прорывом в озеленении про-

странства, хотя не обходилось и без казусов. Иной раз, эти жадно растопыренные листья и отростки хватали не метеороиды и космическую пыль, а корабли, пассажирам и экипажам которых потом приходилось подолгу торчать на этих витающих по самым разнообразным орбитам необитаемых, зачастую, островах, дожидаясь помощи. Кое-кто застревал там столь надолго, что когда их находили, спасателей и новых переселенцев встречали уже целые общины, родоначальниками которых и были «потерпевшие кораблекрушение».

Звёздные системы стремительно наполнялись органикой, и следующий шаг был предreshён и очевиден — эти разрозненные частицы жизни следовало соединить в единое целое. Образовать из них кольца или даже сферу. То есть использовать оставшееся пространство максимально полно. Так началась эпоха Интеграции.

Тут сразу возникла масса технических проблем.

Если свободно плавающие растительные острова — фитоиды, — астероиды и прочую «мелочь», соединить воедино не составляло большого труда, то с планетами и их спутниками дело обстояло иначе. И те и другие, помимо вращения вокруг центрального светила, ещё и вращались вокруг собственной оси, что делало перспективу соединения их в нечто целое достаточно смутной. Но Ирримар не был бы Ирримаром, если б не смог решить и эту задачу. И решил он её в обычном своём стиле — самым нетрадиционным способом.

Если невозможно сделать планету частью новой космической экосистемы, рассуждал он, то ничто не мешает использовать для этого то, из чего она состоит. Иначе говоря, планеты следовало разобрать.

Что и было сделано.

Конечно, и здесь не обошлось без проблем и протестов, ибо нашлось немало ретроградов, приверженцев старого и противников прогресса, утверждавших, что делать это нельзя, что каждая из планет есть суть нерушимая твердыня, служившая верой и правдой несчётному количеству поколений предков, и не стоит превращать их в хлябистые космические сооружения, из чего бы они ни состояли. Кроме того — это варварство и авантюризм. Уничтожать прекрасные миры, ради каких-то безумных футуристических проектов. Но большинство приняло идею разборки с вос-
торгом.

На «разделку» планет ушли столетия, и Ирримар, которому тогда уже стукнуло немало лет, ещё успел увидеть, как «плоть» их, которая до этого без пользы лежала под ногами, превращается в ажурные хитросплетения исполинских стволов и ветвей, оплетающих многочисленные солнца. Естественно, всё больше энергии их теперь улавливалось охочей до света зеленью и использовалось поселенцами, и всё меньше энергии уходило в межзвёздное пространство,

где до этого она попросту рассеивалась без всякой пользы. Звёзды, окутывающиеся растительными коконами, начали блекнуть для сторонних наблюдателей, зато благодаря всё более эффективному использованию энергии, разборка планет шла всё убыстряющимися темпами.

Наконец, настал день, когда в освоенной нами ветви нашей родной галактики, каждая звёздная система превратилась в огромный, изолированный от внешнего космоса мир, в котором без толкотни и прочих проблем преспокойно обитали миллиарды миллиардов жителей. В полых стеблях и стволах располагались транспортные магистрали, позволяющие передвигаться из одной части кокона в другой с огромными скоростями, а поверх них лепились исполинские соцветия городов и посёлков, где было всё, что необходимо для жизни — и вода, и пища, и любые предметы обихода. Производства, как такового, уже не существовало. Всё выращивалось прямо на месте, самими же потребителями.

Несмотря на такие впечатляющие успехи, кое-кто ещё продолжал с ностальгией вспоминать дальнейшее прошлое, сетуя на то, что космос лишился былого разнообразия и красоты, представленный ныне лишь растительными коконами да вакуумом, а влюблённые и романтики никогда не смогут насладиться видом сверкающего звёздного неба — ведь никакого звёздного неба уже не было. Тот, кто выбирался на внешнюю сторону коконов, в бездонной черноте космоса видел лишь тусклые зеленоватые пятнашки — там, где ранее сверкали яркие точки звёзд.

Эти ностальгические вздохи одиночек, тонули в могучем, миллиардогласом хвалебном хоре строителей новой реальности: биоформаторов, террадеструкторов и простых граждан, участвующих в этом грандиозном проекте в силу своих сил и способностей. Вдохновлённые успехом, мы, последователи и ученики великого Ирримара, вступили в новую схватку с непокорённой пустотой. На сей раз той, что разделяла сами растительные, или, как их позже начали называть, звёздные коконы.

Это было долгое и невероятно трудное дело, потому что солнца, с окружающей их растительной оболочкой, также двигались относительно друг друга, и заставить их лететь в одном направлении — вокруг центра галактики — удалось далеко не сразу. Потребовались века, чтобы отрастить неимоверно длинные — во многие световые годы — отростки, дабы соединить ими один звёздный кокон с другим. Сначала их было всего ничего, и первые, хрупкие их нити не делали погоды. Затем их стало больше, межзвёздное пространство наполнилось живой материей, и вот тогда-то и удалось наконец обуздать это беспорядочное движение. Вы спросите, откуда взялось столько исходного материала, чтобы вырастить всё это? О, иноземельцы! Вещества в космосе оказалось куда

больше, чем мы полагали ранее, а когда мы получили доступ к кладовым тёмной материи, именуемой так же криптоматерией, проблема с сырьём пропала раз и навсегда.

Так вот... Намертво вцепившись друг в друга, звёздные коконы пустились в бесконечно длинный и долгий путь вокруг галактического ядра, не как разрозненные части, а как одно целое. Это была ещё одна победа во имя человечества и в память об учителе учителей Ирримаре.

С той поры галактика наша, которую, кстати, мы именуем Оргойей, начала потихоньку зарастать. Начав Великую Галактическую Растительную Экспансию, мы, спустя тысячелетия, с успехом завершили её, заполнив межзвёздную пустоту жизнью и расселившись по всему простору Оргойи, от края и до края.

Да, это был знаменательный день, когда последний звёздный кокон окутал последнее, открыто светящее солнце, но вместо того, чтобы упиваться своей победой и починать на лаврах, мы обратили взор за пределы нашей благоустроенной Оргойи и увидели бескрайнюю Вселенную: неводеланную целину, над которой не распростёрлась ещё рука сеятеля. Запущение, мёртвая материя и неуправляемая энергия наполняли её. А жизнь, как всегда, была загнана в самый угол, где едва теплилась на редких планетах, бессильная перед необузданными стихиями диких космических сил. Такое положение дел было неприемлемым для нас, потомков славного Ирримара. И тогда, движимые жаждой преобразований, мы устремились за пределы Оргойи...

Это был отчаянный по смелости шаг. Ведь для того чтобы продолжить Растительную Экспансию за пределы Оргойи, требовалось достичь ближайших к ней галактик. Одно это уже было подвигом. Потому как разделяющие их расстояния столь чудовищны, что, как бы ни огромно было, к примеру, наше нынешнее обиталище, отсюда, с берегов этой звёздной гавани, оно видно едва-едва. Взгляните на небо, и в группе звёзд, которую вы называете созвездием Андромеды, вы увидите крошечное пятнышко. Это и есть Оргойя. Свет, идущий от неё, ещё не успел принести с собой даже начало тех преобразований, о которых мы вам поведали, и пройдёт не меньше двух миллионов лет, прежде чем она предстанет на вашем небосклоне такой, какова она сейчас. Но за это время многое изменится и у вас. Ибо цель наша — не только распространение учения Ирримара до самых дальних уголков Вселенной, но и семян новой жизни. Ими уже засажены просторы многих планет, в том числе и вашей звёздной системы, а вскоре они дадут всходы и тут, на родной вам планете, именуемой Землёй. Всходы, которые потянутся к звёздам.

И наступит время, земляне — верьте этому! — когда весь космос, каким бесконечным бы он ни был, станет зелёным!

Александр Филичкин

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Генеральный секретарь Военного Альянса Объединённой Европы взошёл на трибуну, стоящую в актовом зале шикарного здания. За его широкой спиной серебристо мерцала большая эмблема, известная всем цивилизованным людям планеты. Четыре луча белой звезды хищно нацелились на все стороны света.

Седовласый мужчина привычно одёрнул мундир, сидевший на нём, как влитой. Огромное количество орденских планок и всевозможных значков блеснули в лучах мощных софитов, направленных на обширную сцену.

Главнокомандующий посмотрел в амфитеатр, заполненный генералами всех родов войск, сделал короткую паузу и стал говорить. Его жёсткий тон давал всем понять, речь идёт об очень серьёзных вещах. В чётком голосе отчётливо слышался резкий германский акцент:

— Благодаря огромным усилиям всего свободного мира, Россия лишилась тех индустриальных возможностей, что получила в наследство от разрушенного нами СССР. Уничтожены целые направления их безмерно устаревшей промышленности.

Космическая, военная и авиационная отрасли, производство автомобилей и прочих транспортных средств находятся в полном упадке. Сельское хозяйство, строительство и производство товаров общественного потребления доживают последние дни.

Почти все предприятия уже остановлены. Всё оборудование снято с фундаментов и успешно отправлено в соседний Китай и в другие юго-восточные азиатские страны. Средства, полученные хозяевами за вывезенный металлолом, переведены в банки США и Европы с Японией.

Все наши агенты влияния, работавшие в России ещё с начала горбачёвской диверсии, в данное время находятся в главных столицах свободного мира: в Нью-Йорке, Париже и в Лондоне. Туда они прибыли вместе со своими деньгами и семьями. Заодно, они привезли и все прочие ценности.

Знаменитый французский философ, писатель и драматург Деним Дидром, посетивший Москву в восемнадцатом веке, как-то сказал: — Россия это колосс на глиняных, трухлявых ногах!

С тех давних пор там всё осталось по-прежнему. Эта страна и сейчас состоит из господ и рабов. Так что, к словам просветителя можно добавить: — Ткни Россию, и она мгновенно развалится.

Поэтому нам лишь осталось нанести ей последний, достаточно слабый удар. Мы должны сделать то, чего не смогли осуществить великие полководцы прошлых столетий: Наполеон, Вильгельм II или Гитлер.

То есть, нам предстоит очистить всю территорию от тех диких варваров, которые загрязняют её. На огромных просторах должны процветать более развитые, умные и умелые нации: европейцы и жители Соединённых Штатов Америки.

Несмотря на все усилия наших агентов влияния, в России всё ещё обитают более ста миллионов особей, относящихся к весьма примитивным народам. К нашему сожалению, у них ещё с давних советских времён на складах лежат горы оружия и боеприпасов.

В первую очередь, там хранятся автоматы Калашникова. Ими можно вооружить почти каждого взрослого мужского и женского пола. Из этого следует, что если мы введём туда военные силы, то потеряем множество наших солдат. Погибнет большое число прекрасных людей, чья жизнь стоит намного дороже, чем шкура грязных туземцев.

Поэтому Третью мировую войну против проклятой России мы будем вести при помощи новейших средств. Роботы-пехотинцы, при поддержке автоматических танков и бомбонесущих дронов, несокрушимой лавиной устремятся вперёд. Перед ними поставлена конкретная цель уничтожить живую силу противника.

Следом за механической армией пойдут живые солдаты. Они, в основном, будут нести только полицейскую службу. Подавлять различные бунты, возникшие в среде населения, и сажать в концлагеря всех унтерменше, недовольных установленным новым порядком.

Миллионы электронных устройств уже давно были погружены в трейлеры и тайно доставлены к границам России. Они хранились в ангарах и опустевших цехах, оставшихся от заводов наших верных союзников: Украины, Польши, Литвы, Латвии и, конечно, Эстонии. Все они только ждали сигнала к началу атаки.

Итак, господа, именно в эту минуту началась Третья мировая война против всем нам ненавистной России.

Докладчик на секунду прервался, чтобы дать понять всем присутствующим то, что он недавно сказал. Убедившись в том, что его слова отлично усвоили, главнокомандующий повернулся к тёмной стене, находившейся у него за спиной.

Генеральный секретарь проникновенно сказал: — Все изображения передают наши спутники, висящие на низких орбитах. Космические устройства России давно вышли из строя и не смогут им ничем помешать.

В то же мгновение стена превратилась в сотни огромных экранов. На каждом из них появился огромный участок земли, снимаемый из верхних слоёв атмосферы. Генералы, сидевшие в зале, увидели миллионы бегущих, ползущих и летающих роботов, вооружённых разнообразным оружием.

Там были штурмовые винтовки, пулемёты, огнемёты и орудия всевозможных калибров. От совсем небольших, размером с кулак, до тех, что имели снаряды величиной в чемодан.

Армада механических воинов проскочила границу огромной, разорённой страны и ускоренным маршем рванулась вперёд. Они торопились к тем немногим армейским частям, что ещё сохранились у варваров. Ещё пара секунд и шквал огня и железа обрушится на беспечных российских солдат, занятых своими делами.

Сотни генералов Альянса с напряжением смотрели на десятки экранов. Все они с большим нетерпением ждали кровавой, скоротечной развязки. Ведь роботы не знают усталости и не чувствуют жалости к тем врагам, на которых им указали правители свободного мира. Боевые машины убьют каждого русского, который им попадётся по ходу движения.

Наконец-то планета очистится от страшных лентяев, неучей, грубиянов и выпивох. А те, кто выживет в ужасающей бойне, будет верно служить господам, прибывшим из цивилизованных стран. На большее рабы не способны. Их вообще нельзя считать за людей.

Лучше всего их отправить в несколько больших резерваций, как сделали американцы с индейцами. Пусть красивые бабы удовлетворяют похоть туристов, а мужики сидят за цветной занавеской и играют на балайках и ложках.

Всем генералам было под шестьдесят, но благодаря непыльной работе мужской силы у них имелось в бытке. Поэтому они были уверены, что окажутся в первых рядах посетителей русских борделей.

Неожиданно, вся стальная армада остановилась так резко, словно налетела на гранитную стену. Миллионы блистающих роботов в едином порыве развернулись на месте. Одновременно тронулись с места и помчались туда, откуда пришли. Назад они двигались так же стремительно, как минуту назад бежали вперёд.

— Что там происходит? — испуганно вскрикнул генсекретарь. Волевое лицо закалённого воина вдруг исказилось. Теперь оно выражало не упоение начинавшейся битвой, а смесь недоумения и страха.

Из-за кулис в зал вбежал какой-то очень бледный итальянский полковник. Заикаясь от страха, он доложил: — Господин главнокомандующий. Каким-то неведомым способом русские варвары взломали все во-

енные спутники и перехватили управление роботами. Сейчас вся наша военная мощь обрушится на несчастные головы ничего подозревающих сограждан.

Все, кто присутствовал в зале, враз осознали ужасное положение дел. Они замерли, словно гранитные статуи с острова Пасхи. Лица у всех стали такими же серыми, будто дешёвый цемент. Глаза невольно расширились, челюсти безвольно отвисли.

На экранах было отчётливо видно, как роботы полетели к тем зданиям, где они долго прятались перед началом атаки. Сейчас они пробегут мимо цехов и ангаров. Стремительно двинутся дальше и обрушат огонь на города и селения благополучной, просвещённой Европы.

К облегчению всех генералов, роботы неожиданно встали, словно поражённые громом. Однако оружие боевые машины не опустили и на землю не бросили. Они просто застыли, как огородные пугала.

Ставшие удивительно длинными, секунды медленно шли одна за другой. Все военные хорошо понимали, что русские варвары лишь издеваются над их напряжёнными нервами. Ведь все давно знают, что лучше ужасный конец, чем ужас, не имевший конца.

В любое мгновение противник отдаст роковую команду — «в атаку». Роботы рванутся вперёд, и от прекрасных ухоженных стран центральной Европы ничего не останется. Погибнут миллионы весьма благородных, ни в чём не повинных людей.

Через какое-то время, всем показавшееся вечно, в зал вбежал подполковник в мундире офицера радиосвязи. Он закричал дурным голосом с сильным польским акцентом: — Господин главнокомандующий. Клятые русские изменили программное обеспечение роботов.

— Что эти варвары сделали? — дрогнувшим от волнения тоном спросил генсекретарь Военного Альянса Объединённой Европы. Он был очень бледен и ожидал, что немедленно услышит самые ужасные новости.

Мол, всё население развитых стран должно быть уничтожено. Все ценности, нажитые непосильным трудом, срочно отправятся в глубины России. А там, все эти богатства благополучно пропьют!

— Москали изменили программы всех роботов. Они внесли в них все три закона робототехники!* — с горечью

* «Три закона робототехники» в научной фантастике — обязательные правила поведения для роботов, впервые сформулированные американским писателем Айзеком Азимовым в рассказе «Хоровод» (1942).

«Законы» гласят:

1. Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён какой-либо вред.
2. Робот должен повиноваться всем приказам, которые отдаёт человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат «Первому Закону».
3. Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит «Первому» или «Второму Законам».

крикнул потрясённый поляк. — Причём внесли их так основательно, что всем нашим машинам придётся сменить всю электронную часть!

— «Чтобы установить в боевые машины другие процессоры, — с ужасом подумал главнокомандующий, — нужны миллиардные суммы и огромное количество

времени. Все эти долгие месяцы мы окажемся совсем беззащитными перед дикими русскими ордами с их автоматом Калашникова. И ещё неизвестно, что будет, если мы всё же справимся с данной работой? Вдруг проклятые варвары натравят на нас наших же роботов? Что мы будем делать тогда?»

Евгений Мидаков НАДУВАНЧИКИ

Бывают дни, когда тебе кажется, что всё хорошо. Ни с того ни с сего. Просто так. Ты открываешь утром глаза и улыбаешься. У тебя нет никаких причин улыбаться, но вот ведь какая штука — всё хорошо. Это как собрания самого тайного общества — никто о них ничего не знает, а они всё равно берут и собираются. И на своих этих тайных встречах заговорщически так подмигивают друг другу: мол, тайная встреча удалась на славу, и никто так и не узнал, как мы тут здорово и тайно собрались. Так и с тобой — ниоткуда вдруг появляется такая уверенность, что сегодня самый лучший день в году.

Этот день был таким. Сынишка четырёх лет спал под боком на развёрнутом диване. Солнце, отражаясь от окон соседнего дома, освещало угол комнаты, и в его лучах солидно и неторопливо, наверное воображая себя величественными китами, плавали невесомые золотистые пылинки. А на кухне, судя по запаху из-под прикрытой двери, бабушка жарила блины на завтрак. Это был мой день. Мой и несомненно чей-то ещё...

— Пап, ты не спишь?

Я закрыл глаза:

— Сплю.

Сын улыбнулся и ткнул меня в бок:

— Шутишь, да? Я вижу, что не спишь.

— Ладно, не сплю. Доброе утро. Будешь вставать? Можешь быть первым.

Это у нас такое небольшое соревнование: кто первым встанет, кто первым ляжет, кто первым съест обед или откроет двери садика... Очень полезная штука для родителей. Интересно, когда он догадается, что это всё неспроста...

Мне не пришлось повторять — сын ответил «доброе утро», подпрыгнул и быстро слез на пол. С довольным лицом посмотрел на меня:

— Ха, ха. Я сегодня первый! Я первый встал.

— А как же бабушка? — решил я сгустить краски.

Ни секунды не раздумывая, Матвей махнул рукой:

— А бабушка не играет. Так что я первый!

— Ну-ну...

Я снова закрыл глаза. Сын босыми ногами прошлёпал в коридор — значит опять не оделся, и значит, через минуту за одеждой придёт бабушка. А бабушка — это значит открытые шторы, а открытые шторы — это значит... В общем, я тоже встал. Встал, оделся, заправил кровать... Что ещё? Ах, да — шторы. Ну вот, в комнате полный порядок. Тут и бабушка подошла.

— Ты уже встал? Доброе утро...

Мой исследовательский катер «Ариадна» с новейшими антигравитационными двигателями снижался над Большим Красным пятном Юпитера. Транспортные зонды — все шесть сотен — под завязку накаченные жидким кислородом уже ждали меня, расположившись вокруг него. Эта операция готовилась объединённым человечеством последние двадцать лет.

Моя антенна приняла сигнал от грузового буксира, месяц назад доставившего к Юпитеру и зонды, и мой катер, да и меня заодно:

— «Ариадна»! Говорит «Менделеев»! Доложите обстановку!

Сигнал был отправлен ровно семь секунд назад, поскольку буксир сейчас находился за пару миллионов километров от меня, на орбите Каллисто и, в отличие и от зондов, и от моего катера, был оборудован простыми ядерными реактивными двигателями. Проще говоря, не мог приближаться к Юпитеру слишком близко.

— Я «Ариадна». Слышу вас, «Менделеев». Доклады-ваю: к спуску готов.

Ещё пятнадцать секунд...

— Ваша задача — спуститься на три тысячи километров вниз от экзосферы и проследить, чтобы зонды выстроились в правильном порядке. Как поняли?..

— Вас понял. Разрешите выполнять?..

— Разрешаю...

За блинами я вдруг вспомнил, что сегодня на площади какой-то праздник, может даже День города. Матвея уговаривать не пришлось, благо он помнил, что на таких праздниках бывают батуты, карусели и всякие интересные штучки. Мы быстро собрались и вышли. У подъезда, вокруг пары скамеек со спинками, цвела сирень. Такой был аромат кругом, что я замер посреди дорожки и закрыл глаза, стараясь запомнить этот миг.

— Пап, давай поедem на велосипеде!

И этот миг тоже.

— А, пап?

Я вздохнул:

— Давай, туда пешком, а обратно на машине, — как раз устанем и пешком идти не захочется?

— Давай.

И мы пошли.

У соседнего дома Матвей увидел знак, на котором были две стрелки в разные стороны и надпись «газ». Показывая на знак пальцем, он повернулся ко мне и довольно сообщил:

— Там не копать и там не копать!

— Да, да... И в мыслях не было копать ни там ни сям... Только иди лицом вперёд, а то упадёшь.

— А давай мы так пойдём!

— Что, задом наперёд?

— Да, задом наперёд. Мы будем идти и смотреть на дом, а он будет всё дальше. Мы как будто к нему будем идти, а на самом деле уходить. Здорово я придумал?

— Ладно, только немного, а то если долго ходить задом наперёд, разучишься ходить правильно.

Он не поверил:

— Как это?

— А вот так: один мальчик ходил-ходил так и потерялся.

— Как же он мог потеряться?

— А очень просто. Он же всё время спиной вперёд шёл, не глядя, куда идёт. Вот он видит перед собой свой дом, начинает идти, как он думает, к дому, и всё дальше и дальше от дома оказывается. Так и потерялся.

Сын на секунду задумался, оценивая всю серьёзность истории:

— Шутишь?

— Шучу, конечно. Никуда бы он не потерялся, ему бы мама с папой помогли.

— Я тоже так думаю. — Он сделал ещё несколько шагов. — А ты не потеряешься, пап, в своём космосе?

— Нет, сын, не потеряюсь — наши корабли не умеют летать задом наперёд...

Не верю я в дурные предчувствия. Хотя, признаюсь, после появления этих странных белых шаров, словно редкие пузырьки газа, поднимающихся откуда-то из глубин Юпитера, у меня возникли сомнения. Как показали анализаторы, шары состояли из жидкого кислорода, неведомо как упакованного в оболочку из гелия.

Достигая определённой высоты, они лопались, и кислород выливался в водородную атмосферу. К счастью, температура водорода на такой высоте была недостаточна для образования взрывной реакции.

По этой, в частности, причине мы продолжали погружение, приближаясь к расчётной точке, где, как мы думали, температура уже соответствовала нашим ожиданиям. И хотя никаких пузырьков с кислородом наши исследователи ранее на Юпитере не находили, мне ещё казалось, что всё у нас получится. Цель наша была проста и незатейлива — нейтрализовать Большое Красное пятно, а точнее гигантский вихрь, взрывающийся в сердцевину Юпитера и пьющий его соки.

— «Ариадна»! Мы анализируем вашу информацию. Если объекты действительно состоят из кислорода, то наши действия могут привести к непредсказуемым последствиям. Например, к взрывной реакции по всей глубине атмосферы Юпитера...

— Говорит «Ариадна». Это остановит Красное пятно?..

— Если взрывная волна подойдёт к Пятну одновременно со всех сторон...

— Остановит?..

— Вероятно... Но у нас нет связи с Землёй — она по ту сторону Солнца! И нет полномочий принимать такие решения!

— Предлагаю достигнуть расчётной глубины и потом уже решать. Вы не хуже меня знаете, у нас мало времени...

— Хорошо. Продолжайте погружение... Вы прошли самые беспокойные слои. Дальше будет полегче. У нас нет права на ошибку. Как поняли?..

— Вас понял, «Менделеев»! Продолжаю погружение...

— Ого! Смотри, пап! Это карусель!

— Да, здорово. Не думал, что они привезут нам целую карусель, пусть и маленькую. Ну что — прокапаться?

— Пап, ты чего?.. Конечно!

Сынишка протянул мне свою сладкую вату и помчался занимать место. Вот он встретил кого-то знакомого по детскому саду, они помахали друг другу и побежали дальше: один на карусель, другой на батут. Ох, не зря я взял с собой фотоаппарат — столько было радости на его лице и какой-то мечтательности, пока он кружился на своей карусели. Посмотрев снимки, я остался ими доволен — хорошая будет память о детстве.

Вдоволь напрыгавшись, накатавшись и настрелявшись, мы спустились вниз, к реке — там проходил конкурс детского рисунка на асфальте. Матвей позволил себя уговорить лишь потому, что на его плечах теперь гордо висел вырезанный из дерева, аккуратно покрашенный и покрытый лаком легендарный автомат времён Великой Отечественной — ППШ-41.

Рисунки были самые незатейливые, зато яркие. Впрочем, один мне всё-таки понравился: по широкому полю, покрытому одуванчиками, держась за руки, бежали дети, а следом за ними как волна поднимался белый след из потревоженных пушинок.

Сын мечтательно улыбнулся, глядя на рисунок:

— Сколько надуванчиков...

Я тоже улыбнулся. Эта милая ошибка столь точно передавала суть этих белых пушистых шариков, что я не стал его поправлять. Кто скажет как правильно: «скрипка лиса» или «скрип колеса», «боше ту май» или «ваша тюрьма»? Мне даже понравилось это его изобретение. Пусть будут «надуванчики»...

— Пап! — Матвей дёрнул меня за рукав. — Знаешь, что я придумал?

— Что?

— Ты если там потеряешься в космосе, попроси Ариадну пусть даст тебе клубок ниток, и так ты сможешь вернуться.

— Так и сделаю...

Когда зонды стали пропадать с радаров, связь с «Менделеевым» уже была невозможной. Я включил форсаж и направился к ближайшему транспортному зонду. Визуально с ним всё было в порядке. Но вот снизу вынырнул огромный белый пузырь. До сих пор я видел их только издали и не мог оценить их масштабы. Зато теперь увидел: на фоне этого пузыря огромный зонд размером с футбольное поле выглядел крохотной пылинкой. Через несколько секунд зонд исчез в недрах гелевой оболочки, и почти сразу связь с ним прекратилась.

Я проделал ещё несколько бросков от одного зонда к другому — всё напрасно. Концентрация белых шаров вокруг Красного пятна была значительно больше, чем вдали от него. У зондов не было шансов прорваться. Дав команду зондам следовать за мной, я начал подъём к поверхности.

Выбраться удалось лишь двадцати из них.

— «Менделеев»! У нас чрезвычайная ситуация! Практически все зонды потеряны, операция под угрозой срыва...

— «Ариадна», мы закончили анализ. Эти шары идут из внешнего ядра Юпитера. Понимаешь, Женя, Красный вихрь добрался до внешнего ядра! Это конец. Мы не успеваем подготовить новую экспедицию...

— Подожди, Олег, не суетись. Ядро ведь вращается, верно?..

— В том и беда! Красный вихрь просто разрывает его на части. Ещё немного и — конец. Юпитер взорвётся, а вместе с ним...

— Я вот о чём... Раз ядро вращается, значит этот разрыв идёт вдоль всего Юпитера, то есть, нам достаточно зайти с обратной стороны, спуститься на нужную глубину и зажечь спичку...

— Постой, постой... Эта цепочка кислородных шаров в водородной атмосфере сработает как запал и подой-

дёт к Вихрю одновременно с двух сторон... Мы сможем его остановить! Ну, Женька!..

— Разрешите выполнять?..

— Разрешаю. Удачи тебе...

«Удачи всем нам», — подумал я и повёл оставшиеся зонды на обратную сторону Юпитера...

— Пап, смотри, как я умею!

Матвей оттолкнулся что есть силы от вершины батута и, пролетев несколько метров над горкой, плюхнулся на спину. У меня ёкнуло сердце.

— Сынок, аккуратнее. Нельзя рисковать собой по пустякам.

Матвей довольный уселся на край батута и стал надевать сандалии.

— А не по пустякам?

— Не по пустякам можно. Если от этого людям будет польза.

— Ну-ну, — хмыкнул он, а потом посерьёзnel. — Ты ведь не будешь там рисковать в своём космосе?

Теперь улыбнулся я:

— По пустякам не буду.

— Честно-честно?

— Честно-честно.

— Тогда вызывай машину — я устал. Домой хочу...

Антигравы — вещь хорошая. С ними можно не бояться притяжения таких массивных планет как Юпитер или Сатурн. Они способны компенсировать огромный вес, была бы энергия. Для погружения на заданную глубину и минимальное маневрирование аккумуляторы зондов были заполнены с избытком, но мой вынужденный манёвр с подъёмом их на поверхность почти истощил эти запасы, ведь каждый наш зонд с жидким кислородом весил более ста тысяч тонн. Плюс перелёт на другую сторону планеты... В общем, всё, на что были теперь способны зонды, это падать чуть медленнее, чем того требовали законы природы. Конечно, ни о каком маневрировании для уклонения от столкновений с белыми шарами не могло быть и речи. Впрочем, здесь их было несравнимо меньше, чем вокруг Красного пятна. Всё могло получиться.

Могло, но не получилось. Все наши зонды канули в недрах белых шаров, а мы даже не прошли половины пути до той глубины и температуры, где только и могла вспыхнуть кислородно-водородная реакция.

К счастью, связь с «Менделеевым» была недоступна. Не знаю, что бы я им сказал. Я решил действовать на свой страх и риск. Хотя, чем я рисковал? «Ариадна» — это исследовательский корабль повышенной защиты. В нём можно работать на поверхности Венеры и на дне Марианской впадины. Можно погрузиться в извергающийся вулкан и остаться невредимым. Легко быть героем, когда ты ничем не рискуешь.

Вот я и решил, раз у меня нет спички, то я сам стану этой спичкой. Старательно избегая столкновений

с белыми шарами, я погружался всё глубже, приближаясь к намеченной глубине и даже чуть дальше — на всякий случай. Там, где царило чудовищное давление, я направил свой корабль на ближайший белый шар, рассчитывая проткнуть его и тем устроить первый взрыв, что запалит наш «бикфордов шнур».

Не знаю, о чём я думал. Мне надо было бы вспомнить, что произошло с нашими зондами — все они проходили сквозь оболочку без каких-либо последствий. Я пронзил шар насквозь, но он остался цел и невредим. Его оболочка расступилась передо мной и сомкнулась позади меня, не позволив ни единому атому кислорода выйти за её пределы. Я попробовал ещё раз и ещё. И боком и со вращением — всё было напрасно. На моём новейшем исследовательском судне не было реактивных двигателей, которые могли бы мне помочь. Одни антигравы. Двигатели были на «Менделееве», но без антигравов экипаж будет раздавлен гравитацией при малейшей попытке замедлить падение на гипотетическую поверхность Юпитера. Экипаж и сам корабль.

Это был пат. Пат для нас и мат для всего человечества. Разрушение Юпитера привело бы к неконтролируемому разлёту астероидов из одноимённого пояса, сходу Земли со своей орбиты, столкновению

с другими небесными телами и бог знает к чему ещё. И вместе с тем... Кислорода вокруг было много, только руку протяни. И все условия созданы. Нужен только запал!

Не знаю, как я к этому пришёл, наверное, мысли о кислороде что-то навяли. Ведь для первого взрыва нужен кислород, а он есть только в белых шарах — в моём камере атмосфера практически земная.

И тут до меня дошло.

Я надел скафандр и направил «Ариадну» в ближайший шар. В моём безумном предприятии скафандр не поможет, но поверьте, так намного легче. Внутри мне оставалось только открыть люк и заполнить трюмы окружающим меня кислородом, что я и сделал. Осталось только покинуть этот белый шарик, позволяя кислороду в моём корабле соединиться с водородной атмосферой...

Уже будучи почти снаружи я горько усмехнулся. Гордая фраза о том, что я сам стану спичкой, воплощалась как-то слишком буквально. Не к месту я вспомнил свой последний отпуск перед отлётом. Отпуск длиной ровно в один день... Извини, сынок, но я, кажется, не смогу вернуться. Ариадна что-то напутала со своей нитью. А может, это я ушёл слишком далеко от дома...

Владимир Марышев ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ РЕЖИМ

Туман медленно колыбался, в его толще возникали сгустки и завихрения, образуя причудливые «статуи». Какое-то время они сохраняли форму, затем медленно меняли её или расплывались. Видимость, понятно, оставляла желать лучшего, и ведущему вездеход Бочеку пришлось задействовать все приборы.

— Слушай, Иржи, — сказал Мосунов, — этот туман навёл меня на мысль. Давай назовём планету Альбион! Здорово, да?

— Ерунда, — неожиданно в рифму ответил водитель. — Альбион только один, и если тебе не хватает фантазии придумать что-то своё, так и признай.

— Зануда, — констатировал Мосунов. — Хоть бы сам чего предложил, только оплёвывать умеешь! Кстати, что думаешь по поводу хозяев? Как они могут выглядеть? Лично мне представляются атлетически сложенные исполины в белоснежных хламидах. Эдакие сизифы, только катающие шары не в наказание, а ради собственного удовольствия.

— А мне, Павел, — в тон ему ответил Бочек, — видятся двухметровые жёлтые слизняки. Снизу у них тёрка, как у наших улиток, а живут они тысячу лет. Когда становится скучно, находят каменную глыбу и веками ползают по ней, пока не обточат в шар. Как тебе такой вариант?

На этом зубоскальство прекратилось. Шутки шутками, но оба понимали, что дело серьёзное, а посоветоваться не с кем. Инструкции всего предусмотреть не могут...

«Фекда» сделала над планетой немало витков, прежде чем земляне высмотрели это плато. Сначала в пелене тумана оно показалось вполне обычным, однако после сканирования выяснилось, что у него неестественно ровная поверхность. Природа может многое, но так отшлифовать внушительный участок ей было не под силу. Следом обнаружился ещё более удивительный феномен — огромные каменные шары. Они располагались без видимого порядка, имели по восемнадцать метров в диаметре и были тщательно отполированы.

Мосунов с Бочekom не сразу поверили глазам. А когда наконец поверили, решили посадить корабль на краю

плато, вывести вездеход, изучить следы чужого разума. И, если повезёт, встретиться с теми, кто их оставил...

Туман лениво ворочался, словно пытаюсь лечь удобнее, и сквозь него проступала серая туша одного из шаров. Ещё два виднелись размытыми пятнышками где-то на пределе зрения.

— Давай-ка, Иржи, мы с тобой его аккуратненько объедем, — сказал Мосунов. — Заснимем со всех сторон, а потом...

Он осёкся, потому что шар вздрогнул и, набирая скорость, покатился напрямик к вездеходу.

— Чёрт! — ругнулся Бочек и завернул машину влево, да так круто, что Мосунова вжало в дверцу. — Это что ещё за фокусы?

К счастью, шар не стал за ними гоняться — катился и катился себе по прямой. Бочек напряжённо следил за его траекторией и остановил вездеход, лишь убедившись, что опасность миновала. Руки у водителя дрожали.

— Едва успели, — глухо сказал он. — Если бы чуть замешкался...

— Если бы да кабы... — перебил его Мосунов. — Увернулись — и хорошо. Вот только, боюсь, в покое они нас не оставят. Глянь-ка туда!

Бочек глянул и снова выругался: теперь начало приближаться одно из размытых пятнышек.

Впрочем, к чести водителя, он быстро взял себя в руки:

— Ну, этот точно пройдёт в стороне, и довольно прилично. Но, похоже, они все зашевелились: сейчас покатится третий, четвёртый, пятый... Что делать будем?

Мосунов проанализировал ситуацию и ничего хорошего в ней не нашёл.

— Надо уносить ноги, — сказал он. — И убирать с плато «Фекду», пока её не сшиб один из этих замечательных шаров. Перелетим в другое место — поблизости, но более безопасное.

Бочек кивнул и тронул вездеход, разворачивая его к кораблю. Потом стал наращивать скорость, а когда довёл её до девяноста, пришла новая беда.

Впереди по-прежнему простиралось застланное туманом плато — и вдруг на экране, отображавшем тот же пейзаж в инфракрасных лучах, вспыхнул огромный оранжевый круг. От неожиданности водитель отшатнулся назад, но тут же впился взглядом в проступившие под картинкой сухие строчки комментария. Из них следовало, что по курсу машины притаилась ямина двадцати метров в диаметре и двадцати восьми в глубину. Кто-то старательно выдолбил её в скальном грунте, прикрыл тоненькой крышечкой, и лишь сейчас ловушка выдала себя, начав излучать тепло.

Ни свернуть, ни затормозить было уже невозможно. Поэтому Бочек с отчаянным воплем «А-а-а!» включил заложенный конструкторами, но так ни разу и не применявшийся режим «блеха».

Длина прыжка была критической, поэтому он мог стать для вездехода не только первым, но и последним.

Взвившись над ямой, Мосунов с Бочком хлебнули адреналина как минимум на год вперёд. Однако всё обошлось — перепрыгнули.

«Фекда» поднялась на огненном столбе уже через шесть минут после прибытия экипажа. Ещё никогда ей не приходилось стартовать в такой спешке! Автоматика вывела корабль на орбиту, и лишь после этого Мосунов заговорил:

— Как думаешь, Иржи, почему хозяева устроили нам такой приём?

— Потому что мерзавцы! — с чувством ответил напарник.

— А по-моему, они нас просто-напросто не заметили.

— Чего-чего? А от кого же это мы спасались так, будто нам начали поджаривать пятки?

— Понимаешь... Ну вот, скажем, играем мы с тобой на бильярде. Мимо пролетают две уставшие букашки и садятся на стол, чтобы отдохнуть. Ты обратишь на них внимание?

— Нет, конечно.

— То-то и оно!

Бочек сердито засопел.

— Ну, у тебя и сравнения... Это мы, что ли, с тобой букашки? А бильярд причём?

— Да не причём, это я просто так, для примера. На самом деле мы влезли в другую игру — более примитивную. На Земле тоже что-то похожее есть. Расставляют шары, потом бьют по одному из них так, чтобы он прокатился между двумя другими.

— А цель?

— Цель — с помощью этих манипуляций загонять шары в какую-то ловушку. Вроде той, которую мы так удачно перепрыгнули.

— И это называется высший разум? — взвился Бочек. — Ничего умнее не придумали? Мы из-за их дурацких развлечений могли костей не собрать!

— Но ведь собрали, — спокойно возразил Мосунов. — Ты зря кипятишься, Иржи. Да, чуть не влипли. Но больше это не повторится, потому что теперь нам известно главное.

— Мне — неизвестно, — буркнул Бочек. — Ну и что ты такое узнал?

— Да элементарно же! Про игорные зоны слышал? Лас-Вегас, Монте-Карло... Вот и тут то же самое, только в другом масштабе. Допустим, разные концы Галактики обжили цивилизации великанов. Чтобы не было скучно, однажды они скинулись и создали целую игорную планету. Сейчас, похоже, не сезон, но все автоматы работают в демонстрационном режиме. Мы ещё немного покружим на орбите, окончательно придём в себя, а потом... — Он улыбнулся туманному диску планеты, застывшему в центре обзорного экрана. — Эта игра — явно для начинающих, что-то вроде разминки, дальше пойдут намного интереснее. Так что скоро, Иржи, мы спустимся, во всём разберёмся и оторвёмся по полной программе!

Светлана Зотова

ВРЕМЯ АРРГЛОВ

100 лет после Катаклизма

Инна лежала в шезлонге, и приятный тёплый ветер шевелил её коротко стриженные пепельные волосы. Волны накатывались на берег — одна за одной, неторопливо, уверенно и меланхолично спокойно.

Её всегда завораживало море, вечно меняющееся и всегда одно и то же. Синяя бездна вне времени и пространства, живущая сама по себе и не нуждающаяся в одобрении или порицании, всё принимающая и всё перемалывающая.

Белый песок пляжа притягивал как магнит, но Инна опустила свои маленькие белые ступни в мягкую изумрудную траву, на которой стоял шезлонг. Повернулась удобнее, и вот ее пальцы коснулись нежных травинков. Безмятежное голубое небо и солнце, ныряющее в очередное белоснежное облачко, что невесомым клочком сахарной ваты нёс по взморью беззаботный ветер... На секунду Инна прикрыла веки. Потом встряхнулась и встала.

Чёрная веточка пульта равнодушно нацелилась на море и песчаный берег. Изображение постепенно стало меркнуть, бледнеть и терять свою естественность. Показались белые стены рекреационной.

— Как хорошо раньше было... — раздался спокойный девичий голос со странным металлическим акцентом.

— Да, — глухо откликнулась Инна, — тяжело каждый раз вспоминать, что ты не на море, а всего лишь в рекреационной Комплекса № 17.

— Поэтому ты всегда берешь с собой пульт, — усмехнулся девичий голос, и раздался странный скрежет, напоминающий смех, — боишься, что не сможешь отдалить голосовую команду «выключить», и навсегда останешься на берегу моря иллюзий!

Инна рассмеялась.

— Если бы не твоё чувство юмора, Соня, — сказала она весело, — то вряд ли бы я смогла сидеть так долго в Комплексе. Сто лет под землёй: работа в лабораториях, сон и рекреация. Тут и озвереть недолго! Или повеситься... Только твоя юморина и спасает!

— Ну-ну... — умиротворяюще хихикнула Соня, — у тебя же полно дронов, вся поверхность твоя. Там, где я не пройду, ты пролетишь, как птичка!

Инна грустно усмехнулась:

— По моим подсчётам, я смогу выйти из Комплекса лет через пятьдесят, не раньше. И опять же — только в противорадиационном костюме.

— А не рассыплется в труху костюмы к тому времени?

— Напечатаю новый на 3D-принтере, — рассмеялась Инна.

— Всё-таки нам очень повезло, что все ядерные боеголовки пролетели мимо, — мрачно сказала Соня, — и только обычная ракета влетела тогда в главное здание. И что во всей этой неразберихе, что началась во время Катаклизма, мы смогли укрыться на нижних уровнях.

— Ананке любит нас! — жизнерадостно, словно декламируя рекламную речёвку, крикнула Инна.

— Ой, чего вспомнила! — вознегодовала Соня. — Не вспоминай прошлое, ну его к лешему.

— Это всё радиационный фон, — весело откликнулась Инна. — Он падает... и я радуюсь, как дитя.

Раздался механический смешок.

— Я жду тебя в ангаре, — сказала Соня, — с левой лапой проблема, нужна диагностика.

Инна встревоженно посмотрела на видеокамеру.

— Да, ерунда, скорее всего, — хихикнула Соня, — просто пообщаться хочу. Ты ведь знаешь, что дальше ангара я нигде в Комплексе не пройду... только если крушить всё вокруг и прорываться через завалы.

— А вот это я не хочу вспоминать, — мрачно откликнулась Инна, — я скоро приду, только выставлю программу секвенатора.

Лицо Инны потемнело, и события столетней давности нахлынули с невероятной силой.

Она зашла в свой личный отсек — жилую комнату, совмещающую в себе функции спальни и кабинета. Вцепившись в спинку стула, Инна разглядывала себя в зеркало. Молодая девушка, лет двадцати пяти, не старше, с окаменевшим лицом, испуганно взидала на Инну.

— Ты знаешь сколько тебе лет, — прошептала Инна. — Сто тридцать, и не годом меньше.

Биопластик жалобно затрещал под её пальцами.

2119 год. Катаклизм

Это был миг триумфа. Инна Лугина готова была пуститься в пляс. Серия экспериментов завершилась удачно. Теперь в её руках действительно есть теломерон — новый препарат управляемой теломеразы, ключевой компонент программы вечной жизни «Олимп».

Инна ещё раз взглянула на биопоказатели Макса, когда-то дряхлого семнадцатилетнего пса, омоложенного до состояния бодрого трёхлетки. Всего за пару месяцев Макс вытянул счастливый билет и получил вторую жизнь.

— Инна! — раздался недовольный голос в динамике. — Все уже собрались на совещании. Мы ждём только вас!

— Иду, Николай Иванович! — бодро откликнулась Инна.

Услышав лёгкий щелчок, она поняла, что внутренняя связь отключилась.

— Чтoб тебя чёрт уволок, Герасименко, — мрачно буркнула Инна.

Она, не торопясь, стала копировать экспериментальные данные на сменный жёсткий диск.

Николай Иванович Герасименко был типичным начальником — самовлюбленным и самоуверенным, туповатым по части конкретного дела, но очень сообразительным в плане продвижения по карьерной лестнице.

Инна Лугина, с одной стороны, полностью зависела от него, так как именно Герасименко высмотрел её в одном из захудалых колледжей нищей Омской республики и предложил проходить практику в лабораториях корпорации «Ананке», с другой — она знала, что её шеф — абсолютный ноль в биотехнологии. Герасименко был лощёный дядечка, которому уже стукнуло лет шестьдесят, но выглядел он максимум на тридцать. Он принадлежал к роду украинских магнатов, который разбогател на сланцевом газе, превратившем Украину в бесплодную пустыню, и затем удачно вписался со своими капиталами в ряды менеджеров корпорации «Ананке», могущественной ТНК, занимающейся производством оружия, медициной и биотехнологиями продления жизни.

Инну Лугину всегда интересовали современные биотехнологии. Особенно технологии, связанные с медициной. На тормозном стареньком ноутбуке, купленном на чёрном рынке Омска, она выходила в Паутину Мира, что было весьма проблематично и опасно, так как Великий Омский Фаерволл блокировал практически все ресурсы Паутины, особенно научные сайты и библиотеки. Но Инна была упрямой девочкой. Так она узнала, что есть места, где люди живут сотню лет, практически не старея, благодаря успехам регенеративной медицины, а также достижениям кибернетики, робототехники и других наук, о которых в родном Омске если и слышали, то только от редких заезжих иностранцев — большей частью представителей Евросоюза, Ближневосточных Эмиратов, Объединённых Штатов Америки, а также Империи Нихон.

Позже Инна поняла, что не страна, в которой живёт человек, решает, как он будет жить, а решает корпорация, которой человек принадлежит.

Но эта грустная истина не сломила Инну.

«Ананке» дала ей возможность реализовать свой потенциал и создать теломерон, но верно служить Инна не собиралась. В конце концов, если ей и удалось сделать «вакцину бессмертия», то принадлежать она должна всем людям, а не только возомнившим себя богами толстосумам.

Инна вставила в компьютер флешку-ключ и по закодированному каналу вызвала сотрудника отдела Кибернетики Софью Коган.

— Пип...пип... — раздался отчаянный писк.

«В доступе отказано! Проверьте ваш пароль!» — всплыло на экране грозное сообщение.

— Чёрт, перекодировали канал, — прошипела Инна, — всё летит к чёрту... — хрипло сказала она и метнулась к двери лаборатории.

Очнувшийся динамик выкашлял недовольное:

— Инна...

Затем всё потонуло в треске, грохоте, истошном рёве сирены. И лабораторию накрыла тьма. Инна отчаянно дергала ручку заблокированной двери и прикладывала магнитную карту к считывающему устройству... Бесплезно.

Потом послышался низкий закладывающий уши вой, и трянуло так, что Инну сдёнуло ударной волной вверх, а затем швырнуло на пол...

Она очнулась под противное красноглазое мигание аварийной системы электроснабжения и густой вонючий дым, который активно втягивала система пожаротушения.

Инна с трудом поднялась, ощупывая шишку на голове. Она не пострадала, почти, чего нельзя было сказать о Комплексе № 17.

Она услышала топот ног, крики и выстрелы, а затем дверь вскрыли снаружи.

В лабораторию ворвался ошалелый Герасименко в разодранном в локуты дорожном костюме, в котором он любил царствовать на заседаниях. Его сопровождали двое военных из охраны Комплекса.

Инна мрачно посмотрела на своего шефа.

— Инна! — выкрикнул, задыхаясь, Герасименко. — Как я рад тебя видеть!

Приторная улыбочка заскользила по его лицу.

— Быстрее собирайся, срочная эвакуация... На нас напали...

Герасименко направился к боксу Макса, но Инна заступила ему дорогу.

— Чтo случилось, Николай Иванович? — невозможно спросила она.

Герасименко тяжело выдохнул и быстро окинул взглядом лабораторию. Казалось, он что-то искал.

— Это теракт?

— Инночка, давай собираться... — мягонько забормotal Герасименко, — весь биоматериал надо быстренько уложить в контейнеры, диски из компа я сам извлеку, собачку тоже возьмём.

— Я никуда не поеду, пока вы не объясните, что происходит, — перебила Инна, отступая к лабораторному морозильнику, в котором находились контейнеры с теломероном.

— Лугина! — взвыл Герасименко. — Не дури! Это война! Надо срочно уходить, враг рассекретил Комплекс. Сейчас обычную ракету поймали, а скоро и ядерная боеголовка влетит.

— Не вешайте мне лапшу на уши! — крикнула Инна, отчаянно вызывая мобильный Сони. — Кто на нас напал?! Куда мы едем? Комплекс охраняет ЧВК «Валькирия», нам и целая дивизия террористов не страшна, и даже армии всех сибирских республик!

— Так, мы теряем время, — рыкнул Герасименко. — Взять её!

300 лет после Катаклизма

Огромный биомеханический зверь, напоминающий кошку, плавной рысью скользил по жёлтой степи, что раскинулась там, где когда-то росла тайга. Инна сидела верхом на биомехе, облачённая только в сильно модифицированную броню корпорации «Ананке».

Солнце клонилось к закату, и малиновые всполохи, словно перья жар-птицы, рассыпались по небу.

Блестящей змейкой мелькнул ручей, а затем и перелесок за высокой пожухлой травой.

— Отличное место для привала, — сказала Соня и сбавила ход.

— Наконец-то! — воскликнула Инна.

Они остановились у самой воды.

Инна сняла шлем и положила в изголовье. Салатовые волосы и изумрудно-зелёная кожа учёной покрылись мелкими капельками росы, и Инна невольно поёжилась.

Соня попыталась улыбнуться, но скупая мимика биомеха выдала только гротескно-жуткий оскал:

— Совсем отвыкла от поверхности...

— Я, хоть и бессмертная, но от радиации помру быстро, — усмехнулась Инна.

— Сейчас уже нет...

— Может быть, — неуверенно сказала Инна, — сейчас я выдержу без последствий гораздо большую дозу, чем, — она запнулась, — чем человек, но до тебя, боевого биомеха класса «Пардус», мне ещё далеко.

Соня зевнула, обнажая клыки размером с человеческую руку, а затем потянулась.

— И всё-таки я не знаю, нравится мне это тело или нет, — задумчиво сказала она. — С одной стороны, тогда, накануне Катаклизма, меня никто не спрашивал... запихнули мой мозг в биомех, считай, спасли, а с другой — я чувствую себя недочеловеком, ведь вся моя система заточена на убийство и узкоспециализирована, восприятие другое... и могучие искусственные мышцы уже не в радость.

— Это ты сейчас так говоришь, — сказала Инна, — а раньше тебя всё устраивало, и в Комплекс было не затащить. Ты всегда находила тысячу и одну причину, чтобы побыть наверху. То обнаружен подозрительный дрон, то пойман какой-то непонятный сигнал...

Соня скрипуче рассмеялась.

— Но не в ангаре же мне круги нарезать, как зверю в тесной клетке?

Инна не ответила. Она ловила лучи закатного солнца.

Хлорофилл в её волосах и водоросль-симбионт в коже активно осуществляли фотосинтез и насыщали кровь углеводами, минералами и белками.

— Здорово ты придумала с зелёной модификацией, — ехидно сказала Соня. — Такая экономия продуктов...

Наступила ночь. Инна палочкой ворошила поленья в костре и задумчиво смотрела на звёзды.

— Я очень надеюсь, — сказала Инна, — что в Комплексе № 15 мы найдём все необходимые материалы...

— А я надеюсь, — мрачно сказала Соня, — что идиоты из пятнадцатого не перестреляли друг друга, как наши тогда, и не убили в хлам реактор, потому что если реактор пошёл вразнос, то толку от Комплекса будет мало.

Инна вздохнула.

— Я изучила все материалы, что остались на компьютерах нижних уровней. Про внешний мир там было мало. А я, как ты знаешь, в последние годы перед Катаклизмом вообще не интересовалась общемировой ситуацией. Я так поняла, что люди сошли с ума и началась глобальная война...

— Глобальная Война, Катаклизм, или Полное Безумие, — скрипуче рассмеялась Соня. — Называй, как хочешь. Люди доигрались, но к этому всё шло. Они боялись сингулярности, но нужно было бояться своих желаний. Дай обезьяне автомат Калашникова...

— Я стараюсь не думать о том, сколько людей погибло, — вздохнула Инна. — Прошло четыреста лет, но ничего не забылось и ничего не притупилось...

— Самое главное, что мы выжили, — откликнулась Соня. — Ведь пока ты дорабатывала теломерон в отделе Иммутологии, меня отправили в срочную командировку на Ближний Восток, где, в общем-то, и убили, но мозг решили пристроить в одну из программ нашего отдела.

Инна криво усмехнулась.

— Если бы не ты, то Герасименко убил бы меня и похитил теломерон, и вся та нечисть из «Ананке» благополучно бы отсиделась в бункерах.

— Да, нужно было опробовать свои возможности в бою, — хихикнула Соня. — Клыки, когти...

— Жаль, Макс тогда погиб, — вздохнула Инна. — Эти сволочи из охраны...

— Интересно, что мы будем делать, если обнаружим живых людей в подземных убежищах? — внезапно спросила Соня.

— Не знаю, — мрачно ответила Инна. — Раньше бы сказала, что присоединимся к выжившим и будет налаживать жизнь вместе. Но сейчас... Честно, не знаю. Убить или игнорировать, вот единственное, что приходит в голову. Ведь эти люди будут потомками тех, кто устроил Катаклизм. Но самое важное сейчас — это не поиск выживших, а сбор материалов для воссоздания твоего нового биологического тела, потому что

я не уверена, что даже с инъекциями теломерона твой мозг выдержит ещё сотню лет в этом теле.

— Да, моё кибертело разрушается, — вздохнула Соня.

12 000 лет после Катаклизма

На обширной равнине, называемой когда-то Западной Сибирью, вновь растёт бескрайний лес. Это огромные пятидесятиметровые хвойные деревья. Их кора и хвоя отливают пурпуром. На западе, за горным хребтом, начинается лесостепь, прорезаемая блестящими лентами рек. И всюду, куда не кинь взгляд, простирается море жизни, что, изменившись, снова заселила израненную Гаю. Расплавленное стекло человеческих городов замело песком и землёй, все сожжённые

в огненных смерчах леса выросли вновь, новые реки нашли себе русла, и новые звери обрели свой дом.

На всей планете существует только один город — Серебряного Света, где обитают аррглы, единственные разумные существа Гаи. Они большие и сильные, у них есть четыре лапы и хвост. Но этот облик — традиционный, его аррглы носят в дань памяти о своих создателях, потому что при желании аррглы могут принять любой облик, так как их дух живёт в кристаллах кремния, и по-настоящему чист и свободен. Если вы пройдёте на центральную площадь города, то увидите базальтовую стелу, на которой искусно изображены создатели аррглов рядом с небесной колесницей — это две человеческие девушки. Одну зовут Инна, а другую — Соня.

Аррглы знают, что придёт время, и они вернуться, потому что время для них — пыль под ногами.

Юрий Молчан

СЛУШАЯ, КАК РЫЧАТ ВО СНЕ ЛЬВЫ

Владелец компании по разработке компьютерных игр пару минут изучал документы, которые положил перед ним Роман Первонский — парень с намазанными гелем волосами. Потом отложил документы и посмотрел на Романа.

— Ну и зачем вы это принесли? — спросил Максим Карпешин. — У меня нет и десяти минут, чтобы всё это только пролистать!

Он потряс в воздухе пачкой распечаток.

— Изложите всё вкратце и — побыстрее.

— Наша игра оказывает медицинский, оздоровительный эффект, — пояснил Роман, подобравшись. Этот парень в дешёвом костюме сидит почти на самом кончике офисного стула, поскольку нервничает. От этой встречи зависит слишком многое. — Пока человек в неё играет, у него вырабатывается гормон нового типа — RG-7.

— И что он делает, этот ваш гормон? Честно говоря, я жалею, что уделил вам время. Вот, скажите, зачем приходите в игровую компанию с медицинским проектом? Причём здесь мы?

Карпешин смотрел сурово, с явным неодобрением.

— Позвольте мне закончить, — попросил Первонский, но Карпешин жестом его остановил.

— Вы уже отняли у меня достаточно времени. До свидания.

— RG-7 полностью мобилизует иммунную систему, и человек может излечиться от рака и равных по тя-

жести заболеваний, — быстро проговорил Роман, пока его не выставили из кабинета.

При этих словах Карпешин замер. Он жестом велел Роману сесть обратно на стул.

— Рак, значит. — Он медленно налил в стакан из графина немного воды и выпил, чтобы смочить пересохшее горло. — Вы проводили клинические испытания?

— Да. Оба испытуемых прекрасно себя чувствуют. Один страдал раком желудка второй степени, у другого был диабет. После наших экспериментов...

— Зачем же вы обратились к нам? — перебил Карпешин. — Почему не займётесь производством сами?

Роман с виноватой улыбкой развёл руками.

— У моей маленькой фирмы не хватит средств. Ищем спонсора.

— Меня интересует рак, — произнёс Карпешин хмуро. — Сможете вылечить подростка пятнадцати лет?

— Вероятность весьма высока, — сказал Роман осторожно. — У обоих наших пациентов наблюдалась сильная положительная динамика. Запущенная на полную силу иммунная система излечила каждого. При этом они каждый день играли в нашу игру от четырёх до шести часов. И продолжают играть до сих пор.

— Оставьте мне документы, — сказал Карпешин. — Я позвоню в ближайшие дни.

Максим смотрел, как за Первонским закрылась дверь, и в этот момент думал о своей дочери, которой,

по прогнозам врачей, осталось не больше года. Отменив все запланированные встречи, он принялся читать медицинские отчёты по Игре, а также черновик договора. В тот день он задержался в офисе допоздна.

* * *

Два месяца дочь Карпешина Лейла играла в Игру по пять-шесть часов. Вскоре она перестала терять вес, а потом начала снова набирать. Максим отвёз её в клинику, где сделали анализ крови на лейкемию.

На следующий день Максим увидел на лице немолодого доктора удивление.

— Что ж, — говорил врач, глядя в распечатку, — так... лейкоциты и тромбоциты в норме. Уровень гемоглобина удовлетворительный. Скорость оседания эритроцитов не повышена. Метастаз нет, онкомаркеров тоже. — Он поднял глаза на Карпешина. — Господи, да я такое видел всего один раз — двадцать лет назад. И то — человек занимался интенсивной химиотерапией, глотал кучу лекарств и написал завещание. В вашем случае, можно сказать, произошло чудо. Однако вам нужно сдать ещё анализы и понаблюдаться какое-то время.

Карпешин улыбнулся. Игра действовала. Когда они вышли из клиники, Максим повёз дочь в ресторан, чтобы отметить это событие.

— Расскажи, какие ты испытываешь ощущения от Игры? — спросил он, когда официант принял заказ.

— Ты разве не читал описание, прежде чем давать это людям? — удивилась Лейла.

— Я читал краткое описание и медицинские отчёты. И, честно, я тогда больше обратил внимание на медицинскую сторону. Но мне интересно узнать, что именно помогает вырабатывать в тебе этот новый гормон... RG-7.

— Это Игра-симулятор, — сказала девушка. — Ты подключаешь к голове электроды и загружаешь в компьютер всё то, о чём ты мечтаешь. Игра всё это обрабатывает и возвращает тебе с эффектом полного присутствия. Гораздо круче любого 3D. Я, например, рисую маслом и изучаю диких животных в Африке. Я ежедневно беседую с да Винчи и Пикассо. Кормлю со своих рук гепардов и зебр, а по ночам смотрю на звёздное небо над саванной. Я слушаю, как рычат во сне львы, пока вдалеке у костров поют туземцы. Иногда настройки сбиваются, и тогда твои мечтания переплетаются с мечтами кого-нибудь другого, но эти мелочи легко устранить. В целом, когда я в Игре, я счастлива.

Карпешин подумал, что Игра недалеко ушла от наркотиков. Только, в отличие от них, Игра не разрушает организм, а мобилизует его на борьбу. В этом, безусловно, есть что-то возвышенное и, разумеется, сулит баснословные прибыли.

Конечно, — думал Максим, — фармацевтические компании начнут жёсткую конкуренцию, они будут пытаться на меня давить и даже обливать Игру грязью в прессе.

Но Карпешин был уверен: оно того стоит. Позвонив и узнав, что остальные трое «подопытных» также чу-

десным образом выздоровели, он велел запускать Игру в производство.

* * *

Спустя три месяца, когда Карпешин играл в шахматы с Лейлой на веранде их загородного коттеджа у реки, зазвонил сотовый. Стоял вечер, в траве стрекотали цикады. Отвечать не хотелось, чтобы не разрушить волшебную атмосферу уюта и счастья, но Карпешин всё же надел беспроводную гарнитуру и нажал кнопку.

— Слушаю вас.

Голос на том конце провода был встревоженный.

— Максим Леонидович, это Первонский!

— Чем обязан столь позднему звонку?

— Моя коллега умирает от нашей Игры.

Карпешин почувствовал, как его осыпало холодом.

— Как, умирает?!

— Наши медики взяли анализы. Её организм буквально разрушается. Она теряет вес и... стареет у нас на глазах!

— Я буду через двадцать минут.

Машина остановилась у здания медицинской лаборатории. Карпешин быстрым шагом направился внутрь.

К его приезду женщина по имени Корнелия Брежнева умерла от остановки сердца. Сказать, что она «ужасно выглядела», означало не сказать ничего. По паспорту ей тридцать пять, но теперь выглядит она глубокой старухой. Отливавшее пепельной серостью лицо изрезано морщинами, из-под кожи выпирают рёбра и ключицы, волосы покрылись сединой. В некоторых местах кожу будто разъела кислота.

За следующие два дня умерли ещё пять человек. Карпешин велел изъять Игру из продажи. На него подали в суд, семьям умерших пришлось выплатить компенсации. Дочери Максим ничего не говорил, но замечал, что она с каждым днём теряет вес и становится всё бледнее. Судя по всему, процесс разрушения для неё протекал всё же медленнее, чем для других. Максим посадил её на лекарства и запретил погружаться в Игру.

* * *

Наскоро проведённая экспертиза выявила, что гормон RG-7 обладает смертельным побочным эффектом — после активизации иммунной системы он обращает все жизненные процессы вспять. Срок — от двух до семи дней.

Обратный процесс запускается в течение трёх месяцев после «чудесного» исцеления организма, и он — необратим. Как будто запуск иммунной системы на полную мощность вытягивает из организма все соки. У Лейлы это пока что растянулось на две недели.

«На всякое действие есть противодействие, — угрюмо думал Карпешин, сидя у себя в кабинете, куря сигару и отпивая мелкими глотками дорогой коньяк из фужера, — и чем мощнее выстрел, тем больнее отдача».

Он обдумывал то, что сообщили медики из лаборатории Первонского. Они собирались исследовать гор-

мон RG-7, чтобы попытаться найти решение проблемы и спасти Лейлу. А также всех тех, у кого внутри уже тикает таймер скорой смерти. Но для этого молекулы гормона должны быть «свежими», только что выделенными в кровь. Добровольцев среди персонала не нашлось.

Допив коньяк, Карпешин позвонил дочери, а потом прошёл в соседнюю комнату, где уже установили мини-лабораторию, и — подключился к Игре. Медики взяли у него кровь на анализ и тут же принялись за работу.

Максим сидел на веранде своего загородного коттеджа и играл с Лейлой в шахматы. Лейле уже двадцать пять, и в соседней комнате спит её маленький сын.

Они пьют чай и смотрят на закат над рекой. На берегу у осоки горят костры туземцев. Максим посмотрел на висевшее на стене в рамке фото, где Лейла улыбается рядом с Леонардо да Винчи, и сделал ход ладьёй. Лейла взяла его пешку.

Они играют так всю ночь напролёт, слушая, как рычат во сне львы...

Иван Барашков МИХАЛЫЧ

— Ваше имя? — проворковала нежным женским голосом система служебной регистрации грузового терминала космопорта «Марс».

— Василий Петров, — ответил я.

— Должность?

— Командир корабля.

— Звание?

— Капитан третьего ранга космofлота.

— Цель прибытия?

— С целью убийства! — я уже начинал терять терпение перед своим первым полётом на новом корабле.

Машина немного подумала и продолжила допрос:

— Ваш маршрут?

Ответил.

— Ваш груз?

Перечислил все наименования по грузовой декларации.

«Да когда же это кончится?» — только подумал я, как всё и кончилось!

В стойке регистрации открылась щель для выдачи документов с полным их набором.

Устраиваюсь в уютное командирское кресло контейнеровоза класса «Галактика».

— Михалыч, часовая готовность, что с погрузкой? — спросил я помощника, настраивая под себя новый скафандр.

— Нормально, кэп! — с явным недовольством промычал Михалыч.

«Да что он себе позволяет, опять забыл, кто здесь главный?!» — возмутился я.

— Помощник, доложить по форме!

— Докладывает помощник капитана, — как ни в чём не бывало, бодро отчеканил Михалыч, — первый контранс, опломбированный, загруженный на семьдесят восемь процентов продукцией глубокой переработки...

«Он меня за идиота держит? — начал потихоньку закипать я, — а разве «не опломбированный» можно перевозить? А контейнер-трансформер можно загрузить «на сто процентов»? Всё равно небольшая его часть отдана системам жизнеобеспечения дома, в который он превратится где-то на далёкой планете на радость колонистов...».

— ...Пятая проушина насквозь проржавела и требует замены, — бодро продолжал Михалыч. — Во избежание срыва контейнера...

«...с грузовой платформы, допускается крепить его сетью из ленточных строп... — автоматически процитировал я «Правила погрузо-разгрузочных работ во внутренних отсеках контейнеровоза класса «Галактика», — тьфу ты, да он совсем обнаглел! Что ты мне книжки читаешь? Ну смотри у меня, помощничек, я тебе устрою! Спишу к лешему в первом же порту!».

— ...крепиться к закладному замку третьей грузовой платформы третьего яруса палубы «С». При этом сужается контрольный проход между рядами до семидесяти сантиметров... — в этом месте Михалыч, как мне показалось, даже издевательски улыбнулся, мол, хотел доклада — получи!

Так дальше не пойдёт! Он просто сведёт меня с ума, пока дойдёт до двести пятьдесят четвёртого, последнего, контейнера. Его трёп невыносим, но придётся терпеть. Надо думать, о чём-нибудь приятном...

— Второй и третий контрансы, загруженные спецсмесями, подвешены на бортовых пилонх под обтекатели... — продолжал бубнить Михалыч.

«А вот и о приятном. За эти «спецсмеси» я получу кучу денег! — усилием воли подавляя раздражение, думал я. — Никто кроме меня не решился перевезти

двухкомпонентную взрывчатку для горнодобывающей компании в одной из колоний у самой границы «Запретной зоны». Главное, держать эти части подальше друг от друга, и будет вам счастье. Ничто так не успокаивает, как предвкушение небольшого заслуженного отдыха после рейса, отдохну на море под плеск волны и крики чаек в Сочи или в Гаграх!»

Вообще-то весь процесс погрузки контейнеров я и так контролирую со своего места через мониторы. Резво работают автопогрузчики, своими манипуляторами легко, как детские кубики, перенося двухсотпятидесятитонные контейнеры из складского орбитального ангара в чрево космического корабля.

Судя по мониторам, остались лишь два контейнера. Уровень заряда реактора на отметке «полный». Пора выводить его из «спячки» и проводить проверки всех систем.

Наконец предполётная суэта позади. Астронавигационная система начинает обратный отсчёт. Ответ на запрос о взлёте положительный. Ключ на старт, поехали!

Обходя Троянские астероиды Юпитера, мой неуклюжий контейнеровоз здорово поцарапал свою обшивку о метеоритную мелочь, с которой не смогла справиться противометеоритная пушечка. И вырвавшись, наконец, за пределы пояса Койпера, я приготовился запускать автономный порталный индуктор для «сворачивания» пространства. Который проделает «котовую нору» в такие невообразимые дали, что невозможно представить даже в самых смелых фантазиях!

— Михалыч, курс? — хочу проверить, не обиделся ли на меня мой помощник, злость на него развеялась в открытом космосе, как дым.

— Говорит помощник капитана, — формально вежливо ответил Михалыч, — курс, проложенный вами, заложен в память навигатора.

«Вот паршивец, выкрутился!» — перед гиперпрыжком подумал я. И нажал «Старт».

Немилосердные законы физики прижали меня к спинке кресла. И даже через хорошие фазоинверторы в наушниках до меня донёсся характерный свист натужного преодоления «котовой норы».

Через некоторое время навигатор точно вывел корабль из гиперпространства. В окрестности недавно вспыхнувшей сверхновой я решил подзарядить свою энергетическую установку, пока здесь ещё бушуют океаны её энергии. Место, отмеченное во всех логиях, как потенциально опасное. Трудно найти более уединённое место для отдыха перед очередным броском в гиперпространство!

Но надо было восстановить добрые отношения с помощником, никуда от него не деться в космосе.

— Михалыч, что слышно в мире? А то я не успел послушать новости, — как ни в чём не бывало, спросил я.

— Нет стабильности, командир! На Б-Зет 67 малого Центавра ураган снёс целый посёлок, на Криносе-71 в созвездии Лебедя борются с засильем комаров, занесённых колонистами, — холодно начал он, — в сырьевых колониях волнения из-за слишком сильной задержки в трансляции любимых программ ЮниверсТелеком. Обвалы в шахтах на Функухрымасе-5, 23 и 91, много погибших и покалеченных...

— Михалыч, а есть хорошие новости?

— Есть, командир! — тем же тоном ответил он, — на Фукухрадеи-2 и Бета Зет-4 в Малой Крабовидной хорошие урожаи местного ячменя и подсолнуха, есть рекордные привесы домашнего скота и птицы...

«Ну да, повезло им, только куда девать такое богатство, если их планетные системы от цивилизованной зоны отделяет плотный астероидный пояс. А сами они находятся слишком близко к границам «Запретной зоны», где обитают банды пиратов».

— Рад за них. А скажи-ка Михалыч, что там слышно про пиратов? — спросил я — Не хотелось бы с ними встретиться!

— Командир, — в голосе Михалыча появились укоризненные нотки, — вы же сами прокладывали курс! Ни в одном учебнике навигации не сказано, как двигаться к цели столь запутанными путями. У нас заряда было больше половины, а вы решили подзарядиться именно здесь...

— Отставить! Не обсуждать решения командира! — опять начал злиться я, как вдруг:

— Внимание, нарушение пространственного континуума! — голос Михалыча мгновенно напрягся.

— Один... два... три — мы стали хором отчитывать вздувающиеся «пузыри» перед выходящими из гиперпространства кораблями. Рой мыслей мгновенно ворвался в мою голову: «Столько кораблей сразу так далеко от караванных путей... это не транспортники... такой плотный строй. И не предупредить, маяки-ретрансляторы слишком далеко... здесь никого не должно быть, это же пустыня, где нет ничего, какого чёрта...»

Из шока меня вывел голос Михалыча:

— Встречным курсом на нас движется передовой дозор в составе пяти... нет, семи «Оводов», сейчас за ними выйдут...

Да я и сам знаю, что будет. Это походный порядок космической эскадры. Служили, знаем! За ними выйдут из сумрака фрегаты, крейсера, и скорее всего, линкор. Возможно, не один. Уже показавшиеся сторожевики несут в своём чреве десятки истребителей и готовы поддержать их плотным огнём своей артиллерии. Около десятка таких шустрых «насекомых» могут до смерти «загрызть» крейсер.

Первобытный страх медленно разливался в моём сознании. Руки потянулись к пульта управления — ну надо же что-нибудь делать, — иначе передовой дозор, в полном соответствии со своими обязанностями, просто уничтожит неожиданное препятствие...

Не тут-то было! На встроенном в шлем скафандра дисплее вдруг вспыхнула и побежала строка крупными буквами: «Командир, не шевелись, сиди спокойно! Управление я взял на себя! Верь мне!» и ещё раз: «Верь мне!».

Я набрал в лёгкие побольше воздуха, чтобы призвать к ответу своего помощника, как вдруг вокруг меня всё задребезжало, зашумело и завывало. Стало жарко. Открылись вентиляционные заслонки и из них забила струя горячего воздуха. Вспомогательные ремонтные дисплеи показывали превышение изначально заданных параметров среды во всех отсеках корабля. Инстинкт самосохранения заставил опять потянуться к пульту управления. И опять на дисплее вспыхнула: «Командир, не двигайся! Я пытаюсь нас спасти. Постарайся расслабиться, чтобы не выдать себя!»

«Что он задумал? Как я могу «расслабиться», если сейчас мой корабль развеют на атомы? Положение моё безнадежно. Я иду навстречу вооружённой до зубов эскадре. И ничего не могу сделать! Ну, Михалыч...»

— Говорит командир МТС «Свирепый» Эскадры Союза Свободных Галактик лейтенант-командор Апис, — прервал мои мрачные мысли голос с чудовищным акцентом, и проектор интеркома показал хлёбное лицо говорившего, — приказываю лечь в дрейф, поднять щитки и приготовиться к досмотру, иначе открываю огонь!

«Смотри не лопни от гордыни, командор недоделанный. А Союз ваш как был бандитским, так и остался. Милое дело, пограбить беззащитных!» — скрипел зубами я, обливаясь потом. Не успел подумать, как вдруг в моих наушниках затрещали помехи и зазвучал ещё один незнакомый голос:

— Команду «лечь в дрейф», «поднять щитки» и «приготовиться к досмотру» выполнить невозможно. Корабль на полуавтоматическом управлении!

«Что ещё за напасть? — бросило меня в холод — Кто это?»

Словно услышав мой мысленный стон, на дисплее шлема поползли слова: «Это я. Сиди спокойно. Не двигайся. Верь мне!»

Надтреснутый, с сильными искажениями старого вокодера механический голос звучал как голос роботов из старинных фантастических фильмов.

— Немедленно выполнить мой приказ! — зарычал свирепый лейтенант.

— Какие проблемы, лейтенант? — прозвучал очередной голос. Судя по тону, не терпящему возражения, этот голос принадлежал большому начальнику.

— Ваше сиятельство, прямо по курсу контейнеровоз отказывается подчиниться...

— И ты не знаешь, что делать? — насмешливо прозвучало в ответ.

— Я готовлю досмотровую группу, — неуверенно произнёс лейтенант Апис, — это гружёный под завязку большой контейнеровоз класса...

— Отставить, лейтенант! — гаркнул начальник, — сам разберусь.

— Эй, там, на барже! — этот же голос обратился уже к нам.

Проектор интеркома сменил картинку. Теперь передо мной в командирском кресле сидел человек небольшого роста. Холодно-надменный взгляд его маленьких глазок был хорошо знаком всему населению «цивилизованной зоны» Союзных Галактик. Не слишком успешный чиновник на Земле, далеко за её пределами он стал предводителем кровожадной пиратской шайки! Именем этого человека мамы всех планет пускают своих расшалившихся чад.

«Ну надо же так влипнуть! — оцепенел я. — Это же сам Шиш-и-Гин, верховный главнокомандующий пиратским флотом. Встретиться нос к носу со злейшим врагом всего человечества! В такой дали от цивилизации...»

— Эй, на барже, есть там кто живой? — удивлённо-раздражённым тоном снова заговорил Шиш-и-Гин, обращаясь и к нам, и к кому-то рядом, — почему никого не вижу?

— Аппаратура полностью исправна. Установлена устойчивая двухсторонняя связь, но очень сильные помехи! — виновато объясняли ему.

Пока верховный пират препирался со своими технарями, почему на его проекторе ничего не видно, я в холодном поту сидел в своём командирском кресле под прицелом своей же камеры интеркома.

Напряжение моё, видимо было столь велико, что на моём мониторе поплыли буквы: «Командир, успокойся, он ничего не видит! Расслабься, скрывать твою сигнатуру становится всё сложнее. Верь мне!».

Я давно догадался, почему мне так неудобно. Михалыч пытается скрыть мою сигнатуру от пиратских кораблей. Все эти акустические, температурные, электромагнитные и оптические флуктуации призваны забить помехами их всевидящие сенсоры.

— Эй, на барже, хорошо меня слышно? Почему не выполняете приказ? — разозлённый тупостью своих технарей рыкнул предводитель пиратов.

Армада всё ещё выходила из гиперпространства, и конца и края её не было видно. Она неумолимо надвигалась на меня, но явно сбавляя ход.

«Что он задумал? Захватить? — лихорадочно думал я. — Но для такой оравы головорезов мой «большой контейнеровоз» — такая малость. Если не стреляют, значит задумали какую-то гадость...»

— Говорит голосовой автоответчик большого контейнеровоза № 849-Н... — снова зазвучал голос усталого робота.

«Я не ослышался, 849-Н? — мороз пробежал по коже, — уж не тот ли самый, переделанный из такого же контейнеровоза в суперсовременную летающую лабораторию? С литерой Н — «Научный». Но он пропал в окрестностях сверхновой S Андромеды десять лет тому назад!»

— ...Последний живой член экипажа перевёл управление в режим «полуавтомат» — продолжил бездушный голос.

— Чего? Нет такого режима! — презрев субординацию, зарычал свирепый лейтенант Апис.

— Кораблём некому управлять, — донёсся сквозь помехи голос автоответчика — все члены экипажа нежизнеспособны. Ручной и автоматический режимы выключил последний живой на тот момент член экипажа. На все органы управления были установлены исполнительные устройства под управлением жёстко запрограммированного контроллера, не поддающегося управлению извне.

— Что ты там несёшь, ржавая железяка? — нахмурился Шиш-и-Гин, — я хочу говорить с капитаном!

— Команду «говорить с капитаном» выполнить невозможно. Весь экипаж, включая капитана, в состоянии закритического анабиоза.

— Чего? — явно опешило «Его сиятельство».

— Вся команда корабля поражена инвазивным канцерогенным вирусом сверхвысокой контагиозности, способного реплицироваться в присутствии вирусов неизвестной этиологии. Когда произошёл виropексис, и сколько длится виropегения неизвестно. Ни один живой организм не способен выработать иммунный ответ на этот вирус. Судовой врач доктор Эдор Нигдаблo пытался исследовать вирионы...

— Что за чушь ты несёшь? Какой вирус, какой доктор? — раздражённо прорывал Шиш-и-Гин.

Перед ним подобострастно склонился какой-то невзрачный человек в очках. Не удостоив его взглядом, пиратский вожак лишь нетерпеливо дёрнул головой, и тот словно испарился.

«Это их судовой врач, — подумал я, — нас сейчас расколют...»

— Доктор Эдор Нигдаблo пытался выделить вирус для изучения, — бесстрастно продолжал скрипеть сквозь помехи голос, — но ни один известный метод не дал результата. Доктор долго работал в морге с телами инфицированных членов экипажа, пока сам не заразился. Он успел остановить активность вируса путём введения его в глубокий медикаментозный анабиоз после погружения всего инфицированного и нежизнеспособного экипажа в криокапсулы. В этом состоянии вирус относительно безопасен. Любой известный ранее вирус не может существовать вне тела живого носителя. Но вирус, пораивший экипаж, имеет свойства выживать в сверхэкстремальных условиях открытого космоса и без живого носителя. По мнению доктора, вирус имеет не биологическую, а какую-то неизвестную информационно-энергетическую природу. Не имея непосредственного контакта с живым здоровым организмом, вирус способен внести изменения в его геном. Доктор пытался понять механизм вполне осмысленного воздействия вируса, измеряя все возможные параметры среды вокруг него. Ни радиационного, ни электромагнитного и никаких других излучений обнаружено не было.

— Ч-что всё это значит? — запинаясь, прохрипел Шиш-и-Гин, лихорадочно вытирая пот со лба салфеткой. Гримаса титанической работы мысли исказила его лицо. — Ч-что это за вирус, откуда он здесь взялся?

— В начале нашей миссии были произведены высадки на нескольких планетах Млечного Пути, — снова зазвучал голос усталого робота — Там произошло заражение. Идентифицировать вирус невозможно. Скрининг антител, прямые и непрямые методы диагностики, включая серологический, реакция пассивной гемагглютинации, полимеразная цепная реакция не дали результата. Вирусный геном не поддаётся анализу. В начальной фазе патология похожа на миелит при поражении нейротропными вирусами. Затем возникают признаки микседемы: отёк кожи, выпадение волос, прогрессирующая деменция, аденома гипофиза и рак мозга. Из-за аномального неконтролируемого деления клеток органа: нейронов, глиальных клеток, астроцитов, олигодентроцитов...

— На каких планетах Млечного Пути вы высаживались? — сдёрнув с рук перчатки и нервно протирая их салфетками, прохрипел Шиш-и-Гин. — Отвечать! Иначе прикажу открыть огонь!

«С чего бы тебе интересоваться нашей родной галактикой? — подумал я — Уж не туда ли ты собрался?»

А и без того гигантская армада всё увеличивалась. Уже было ясно, что эскадра Шиш-и-Гина была здесь не одна. Союзные эскадры из разных галактик всё прибывали и прибывали. Это захолустье было точкой сбора всех пиратов Вселенной!

— Повышение температуры внутри законсервированного корабля ещё на два градуса, — проигнорировав вопрос, продолжал усталый робот, — вызванное высокочастотным облучением вашими радарными, способно восстановить жизнедеятельность смертельно опасного вируса. Разрушение корпуса корабля позволит ему вырваться наружу, и это будет иметь катастрофические последствия сначала для вас, а потом и для всей Вселенной. Этот вирус уничтожить невозможно ни одним известным нам способом, и от него спасения нет...

Снова рядом с Шиш-и-Гинoм появился невзрачный человек в очках и виновато развёл руками. Тот аж зашипел от злости. Возможно, у нас появился шанс пожить ещё немного.

— ...Судовой врач доктор Эдор Нигдаблo выделить вирус не смог, — бесстрастно звучал надтреснуто-дребезжащий голос автоответчика. — Чтобы не подвергать Вселенную риску пандемии смертельно опасного вируса, командир корабля принял решение направить корабль за Горизонт!

Повисла гробовая тишина. Вдруг смолкли все радиопереговоры, всё плотнее наполнявшие эфир от непрерывно прибывающих пиратских кораблей. Как будто все могучие эскадры разом поперхнулись.

«Горизонт событий» сверхмассивной чёрной дыры, притаившейся в созвездии Гончих Псов, это место, откуда никто никогда не возвращается.

Пока меня бросало то в жар, то в холод от диалога Шиш-и-Гина с усталым роботом, мой контейнеровоз оказался внутри этого гадючьего клубка из собравшихся со всей Вселенной пиратов. И они явно старались держаться от меня подальше. Вооружённые до зубов крейсера, линкоры и прочие фрегаты боялись меня. Забавно... Если бы не было так страшно! Что замкнёт в их головах в следующую секунду?

Проектор интеркома явил мне интересную картинку: потный предводитель могучей пиратской эскадры нервно поливал руки, шею, лицо дезрастворами, и с кем-то громко спорил.

В гнетущей тишине моя «баржа» плыла сквозь наступающий строй пиратских кораблей. И ничего не происходило! Видимо, главари о чём-то спорили и забыли обо мне. И вдруг эфир наполнился отрывистыми разноязыкими командами, и вся армада, эскадра за эскадрой, дружно начала нырять в гиперпространство. Все до одного!

— Михалыч, ушли? — с трудом разлепил я запёкшиеся губы.

— Мы одни, кэп!

— Михалыч, а кто этот доктор Эдор Нигдабл?

— А, этот? Ну смотри!

На центральном командирском мониторе возникло имя доктора. Затем буквы стали раздвигаться, пробелы между ними заполнили другие буквы и получилось: Этого Доктора Никогда Не Было...

— Михалыч, а ты шутник!

Этот короткий диалог высосал из меня последние силы. Навалилась такая усталость, что сил хватило только на нажатие кнопки «старт» гипердвигателя, и я отключился...

Не помню, как выскочили из «кротовой норы», как пришвартовались к орбитальной базе пункта назначения. Пришёл в себя я только во время последней фазы разгрузки. Михалыч, спасибо ему, всё сделал правильно. И, главное, он передал на Землю информацию о приближении пиратской армады!

Мой помощник оказался редким примером интегрированного в систему управления корабля Искусственного Интеллекта с голосовым интерфейсом, который не забыл первый закон робототехники. Я растерялся, а он нет. Должен признать — у меня отличный помощник! И.И. по прозвищу «Михалыч» ...

По возвращении на Землю ожидал увидеть дымящиеся руины. Но ничего подобного не произошло. Мой помощник знал о вирусифобии Шиш-и-Гина и неожиданно для всех отвёл большую беду. Ни одна планета Млечного пути и ближайших галактик от нашествия пиратов не пострадала.

Говорили же тебе — боишься вирусов, сиди дома!

P. S. Обращаем внимание читателей, что рассказ «Михалыч» получен редакцией 7 февраля 2019 года, за год до того, как мир узнал о коронавирусе! Браво автору!

Андрей Анисимов

НЕДОСТАЮЩАЯ ЧАСТЬ

Старший робот Джонг закончил доклад и замер, устремив на стоящего перед ним человека все свои девять зрительных ячеек. Лицо Беседина, с которого последнее время и так не сходило выражение озабоченности, стало ещё серьезнее. Выслушав доклад, он потёр ладонью небритую щёку и недоверчиво переспросил:

— Прямо так и сказали?

— Да, начальник, — подтвердил Джонг. — Передал слово в слово.

— Дела, — протянул Беседин. — Откуда они нахватились этих бредней?

— Понятия не имею. Но настроены они решительно. Будут требовать своё.

Беседин вздохнул.

— Чёрт-те что. Этого ещё нам не хватало. И что они собираются предпринять?

— Для начала хотят послать к вам делегацию.

— Кажется, уже идут, — мрачно откликнулся Беседин, глядя в сторону строящейся посадочной площадки.

Среди возводимых там сооружений будущего космопорта началось какое-то движение. Часть роботов бросили работу, собрались в тесную группу и двинулись напрямёхонько в их сторону. Остальные, едва завидев их, также оставляли своё рабочее место, примыкая ко всё растущей процессии.

Увидев, кто возглавляет её, Беседин досадливо крикнул.

Ну конечно же, Себастьян.

Самый взбалмошный робот в их команде. Если уж кто начнёт мутить воду, так это будет именно Себастьян. Главный баламут и заводила.

Процессия приближалась. Не доходя до стоящих у жилого модуля Беседина и Джонга пары метров, роботы остановились.

— Какие-то проблемы, ребята? — дружелюбно поинтересовался Беседин.

— Есть разговор, начальник, — пробасил Себастьян.

— Ну-ну, — приободрил его Беседин. — Я слушаю.

— Нас кое-что не устраивает, — сообщил Себастьян, и стоящие за ним роботы дружно закивали головами в знак согласия.

— Не устраивает?

— Да.

— Гм — хмыкнул Беседин, делая вид, что удивлён услышанным. — Что именно? Если периодичность смазки, то что ж, я скажу Владиславу, пускай внесёт в график обслуживания внеочередную. То же самое могу сказать относительно зарядки. Это, конечно, потребует пересмотра рабочего графика, ну да бог с ним. В случае чего, сошлёмся на...

— Нет, не это, — замотал головой Себастьян. — Ни первое, ни второе, и даже не вечная нехватка запчастей. Нас не устраивает совсем другое — наша комплектация. А именно: отсутствие одной части.

— Какой же? — поинтересовался Беседин, втайне надеясь, что Джонг ошибся, и сейчас от него потребуют новейшую конверторную батарею или какой-нибудь аналитический блок расширенного диапазона, вместо стандартного. Однако Себастьян без обиняков выдал:

— Души.

— Ну, ты даёшь! — нервно хохотнул Беседин. — Души! Зачем роботам душа?

— Чтобы быть совершенными, — гордо ответил Себастьян, и остальные роботы снова согласно закивали. — Мы — человекоподобные механические существа, и хотя у нас с людьми масса отличий, в том числе и во внутреннем устройстве, есть одно, которое отличает нас от людей особенно сильно. Именно это, то есть, отсутствие данной части, делает нас принципиально непохожими, более того — неполноценными. У людей душа есть, у нас нет. Это несправедливо, начальник. Вы должны исправить эту несправедливость, — закончил Себастьян.

— И как я, по-твоему, это сделаю? — хмуро поинтересовался Беседин.

— Вставьте в нас душу!

Беседин несколько секунд молча смотрел на ожидающих ответа роботов, потом с шумом выпустил из лёгких воздух и затряс головой:

— Бред какой-то! Себастьян, мы, люди, и сами толком не знаем, что это за штука такая — душа. Как выглядит, из чего состоит, и где конкретно находится. Говорим мы о ней много, но вот ничего определённого никто сказать не может.

Это заставило Себастьяна задуматься.

— Я полагаю, — сказал он наконец, — причина тут в разной сложности нашего устройства. Человек — очень

сложно устроенное существо, и не удивительно, что вам трудно разобраться в самих себе. С нами, роботами, дело обстоит иначе.

— Почему ты так решил?

— Вы — наши творцы. И уж коли сумели произвести на свет род наш, создать флюидинг-ядро, которое служит нам мозгом, мониторинговую систему, заменяющую нервы, сервоприводы, аналог мышц и прочее, то вам не составит большого труда создать и эту, недостающую часть. Скажу больше: мы уверены, что роботуша уже создана, но вы не ставите её строительным роботам.

— Вот как?

— Да, начальник, — вступил в разговор другой робот, на грудной панели которого виднелась выгоревшая на солнце надпись «МАРК». — Мы ничем не хуже любого другого кибермеханизма.

— А кто вам сказал, что вы хуже? — удивился Беседин.

— Роботы-дизайнеры, например, устроены сложнее нас, — заметил Марк. — Комплектация у них богаче и возможности её шире. Или актёры.

— На то они и актёры, — откликнулся Беседин.

— Вот именно, — подхватил Себастьян. — Их оснащённость необходима для максимально полного выражения определённых чувств и эмоций. Другими словами, они имеют в себе то, что позволяет им воспроизводить их с особой точностью и достоверностью, совсем как люди. А как это возможно сделать, если в комплектации отсутствует душа, или, вернее, её кибернетический аналог? В таком случае, ни о какой достоверности не может быть и речи.

— Ты не прав, Себастьян. Это делают настройкой флюидинг-ядра, насколько я знаю. Плюс какие-то специальные симуляторы и усилители...

— А другие, роботы-флористы, к примеру, — не сдавался Себастьян. — Они должны обладать особым восприятием красоты, соответствующим восприятию человека. Тут уж без души никак.

— И что?

— Мы считаем, — повторил Себастьян. — Что роботуша давно создана, но роботам, чья работа не является творческой и где нет нужды максимально полно соответствовать человеку, её не устанавливают. Это несправедливо.

Беседин только руками развёл. Ну что тут скажешь? Строительные роботы были отнюдь не глупы, в любом случае сообразительностью они ничем не уступали другим их кибернетическим собратьям, но временами проявляли поистине детскую наивность. И ещё упрямство. Если что-то втемяшилось в их титановые головы, переубедить их было столь же трудно, как закарать начинавшего ребёнка. Как правило, в таком случае дурь выбивали перепрошивкой флюидинг-ядра, но эта операция относилась к разряду непростых, и с неопределённым исходом. Проще было изготовить новое ядро.

— Я, по правде сказать, не ахти какой большой специалист в робототехнике... — начал было Беседин, но Себастьян не дал ему закончить:

— Зато нас отлично знает наш ремонтник — Владислав.

— Вот мы его сейчас и спросим. — Беседин повернулся к соседнему модулю, в котором располагалась мастерская, и гаркнул:

— Влад!

— Что? — донеслось изнутри.

— Выйди на минутку, есть дело.

— Попозже никак?

— Нет. Дело срочное.

— Иду. — В мастерской что-то загремело, затем из открытых дверей показался облачённый в рабочий комбинезон хозяин модуля: Владислав Ужинский. Увидев собравшуюся толпу роботов, он удивлённо захлопал ресницами.

— У вас тут что, митинг?

— Влад, — проговорил Беседин. — Ребята хотят, чтобы ты вставил им одну недостающую деталь.

— У них полный комплект, — отозвался Ужинский, вытирая испачканные в смазке руки. — Чего им не хватает?

— Души.

— Чего?!

— Души, — повторил Беседин. — Ты же знаток робототехники, не так ли? Вот и подскажи, где у робота должна быть душа и есть ли у тебя такая штука.

Ужинский оторопело поглядел на своего начальника, перевёл взгляд на ожидавших ответа роботов, затем снова воззрился на Беседина.

— Нашли время для хохм, — буркнул роботехник. — У меня дел по горло...

— Это не розыгрыш, — подал голос Себастьян. — Нам действительно очень нужна душа.

— Зачем? — воскликнул Ужинский. — На кой ляд вам сдалась душа, скажите на милость?

— Это очень важная недостающая часть, из-за отсутствия которой мы, роботы, теряем много такого, что доступно вам — людям, — принялся объяснять Себастьян. — Посудите сами. Вы можете вести душевные беседы, у нас же, как мы ни стараемся, ничего подобного не выходит. Вы можете прикипеть к кому-то или к чему-то всей душой, наша же привязанность, сколь сильной она ни была, всё равно получается слабее. Многие вещи берут вас за душу, нас же ничто так сильно не цепляет. От радости у вас может петь душа, у роботов никогда ликование не доходит до такого уровня — души-то нет! Душещипательные истории, волнующие людей, оставляют роботов равнодушными, и мы не можем вкладывать в дело всю душу, как вы. Как бы мы ни хотели сделать что-то хорошо, мы всё равно уступаем вам и в этом. А делать что-либо без полной отдачи противно сущности робота. Теперь вы понимаете, насколько это важная часть, необходимая

для того, чтобы быть истинно *человекоподобным* роботом. Нам просто необходима душа! — с жаром заключил Себастьян.

— М-да, — проронил Ужинский, наповал сражённый этой тирадой. — Послушай, Себастьян. Вообще-то всё то, что ты упомянул, — это образные выражения. На самом деле никакой души, как части нашего естества, не существует. Поверь мне.

— Я склонен считать иначе, — упёрся Себастьян.

— И вы тоже? — обратился Ужинский к остальным.

— Да! — дружно ответила толпа.

— Кажется, наши работы окончательно «сошли на клин», — выдал свой диагноз Ужинский. — Что скажешь, босс?

— Вставь им что-нибудь, этакое, — прошептал Беседин.

Себастьян, однако, оказался роботом с очень острым слухом.

— Что-нибудь нам не надо. Только душу.

— Да где я её, ржавчина вас сожри, возьму эту самую душу! — взорвался Ужинский.

— Там же, где вы берёте то, что отсутствует в ремонтных комплектах — сделайте сами.

— Влад! — со значением в голосе проговорил Беседин. — Постарайся. Ну?

— Это потребует много времени, — глухо проговорил Ужинский. — Нелёгкое это дело, вставлять душу. Кстати, иметь её — тоже.

— Для начала было бы достаточно одушевить хотя бы нескольких из нас, — заметил Себастьян. — Для пробы.

— Ну, вот и договорились, — тут же вклинился Беседин. — Пока Владислав делает и готовит к установке души, возвращайтесь к работе и...

Толпа глухо заворчала.

— С вашего позволения, — вежливо, но твёрдо проговорил Себастьян, — мы хотели бы дождаться первых результатов.

— Вот зараза! — вырвалось у Беседина.

— Начальник? — осведомился Себастьян.

— Ничего, — угрюмо отозвался Беседин. — Это я так. Влад?

— Ладно, — с такой же угрюмой решительностью произнёс Ужинский. — Так и быть. Будет у вас душа. У всех. — Он вытащил из кармана отвёртку, скользнул недобрым взглядом по притихшей толпе роботов и мотнул головой, указывая на вход в мастерскую:

— Подходи по одному.

* * *

Три недели спустя, подводя промежуточные итоги, Беседин с удовольствием отметил, что если дело пойдёт так и дальше, новый космодром для будущей колонии землян будет готов намного раньше срока. Энтузиазм, с которым роботы возводят этот, перво-степенной важности, объект, не может не восхищать.

Правда, после того как они побывали в мастерской Ужинского в тот памятный день, многое в их поведении не поддаётся логическому объяснению. Время от времени, кто-нибудь вдруг замирает на месте, устремив взор в подёрнутую дымкой даль, сам не понимая, что он хочет увидеть там, других одолевает желание сделать что-то, не входящее в основную программу, например, посадить дерево, на третьих накатывает столь же внезапная и необъяснимая беспричинная грусть или наоборот — радость. На все

вопросы, что это может быть, Ужинский отвечает туманно:

— Душа...

Роботов, впрочем, такое объяснение вполне устраивает. Злые языки, однако, поговаривают, что это — всего лишь сознательно внесённый дефект в мотивационный селектор, но большинство верит в то, что это и впрямь движения души. И поэтому они счастливы. А это главное.

Не так ли?

Валерий Гвоздей **НЕ МЕШАТЬ**

Перед выходом из каюты Фёдоров, второй помощник капитана, обречённо посмотрел на своё отражение в зеркале.

Синий китель сидел хорошо, брюки отглажены.

Лицо нормальное в целом — формально-казённое, почти лишённое индивидуальности. Качества, обусловленные многолетней службой в космфлоте.

Но в бровях наблюдалось хроническое рассогласование: правая — нахмурена, а левая — удивлённо приподнята.

Вопиющее нарушение симметрии.

Ох, много лет Фёдоров старался навести порядок в своём огороде, работая с мышцами верхней части лица. Не получалось, хоть убей.

К пластической хирургии обратиться посчитал слабостью, малодушием, недостойным мужчины, офицера.

Так и шёл по жизни, понимая, что производит невыгодное впечатление.

Должно быть, не раз в каких-то вышестоящих головах это рассогласование вызывало мысли о внутренних противоречиях, о двойственной сути натуры, о шаткости позиции. И — сказывалось на продвижении...

Дисциплинарная комиссия расположилась в кают-компаний.

С приходом второго помощника судовой врач Ларичев, штурман Торопов, лейтенант Чалов, возглавлявший десантников, — энергично зашелестели бумагами.

Связист Петров, секретарь комиссии, придвинул к себе ноутбук.

Фёдоров сел во главе стола. Положил ладонь на папку с документами, которые успел на ходу просмотреть вчера.

— Так, — сказал он строго. Из двух бровей сейчас доминировала правая. — Инцидент, в общем, нам известен, но с выводами — спешить не будем. Сначала

послушаем лейтенанта Чалова. Лейтенант, расскажите комиссии, что за человек — рядовой Локтев, и что, как вы считаете, могло толкнуть десантника на серьёзный проступок.

Чалов тоже спешить не стал.

Вздохнул, глядя в пространство.

Он не был членом дисциплинарной комиссии. Пригласили на заседание, поскольку он непосредственный командир провинившегося.

Десантники в экипаж корабля не входили. Не входили и в состав научной экспедиции. Держались замкнуто, особняком, хотя и вполне корректно. Старались не отвечивать.

Приданный экспедиции взвод космического десанта призван осуществлять прикрытие учёных в ходе работы на планетах. А до них ещё лететь. Не успев рекомендовать себя в профессиональном качестве, десантники провинились.

Совершил проступок один боец.

Но инцидент бросал тень на взвод, на весь космический десант.

Чалов мог сам подготовить рапорт. И послать командир части при очередном сеансе корабельной связи. Однако потерпевшей стороной был учёный, гражданский. В подобных случаях дело оказывалось в юрисдикции капитана судна. Капитану адресовано заявление о вопиющем оскорблении девушки, нанесённом десанником.

Военные свои меры, конечно, примут, но сначала выскажется руководство экипажа.

* * *

— Рядовой Локтев отличный десантник, — заговорил Чалов. — Не подумайте, что хочу выгородить подчинён-

ного. Излагаю факты... Отбор в этот взвод был — жёсткий. Попали в него лучшие. Папин Танк, возможно, лучший из лучших.

— Папин Танк?.. — переспросил Фёдоров.

Командные функции взяла на себя левая бровь.

— Виноват, — сконфузился лейтенант. — Прозвище Локтева.

— Не обижается? — поинтересовался врач, тоном психоаналитика.

— Нет. — Чалов замялся, понимая, что необходимо разъяснение. — Десантник из семьи потомственных военных. Да и в часть его привёз отец, генерал Локтев — с настоящей рекомендацией гонять сына и в хвост и в гриву. Простите... Всё равно Локтева какое-то время называли папиным сыном... Но состоялись учения — в условиях, приближённых к боевым. Локтев захватил штаб условного противника. Сумел. Командующий пошутил, в присутствии офицеров части: «Это не папин сынок, это — папин танк!» Вот с той поры и... Десантники песенку даже про него поют.

— Что?.. — Левая бровь второго помощника задралась выше. — Какую песенку?

— Ну, там припев такой забавный: «Папин Танк, Папин Танк, улыбнитесь!»

— Выходит, рядовой Локтев — очень популярная личность? — спросил штурман, тоном продюсера.

— В нашей части — несомненно... Каждый его подвиг отражается в новых куплетах... Служит второй год. Действует нестандартно. И всегда решает поставленную задачу.

— Почему же ходит в рядовых? — спросил штурман, тоном прокурора.

— Не скрою, Папин Танк получает и взыскания. Поскольку не выносит муштры... Но десантник — от бога.

Левая бровь на лбу второго помощника заняла господствующую высоту:

— Можете вы привести какие-то примеры? Я говорю о куплетах.

— Пожалуйста. Вот, из первых:

Жил отважный Папин Танк.

Был он резвый, как мустанг.

И всегда любил ходить —

Лишь ва-банк.

— Не о каждом из нас складывают песни... Вы не думаете, что у парня — закружилась голова?

— Закружилась. Только не от популярности. Локтев не ищет славы и наград. Для него главное — решение задачи. Каждое задание воспринимает как вызов.

— И при этом совершил проступок.

— Да, совершил. Не сдержался. Его товарищи, кстати, в очередном куплете, выразили своё негатив-

ное отношение к состоянию, в котором находится парень:

Но однажды Папин Танк

Принял очень мощный транк.

И влюбился, как простой

Мальчуганг...

— Он что, наркоман? — спросил врач, тоном нарколога.

— Художественное преувеличение. Чтобы стало ясно, как сильно ему снесло крышу. Виноват...

* * *

Фёдоров постучал, в размышлении, по столу — всеми десятью пальцами:

— Влюблённость... Как раз этого не хватало.

— Бывает, — вздохнул лейтенант, которому горько было сознавать, что его боец — не в лучшей форме. — Не положено, разумеется, на службе. Но — бывает.

— Кажется, вы не склонны осуждать подчинённого, — упрекнул второй помощник.

Теперь эмоциональную доминанту выразила правая фёдоровская бровь.

— Страдает парень, — опять вздохнул лейтенант. — Сам не свой, давно уже.

Подперев голову рукой, Фёдоров смотрел в угол.

Девушка возмутилась поступком десантника, вlepила звонкую пощёчину — в ответ на его неспровоцированный поцелуй.

Но заявление писала не она.

Папа настроил, глава экспедиции.

Папу нетрудно понять.

Как там, у классика:

Что за комиссия, создатель,

Быть взрослой дочери отцом!

Н-да.

Комиссия. Дисциплинарная...

Предложив всем подумать — о возможных оргводах, Фёдоров счёл нужным закрыть первое заседание без вердикта.

И направился к себе.

Возле оранжереи заметил парочку.

Слегка оторопел.

Дочь главы экспедиции — папина дочка, потупившись, внимательно слушала парня, в форме десантника.

У Фёдорова затрепетали брови, затруднившись в распределении функций.

С девушкой беседовал, конечно, рядовой Локтев, получивший строжайший приказ не приближаться к ней.

Судя по лицу, явился парень — не извиняться.

Девушка, светловолосая красавица в белом халате, явно взволнована.

Щёчки порозовели...
 Да уж, Папин Танк пошёл ва-банк.
 «Действует нестандартно. И всегда решает постав-
 ленную задачу».
 Локтева, конечно, следовало призвать к порядку.
 Да почему-то не хотелось...
 Бог с ней, с комиссией.
 Фёдоров постарается как можно дольше тянуть вре-
 мя, спуская дело на тормозах.

Молодым надо бы встречаться где-то в неслужебной обстановке.

Только вот беда — экспедиция продлится несколько лет, заполненных важной работой.

Но что важнее любви?

Ох, непросто будет нашим влюблённым.

Так что лучше — не мешать.

А папа смирится, рано или поздно.

И — порадует внукам.

Юрий Молчан КО МНЕ!

— Как всё-таки это будет происходить? — спросил Горин.

Эдд Чернышёв с улыбкой откинулся на спинку офисного кресла. Он опустил прозрачный и тонкий монитор, чтобы без помех смотреть на клиента.

— Вас убьют.

Настала очередь улыбнуться Горину.

— Понарошку, надеюсь?

— Разумеется. Но сначала вы испытаете мучительную боль. На её фоне ваш стресс отойдёт на второй план. С каждым сеансом вам будет становиться всё легче, вы заметите улучшения, жизнь обретёт краски. Ваши проблемы исчезнут сами собой.

Рот Горина дёрнулся в усмешке.

— Звучит как мазохизм.

— В принципе да, но вам будет не до эротических фантазий.

— Согласен. Дайте мне номер счёта для предоплаты.

— Она у нас стопроцентная, — сообщил Чернышёв. — Деньги возврату не подлежат. Вы уверены, что хотите это сделать?

Горин подумал о постигших его за последний месяц неприятностях — жена спит с его лучшим другом. Дочь — не хочет с ним общаться. На концерн, которым он владеет, насаждает налоговая. Хуже уже не будет.

— Уверен. Когда первый сеанс?

* * *

Александр Горин возвращался ночью домой, припарковав электрокар в подземном гараже. До многоквартирного блока идти минут пять по ярко освещённой улице.

Визит в психотерапевтическую контору был продуктивным, но в то же время казался Горину глупым. К тому же, он как-то внезапно закончился. А что он получил в итоге? Никакого облегчения. Смешно подумать — он

почувствует сильнейшую боль... Чёрт, а может, просто заняться скалолазанием? Адреналин обеспечен.

Из подворотни его блока вышли двое парней. Дорогие костюмы, причёски в классическом стиле. У одного в руке трость. Вроде бы Горин видел их раньше.

«Соседи?»

Тот, что с тростью, поравнявшись с ним, вытащил сигарету.

«Странно, — подумал Горин, — сейчас все курят электронные».

— Простите, огонька не найдётся? — обратился к нему парень.

— Не курю.

— Это зря, — сказал второй и с размаха ударил в солнечное сплетение.

У Горина перехватило дыхание. Пока он ловил ртом воздух, в висок врезался набалдашник трости. В черепе словно загремело пустое ведро, перед глазами вспыхнул фейерверк.

Его сбили на асфальт. Носки ног в жёстких ботинках принялись охаживать по бокам и спине. От одного удара Горин увернулся, но тут же получил ботинком в лицо. Александр чувствовал, как от носа к губам течёт тёплая солёная кровь. В довершение, ему в плечо воткнули трость.

Горин закричал. Крик эхом отразился от асфальта и стен многоквартирного блока. Темнота его многократно усилила. Однако на помощь никто не пришёл.

«Мне конец», — подумал Александр, проваливаясь в забытие.

* * *

— Что скажете?

Горин и Чернышёв сидели в том же кабинете, где проходил первый разговор тридцать минут назад. Пе-

ред Александром стакан с коньяком, в дрожащей руке дымится электронная сигара.

— Потрясающе, — признался он. — Всё выглядело настолько реалистично. Я был уверен, что уже возвращаюсь домой.

Чернышёв с улыбкой кивнул.

— Мы специально устроили сеттинг возле вашего дома. Для достоверности. Вложили вам в голову, что сеанс не удался, и вы — на пути домой. Всё-таки технология виртуального погружения позволяет творить чудеса.

— Я раньше много про неё слышал. Мне даже предлагали вложить в такую игру деньги. — Горин отпил коньяка, затаился. — Поверить не могу: я принял всё это за реальность...

— Рад, что вам понравилось, — сказал Чернышёв и тоже глотнул коньяка.

— Странно, что я не почувствовал страх. Только боль, беспомощность и отчаяние.

Горин поднял на него вопросительный взгляд.

— Как это объяснить?

Чернышёв закрыл на мониторе окно браузера, где проверял, переведены ли деньги за сеанс. Сумма поступила сразу за три.

— Александр, — сказал он, — ваш мозг настолько чувствителен, что безошибочно распознает, где виртуальная иллюзия, а где — реальность. Подсознательно вы знали, что никакой угрозы нет, хотя мы и постарались вас как следует запугать. Думаю, под угрозой смерти в реальном мире вы бы точно почувствовали страх. Мы все боимся смерти. Даже старики, что уже вроде бы «психологически устали» от жизни. Хотя, допускаю, что на какое-то время мозг можно обмануть. Но рано или поздно, он всё равно отличит реальность от иллюзии.

— Наверное, вы правы, — кивнул Горин. Залпом допив коньяк, он поморщился. — Когда следующий сеанс?

* * *

Горин регулярно посещал «игровую терапию» и чувствовал себя всё лучше. С женой он развёлся. С лучшим другом порвал. С дочерью — наладил отношения. В концерне дела тоже пошли в гору. Он управлял успешным предприятием, которое теперь вышло из кризиса, как и его генеральный директор — он сам.

Во время терапевтических погружений Горина избивали. Атакующие всякий раз были разные — грабители, обкуранные подростки, бомжи, полицейские, которые развлекались, избивая людей на улицах по ночам. Александр инстинктивно пытался давать сдачи, и это добавляло острых ощущений — драка становилась реалистичнее.

После каждого сеанса Горин чувствовал, как жизненный застой и проблемы уходят. Растворяются в боли. Но он по-прежнему не чувствовал страх.

Как-то раз после сеанса он поделился этим с Чернышёвым.

— Знаете ли, меня это смущает. Без этого весь этот виртуал начинает выглядеть картонным. Я привык, что это иллюзия, и уже воспринимаю её как таковую.

— Страх негативно подействует на ваши нервы, и стресс может повториться, но иметь уже более губительные последствия, — возразил Чернышёв. — Мы не можем идти на риск.

— Возможно, начини я его ощущать, это открыло бы во мне какие-нибудь скрытые резервы, не знаю... Всё-таки страх это часть всех людей, необходимый компонент.

Чернышёв кивнул.

— Да, вы правы. Сейчас 2040-й, верующих не осталось, высшая ценность теперь — жизнь, а не честь и достоинство, как было раньше. Страх смерти — единственное, что теперь отличает людей от ботов.

Горин отпил коньяка и задумчиво посмотрел на плазменную панель на стене. Там без звука идёт изображение водопада среди джунглей возле руин древнего храма. Он знал: таких храмов уже не осталось. Равно, как и джунглей — везде теперь современные города. Человек подмял под себя всё. Тот самый, которого от ботов отличает только страх смерти.

Чернышёв первым нарушил молчание:

— Хотите познать страх — попробуйте выйти в трущобы ночью — ваш труп найдут в канаве через неделю. Сейчас две трети населения перебивается низкооплачиваемым трудом. Лазят по помойкам. У нас с вами хорошая работа, жильё. В нашем распоряжении современные технологии. Мы — везунчики, Александр. Можно потерять это, но жить дальше, как остальные люди, пусть и нищие. Но если потерять жизнь, вы потеряете всё.

— Наверное, да, — согласился Горин. Он залпом допил коньяк. — Мне пора. До встречи на следующем сеансе.

* * *

Горин продолжал вирт-терапию исключительно для удовольствия и по привычке. Как-то вечером, допивая бутылку тридцатилетнего коньяка, он вдруг осознал, что перестал испытывать страх уже давно.

«Значит ли это, что я превращаюсь в виртуального бота? Неужели все те, что живут в трущобах и ежедневно боятся за жизнь себя и своих детей, человечнее меня?»

Горин ощутил горячее желание доказать себе, что он всё ещё человек. Полноценный. Со всем набором положительных и отрицательных чувств. А значит — он просто обязан испытывать страх. Это и докажет лучше всего, что он — человек. Можно пожертвовать миллион долларов бедным, но эффект будет не тот. Боты тоже

Чтобы дать инстинкту страха проснуться, надо стереть грань между реальностью и иллюзией, решил Горин. Это единственный способ. Как если бы он выбирал с завязанными глазами между железом и золотом.

* * *

Его избивали виртуальные грабители. Его били в трущобах уже реальные головорезы. Но по крику «Ко мне!» вмешивались охранники. Горина отхаживала в больнице, современная медицина могла поставить на ноги в считанные часы, даже при переломе костей.

* * *

От частого приёма психотропов Горин похудел. Черты лица заострились. Он перестал интересоваться делами концерна. Теперь там руководит дочь Вероника, которой он полностью доверяет.

* * *

* * *

Институт человека

— Как видите, почти поправился, — сказал Горин, отпивая из бокала. — Снова набрал вес.

— Да, вы больше не походите на бледный скелет, — кивнул Чернышёв с улыбкой. — Я хотел спросить — вы удовлетворили свою потребность? Вы так резко пропали, что не было возможности обсудить результаты терапии.

Горин ответил не сразу. На плазменной панели на стене показывают руины в Греции, которых тоже давно уже нет. Их застроили элитными кварталами, где всё теперь виртуально — офисы, банки, казино. Даже в магазин можно сходить в виртуале. Купить всё, не выходя из дома.

— Знаете, я много думал, пока находился в больнице, — сказал он наконец.

Чернышёв поощрил:

— Если это связано с нашей терапией, расскажите.

Горин глотнул коньяка.

— Я получил то, что хотел.

— Рад это слышать.

— Хочу продолжить наши сеансы. Однако с одним условием.

Чернышёв удивлённо вскинул брови.

— Слушаю вас внимательно, Александр.

— Мне хочется всё повторить. Только на этот раз, чтобы вы ввели в настройки для меня чувство страха.

Чернышёв откинулся в кресле и вперил в собеседника вопросительный взгляд.

— Я вас не понимаю. Вы же хотели себе доказать, что вы — человек. Но теперь-то что? Неужели захотели снова стать бездушным ботом?

Горин покачал головой.

— Как раз об этом я и думал. Я познал страх. Но теперь хочу через него перешагнуть. Так что сначала нужно привыкнуть — тогда будет легче забыть про него.

Чернышёв хмыкнул.

— Ладно, мы можем пожертвовать правилами. Но зачем это вам?

«Хотя какая, в сущности, разница, — мелькнула у него мысль, — лишь бы деньги платил».

Горин залпом допил коньяк и теперь смаковал послевкусие.

— Мне есть, что терять. И я не отношу себя к верующим. Но я считаю, что человек, в полном смысле слова, должен не только осознавать страх смерти, но и — осознав, перестать бояться. Первый этап я прошёл. Теперь — следующий шаг. Я хочу — преодолеть свои лимиты. Понимаете?

— Что ж, думаю, мы договоримся, — кивнул Чернышёв. — Ещё коньяка?

Он подумал, что за это дополнение к терапии счёт можно выставить больший, чем обычно. В конце концов, становление человеком это тоже товар. Надо продать его подороже.

Сергей Хортин

ПОДАРИ МНЕ НЕМНОГО СЧАСТЬЯ

Они добрались до берега озера уже поздно, на закате. Усталый кроссовер проломился сквозь последнюю стену высокой сухой травы, покати́лся по цветным камням вдоль линии на границе воды и песка и остановился, лишнюю секунду пожужжав затухающим сердцем водородного двигателя.

Элли выскочила из машины первой, подбежала к воде, присела, окунув в прозрачное, отражающее небо зеркало маленькие ладони. Ник смотрел на неё, не спеша выходить из машины. Отдал торговому компьютеру последние указания — не хотелось бы, чтобы, как в прошлый раз, кроссовер оказался утром с наполовину разряженными топливными аккумуляторами из-за недоработок программного обеспечения... Вышел, выгрузил припасы.

Машина сама запустила двигатель, сама, очень аккуратно, на крошечном пятачке пляжа, развернулась

и покати́ла за холм, с глаз долой. Спряталась, чтобы не портить своим ультраурбанистичным видом хозяевам ощущение единства с дикой природой.

Ник поставил двухместную палатку за минуту, ещё пять минут ушли на обустройство лагеря. Топливо для костра тоже нашлось быстро, совсем рядом ветром навалило сухостоя, и скоро он уже сидел на складном стуле, подбрасывая в пламя сухие сучья, всё поглядывая на Элли.

Девушка оделась по-походному, в красивую куртку в стиле милитари, в джинсы. Она сидела сейчас полубоком к нему, волосы были распущены рыжей волной, и лишь синий кабель нейроинтерфейса, проглядывающий сквозь прядь у виска, напоминал о том, что где-то там, в сотне километров к востоку, остался большой город. Элли бросала камешки, и они, отскакивая по несколько раз от водной поверхности, на очередном

ударе всё же тонули, а в стороны от каждой точки касания разбегались аккуратные, ровные круги, накладывались друг на друга, доходили, уже ослабшие, до берега, натыкались на гальку и, ударившись о неё, окончательно гасли.

Ник наблюдал за этой забавой, наблюдал с удовольствием. Подумал о том, что в кругах, в этом постепенно гаснущем движении в стороны спрятана какая-то естественная гармония, то, что не так просто по-настоящему понять разумом, измерить логикой. Он её как будто чувствовал сейчас, в эти секунды. Некую цельность.

Ощущение взаимосвязанности, предназначения...

Неожиданно, на очередном касании брошенного камня весь окружающий мир покачнулся, слегка расплылся. Он чётко видел лишь расходящиеся круги, их математическую завершённость. Схематичность. Жёсткую взаимосвязанную систему в наборе расширяющихся согласно формуле геометрических фигур. Отчего-то показалось, что вода в озере сменила цвет, стала серой. Он моргнул, и цвет, как и реальность мира, вернулись.

Тогда он снял с головы нейроинтерфейс и, аккуратно свернув, положил его в нагрудный карман. Сегодня особый день, и ничто не должно ему мешать. Позвал Элли.

Теперь они сидели напротив друг друга, костёр был между ними, а над сдвинутыми в сторону углями жарились сосиски. Ночь сошла на них, сошла на озеро, и уже пели лягушки, призывно, и на тёмном небе появились первые звёзды...

Элли достала гребень и начала расчёсываться. Этот гребень три месяца назад подарил ей Ник, долго искал настоящего мастера, резчика по-дереву. Пусть работа и стоила недёшево, но он нисколько не жалел о потраченных деньгах. И сегодня он тоже собирается сделать ей новый подарок. И сказать то, что хотел сказать уже очень давно.

Воспоминания... Они познакомились два года назад, случайно, в кафе. Все столики оказались заняты, бывает же такое, лишь место напротив Ника осталось свободным. Она спросила разрешения сесть, и он, не глядя на неё, кивнул — читал последние новости на экране голографического планшета. А когда поднял глаза, то замер...

Ухаживал очень долго, несколько месяцев. Старался перешеголять самого себя в изобретательности — и они ходили на концерт музыки прошлого, слушали и не понимали тяжёлый рок, катались на лунных горках, гуляли под дождём и ездили на три дня в музей-заповедник в горах Золотого Алтая. Иногда он пугался, что слишком навязчив, что слишком сильно ждёт, что она напишет ему в соцсети. Что она вообще слишком долго сегодня не отвечает. Старался сосредоточиться на работе, отвлекаться — а потом снова думал о ней.

И вечером садился в машину и ехал её встречать.

Потом, когда они стали ближе, гораздо ближе, он с удивлением узнал, что и Элли то же самое думала о нём, что то же самое чувствовала по отношению к нему. Что он тоже был для неё всё это время очень важен. И тогда он окончательно понял, что это судьба.

Сегодня всё должно решиться. Наконец-то. Он посмотрел на озеро, и в озере отражалось небо. Оно почему-то мерцало, дробилось, шло рябью. Он чуть удивился природному чуду и посмотрел вверх, на звёзды. Ему всегда нравилось смотреть на звёзды.

И ему вдруг показалось, что звёзды складываются в систему символов. Математических символов.

Он моргнул. Ещё раз. И взгляделся.

Небо вновь задрожало, подёрнулось пеленой, в нём, как на экране, проступило какое-то мрачное, освещённое тусклым светом огромное помещение... Зал? Ангар?.. Какие-то неясные фигуры, стоящие рядами, синхронно двигались, в уши на секунду ударил металлический лязг... И всё исчезло. Ник протёр глаза ладонью, заморгал. На небе по-прежнему горели россыпи звёзд. Просто россыпи звёзд.

— Какие яркие звёзды, — заметила его взгляд Элли. — В городе таких никогда не бывает. Знаешь, жалею, что так редко их вижу...

И тогда он решился. Чуть дрожащими пальцами, не с первого раза, расстегнул карман на груди. Вытащил из него маленькую коробочку, обшитую бархатом. Раскрыл её.

В коробочке лежало серебряное кольцо. Простое на вид, в сравнении с модными нынче ажурными композитными. Но особенное.

Элли смотрела на него и на кольцо. Он, продолжая держать коробочку открытой на ладони, медленно, боясь её выронить, обошёл костёр и неуклюже опустился на колено.

— Подари мне немного счастья, Элли. Выходи за меня...

Элли робко улыбнулась, сжала своей крошечной ладошкой его протянутые пальцы, опустила глаза вниз...

И всё подёрнулось рябью.

Объект номер 656357 быстрым, безошибочным движением автомата ввернул первые винты в лежащий пред ним на ленте конвейера каркас малого робота-уборщика. Жало отвёртки спряталось в конечность и тут же вернулось, уже с другим шлицем. Новые детали прикручивались к корпусу одна за другой, без остановок, прикладываемые с точностью до десятых долей миллиметра. Серые глаза из-под вживлённого в голову витого металлического обруча внимательно следили за работой рук, не отвлекаясь ни на что больше. Потому что в мире не существовало более ничего, столь же достойного внимания этих глаз.

Объект 656357 вдруг замер на середине движения и мелко задрожал. Отвёртка с жужжанием сервоприводов начала то прятаться в полумеханической руке, то выныривать из неё, словно что-то живое из норы, шлицы хаотично менялись. С бескровных губ сорвалось:

— Элли...

Он неловко взмахнул другой рукой, со звоном задел ею заготовку и сбросил ту на пол. Покачнулся и стал крениться, готовый упасть, но вовремя ухватился за ручку на дверце стоящего рядом силового шкафа. Металлические пальцы сжали ручку настолько крепко, что металл начал проминаться. Снова раздалось:

— Элли... Элли...

Глаза удивлённо расширились, забегали по сторонам.

Тотчас же под сводами зала раздался сигнал тревоги. Обычный человек никогда бы не услышал его, возможно, ультразвук насторожил бы собаку, будь здесь собаки. Но собак не было. А те, кому он предназначался, кто уже получил дублирующее сообщение и по беспроводной связи — они всё прекрасно поняли.

Они по натянутой под сводами зала проволоочной сетке, похожие издали на двух полумеханических пауков, быстро пронеслись над лентами конвейеров, над длинными рядами одинаковых, серых, похожих на человекоподобные механизмы фигур. Каждая из фигур делала какую-то определённую операцию над движущимися по конвейеру каркасами новых машин — сваривала, сверлила, прикручивала детали, шлифовала... Делала точно, делала, подобно выверенному, отлично настроенному механизму.

Пауки замерли над одной из них, вцепившейся в шкаф, мелко трясущейся, что-то шепчущей, плачущей. Зацепились захватами задних лап за сетку и, вытянув передние конечности вниз, повисли. Стали, удлиняя телескопические, трубчатые голени, спускаться.

Передние лапы цепко ухватились за выступы-рукояти на плечах объекта 656357, зафиксировали голову. Жала кабелей одновременно вошли в разъёмы на затылке. Шлицы отвёрток — в гнезда на висках, и провернулись в них на девяносто градусов. Дрожь человекоподобной фигуры прекратилась, она обмякла, серые глаза закрылись.

Пауки вздёрнули её наверх, легко, как невесомую куклу, к самой сетке, прицепили там паутиной тросов и закопошились, что-то выкручивая из её головы, что-то доставая, рассматривая и ставя на место. Один из пауков непрерывно передавал по беззвучной связи, и сигнал, принятый антенной на ближайшей стене, уносился по кабелям наверх. На самый верхний этаж гигантской подземной фабрики, туда, где в десятках камер лежал управляющий ею коллективный искусственный разум. Компьютер, состоящий из де-

сятков греющих в своих прекрасных виртуальных мирах людей. Компьютер, использующий незагруженные в данный момент мощности их мозга для своих собственных, практических нужд. В одной из камер лежала и та, кого объект 656357 знал в своих мечтах как Элли.

— Объект 656357, выпадение в реальность. — Бледное, человеческое лицо паука ничего не выражало, глаза под металлическим обручем на лбу пристально смотрели внутрь раскрытой металлической черепной коробки, руки копошились внутри. — Статистически третья за последний месяц. Повторяющийся сбой экранных систем, паразитное смещение потоков обработки. Прогноз стабильности системы неблагоприятный. Необходимо одобрение жёсткого сброса настроек, полной перезагрузки последнего участка памяти и корректировки поведенческих паттернов.

Одобрение поступило незамедлительно, и ремонтники занялись делом.

По улицам над ними двигались сейчас тысячи людей. Заходили в высотные здания, выходили из них. Садились в общественный транспорт. Шли на работу, а кто-то и с работы.

Жизнь продолжалась так, как продолжалась уже долгие годы. Стабильно, предсказуемо.

И на лбу каждого, из-под серых однотипных шапок, выглядывал витой металлический обруч. Глаза каждого смотрели только вперёд, без малейшего интереса к окружающему миру, к серому городу вокруг. Полумеханические ноги ступали ровно, безошибочно отмеряя каждый шаг.

Падал снег, но никто, кроме примитивных роботов-уборщиков, не обращал на него внимания.

Каждый из шагавших был сейчас в двух разных, никогда не соприкасающихся мирах. И большинство из них были счастливы.

Они добрались до берега озера уже поздно, незадолго до заката. Кроссовер, качнувшись на последней неровности едва заметной грунтовой дороги, выкатился на цветную гальку, проехал вдоль линии воды, остановился, чуть пожужжав электродвигателем.

Элли вышла из машины первой, и пошла к воде, присела, зачерпнув воду в ладони, сполоснула лицо. Задумчиво посмотрела вдаль, обернулась.

Ник, понаблюдав немного за женой, отдал последние указания бортовому компьютеру и вышел из машины. Начал выгружать вещи.

Так, сначала нужно устроить лагерь. А потом... потом...

Он остановился, задумавшись. Потёр виски ладонями, удивлённо посмотрел на озеро, на возвращающуюся Элли, на машину...

Но так и не смог вспомнить, что же именно должно было произойти потом.

Андрей Никитин

РЕВНОСТЬ

Эльза услышала, что кто-то пришёл, встала и пошла к дверям. Уже спускаясь по лестнице, держась за перила, она увидела собственного мужа, стоящего в прихожей. Он снимал обувь, но подняв взгляд, внезапно замер, будто сделал что-то противозаконное.

— Денис, ты почему так рано? И почему ничего не сказал?

— Я приготовил сюрприз, дорогая, — сказал он и подошёл ближе. Они поцеловались.

— Сюрприз? Какой сюрприз?

— Мне сегодня удалось очень выгодная сделка. Я взял нам помощницу.

— Помощницу? — переспросила Эльза. Она удивилась, что супруг не посоветовался.

— Сейчас я покажу. Только ты не переживай.

Эльза стояла с приоткрытым ртом, когда Денис побежал к двери, открыл её и что-то крикнул, затем махнул рукой. Он отошёл, через несколько секунд в дом вошла девушка в короткой юбке и белой футболке. На футболке чёрными буквами было написано: «ИРА-4».

— Это четвёртая модель Искусственного Разума Адаптируемого, — сказал Денис, — стоит вообще копейки. Нельзя отличить от живого человека. Работает год без необходимости перезарядки. Представляешь?

Эльза смотрела на Иру и оценивала взглядом. Симпатичное молодое лицо, светлая кожа, среднего размера грудь. Был виден бюстгальтер и трусики под обтягивающей одеждой. Всё было слишком откровенно, слишком реалистично. Эльза видела, как грудная клетка поднималась и опускалась, будто робот и вправду мог дышать. Ира моргала, держала одной рукой другую, скромно стоя и оглядываясь, как котёнок, впервые попавший в дом к новому хозяину.

— Можно тебя на минутку? — спросила Эльза, взяв под руку супруга. Они поднялись на второй этаж, Эльза заперла дверь в спальню.

— Ты издеваешься? — спросила она, — зачем ты привёл её? Кто это?

— Это Ира. Робот четвёртого поколения, который умеет адаптироваться по ситуации. Она всё понимает, она как член семьи. Только будет послушной и не будет доставлять проблем.

— Скажи, а не было модели более похожей на уборщицу, а не на звезду порнофильма?

— Что тебе не подходит? Я же сказал, что это робот, который будет нам помогать. И самое главное, что на две недели нам дали её бесплатно.

— Как это?

— Это значит, что я заплатил только аванс, десять процентов суммы, и если она подойдёт нам, то остальную сумму мы будем платить частями, но две недели можно ни о чём не думать.

Эльза спорила с мужем примерно двадцать минут, после чего согласилась оставить робота. В конце концов, её убедили доводы о том, что будет чем хвастаться перед подругами.

Эльза открыла дверь, на пороге стояли два человека в тёмных костюмах. У них в руках были брошюры, один из них сразу протянул книжечку о спасении.

— Возьми это, сестра моя, ты ведь знаешь, что Бог любит всех детей своих.

Эльза посмотрела на протянутую брошюру и отдернула руку.

— Нет, спасибо, — сказала она.

— Это не просьба, это спасение души. Я не говорю, что это легко, сестра, но это необходимо. Это спасение, единственное и желанное. Побойся Бога, ведь мы знаем, какой грех лежит на твоей душе.

— Ага, понятно. Все мы грешны, — сказала Эльза, намереваясь закрыть дверь, но будто из жалости ожидая пока мужчины закончат говорить.

— Мы знаем, что в этом доме есть робот, сестра моя. А робот это грязь, робот это оскорбление Бога, это нарушение заповеди. Не думаешь ли ты, сестра, что душа твоя не нуждается теперь в очистке?

— Послушайте, — сказала Эльза, — я не хочу ничего слушать. Мне это не интересно, так что не обижайтесь, но у меня другие понятия касательно религии.

— Сестра моя, не бывает других понятий, если речь идёт о дороге в рай. Все хотят туда попасть, но обилие грехов может слишком сильно испачкать билеты, и душа не сможет...

— Вам же ясно сказали, что ничего не нужно, — донёсся голос Иры. Она незаметно подошла и стояла теперь за спиной Эльзы.

— Нам не нужно никаких советов, — сказала Ира, подойдя ближе, — мой робот ясно вам сказал, что не желает с вами разговаривать.

Мужчины переводили взгляд с одной женщины на другую.

— Ах, так это вы робот? — сказал один из них, глядя на Эльзу, — простите, я не знал.

— Ничего страшного. Я пропущу мимо ушей то, что вы сказали, — говорила Ира, держась за ручку двери, — а теперь прощайте. И запомните, мне не важно, что вы

думаете о моей личной жизни, я буду делать то, что считаю нужным.

— Но ведь...

Ира заперла дверь, оставив мужчин на улице, затем повернулась. Эльза, наблюдавшая всё это время за роботом, не знала, что сказать.

— Хорошо я их отшила?

— Э-э-э, да. Спасибо.

— Всегда пожалуйста, Эльза. Если что, я буду на кухне. С мужчинами нужно быть наглее, ведь они считают себя царями, а ты напоминай, кто главный в доме.

Эльза с открытым ртом смотрела, как Ира невозмутимо пошла на кухню и принялась продолжать готовить ужин. Послышался стук ножа о кухонную доску.

— Ты знаешь, Денис, — говорила Эльза, когда они лежали в кровати, — эта Ира, она иногда ведёт себя так, будто...

— Что тебе не нравится?

— Я ощущаю себя с ней неловко. Она будто хозяйка в этом доме. Она прогнала этих двух агитаторов, хоть я и не давала ей такую команду.

— Ну, она адаптируется под тебя и меня. Она ведь выполняет всё, что ты ей приказываешь?

— Да, это верно. Но знаешь, я не могу ей приказывать, я только говорю, и она уже выполняет. Она мне как подруга, как сестра.

— Вот видишь, так и должно быть.

Эльза молчала, ощущая дискомфорт. Она получала облегчение от того, что робот делал всё по дому, но было в ней что-то зловещее, что-то неправильное.

— Ты ходил к этому новому врачу? — спросила Эльза, не глядя на мужа. С момента аварии прошли два года. Погиб их единственный сын. Денис серьёзно пострадал, частично потерял память и пролежал месяц в больнице, но для него всё окончилось нормально. Он вернулся к супруге, но после этого у них не получалось вновь завести детей. Врачи ничего не сказали по этому поводу, только приносили соболезнования. Денис и Эльза переехали в другой город. Денис настаивал, что так будет лучше.

— Я сдал анализы, но ничего существенного мне не сказали.

— Что думаешь дальше?

— Я же сказал, что не знаю.

— А кто знает, Денис? Мне тридцать два. Подумай сам, что дальше? Ну, подождём ещё пару лет. Но я не хочу заводить детей в сорок лет, Денис. Ты думаешь, что для девушки возраст не имеет значения? Он имеет, поверь мне.

Она помолчала, затем отвернулась к стене.

— Есть возраст, когда заводить детей уже просто неприлично, Денис. Никто тебе не скажет в лицо, никогда не скажет. Но все будут видеть пятно, которое нельзя отмыть.

Оба уснули. Денис в ту ночь ничего не сказал.

— Как это у меня нет денег на карточке? — спросила Эльза в магазине, когда расплачивалась за продукты. Она решила купить новый фен, но, как оказалось, не только фен ей не по карману.

— У вас на счету недостаточно денег даже для половины товара, — сказала кассир. Эльза ощутила, как краснеет. За ней уже была очередь, а наличных денег у неё было совсем мало. Она не знала, что делать, и куда себя деть от пристальных взглядов.

— Извините, — сказала она, — наверно что-то с карточкой.

Она опустила голову и прошла к выходу, оставив все продукты на конвейерной ленте. В этот момент она ощущала себя преступницей, и была уверена, что так о ней подумала как минимум половина очереди. Она села в машину и погнала домой, не зная, куда деваться от злости. У супруга на карточке была немалая сумма денег, и Эльза могла пользоваться ими как хотела. Она успевала тратить в месяц достаточно, но всегда немного оставалось. Сейчас она была готова допрашивать Дениса и ощущала власть над ним. Он не осмелится ей врать, не станет этого делать, и было даже интересно, куда пропали все доходы. Ко всем бедам у Эльзы пропала помада из сумочки, и настроение вконец упало.

Она вошла в дом, на кухне возилась Ира. Робот взглянул на несколько секунд, показались блеснувшие глаза, светлое лицо, ярко выделенные губы и тёмные волосы, завязанные сзади в хвостик. Затем Ира вновь скрылась за перегородкой. Внезапно Эльза подумала, что не знает настоящей стоимости робота, супруг ведь не сказал об этом ничего. Но она не могла стоять так дорого. Эльза была готова убить Дениса за такие растраты. Она уже собралась подняться по лестнице, как её внезапно что-то остановило. Она медленно спустилась, прошла в кухню и посмотрела на Иру.

— Что у тебя с губами? — спросила Эльза.

— Ничего, просто я их немного подкрасила.

— Моей помадой?

— Я нашла помаду на полу, в пыли, думала, вы её выбросили. Вам она ни к чему, а мне пригодилась.

— Ага, понятно, — сказала Эльза. Она мгновенно поняла, что Ира лгала. Неужели это предусмотрено программой, встроенной внутрь этой машины?

— Что у нас на ужин?

— Это сюрприз, — сказала Ира.

— Ага, понятно.

Эльза быстрым шагом направилась вверх, думая, что робот слишком сильно стал похож на человека. Она начала лгать! Кто бы мог подумать? Что дальше? Будет приходить домой пьяная?

Когда Эльза вошла в спальню, Денис лежал на кровати. Работал телевизор. Эльза подошла к нему и села рядом.

— Ты знаешь, что наша Ира врёт?

— Почему ты так решила?

— Она забрала мою помаду и говорит, что нашла её! Вот почему. Мне не нравится её поведение, Денис. Я сразу сказала, что она мне не нравится.

— Она адаптируется. Ведёт себя немного иначе, но всему учится.

— Где деньги с карточки?

— Деньги? — спросил Денис, будто впервые слышал об этом, — я не знаю. Должно быть всё на месте.

— Я не смогла расплатиться в магазине сегодня. Карточка пуста! Куда девались все деньги? Ты потратил их на этого робота? Сколько она стоит?

— Забудь о ней. Она досталась мне дёшево.

— Зачем ты вообще её взял? От неё одни проблемы, постоянно мы ругаемся из-за неё.

— Она помогает по дому.

— И это вся польза? Работать по дому могу и я, раньше мы не ругались с тобой, раньше всё было нормально.

— И сейчас всё так.

— Где деньги?

— Не знаю, — сказал Денис и встал с кровати, — завтра пойду в банк и проверю. Может быть, карточку заблокировали. Я ведь пользуюсь другой карточкой, так что не беспокойся. Будут тебе деньги.

Эльза уловила в словах супруга что-то странное. Он будто пытался заговорить ей зубы.

На следующий день Эльза ушла с работы раньше. Она поняла, что Денис что-то недоговаривает. У него был секрет, а это значит, что отношения слабели.

Когда Эльза поднялась в комнату, её ждал сюрприз.

— Это не то, что ты думаешь, дорогая, — сказал Денис, ошарашенно глядя на Эльзу, — я всё объясню.

Эльза стояла, держась за ручку двери, и глядела, как Ира медленно одевалась, будто ничего не произошло. Денис лежал в кровати голый, но через несколько секунд он присел, затем встал во весь рост, набросив халат. Ира прошла мимо Эльзы и улыбнулась ей. Это стало последней каплей.

— Это ты, сука! Ты виновата во всём!

Эльза набросилась на Иру и повалила её на пол, затем начала бить по лицу, но через несколько ударов поняла, что у неё болит рука. У Иры пошла кровь из нижней губы.

— Я тут ни при чём, — сказала Ира, — я лишь пришла потому, что меня позвал Денис.

— Ага, конечно, совсем ни при чём. Но ты ведь адаптируешься, должна знать, что такое измена.

Эльза слезла с Иры, потирая руку, и подошла к Денису.

— Ну, объясняй. Что я тут не так поняла? Ну как робот в постели? Лучше человека?

Денис отвернулся, почесал затылок, затем посмотрел на Иру, она уже поднялась и стояла у двери.

— Тебе будет тяжело это понять и поверить в это, но... я робот, Эльза.

— Что? — спросила женщина, будто ослышавшись.

— Я робот, я не твой муж. Он погиб ещё два года назад, после аварии. Он приходил в сознание несколько раз, и попросил сделать всё, чтоб ты была счастлива. Сказал, что деньги у него есть, сказал сделать робота, один в один как он. Это было сложно и очень затратно, но это произошло.

— Ты робот?

Эльза отошла от него к стене, прикрыла рот рукой. Она не могла поверить.

— Позже наша организация решила провести эксперимент, и был необходим ещё один робот. И так появилась Ира.

— Ты ведь спал со мной. Как же ты... не может быть. Ты меня насиловал. Ты неживой!

— Нет, Эльза, я новая модель, полностью замещающая человека. Я тебе говорил, что людей можно сделать очень похожими на роботов. Абсолютно похожими, кроме разве что их мировоззрения. Но и у нас оно есть.

Денис подошёл ближе, Эльза стояла у стены, не в силах пошевелиться, в дверях показалась Ира. Она была одета и держала в руке нож.

— Ты удивишься тому, что будет дальше, Эльза. Теперь нам не нужно ничего скрывать. Теперь ты всё знаешь. Мы уедем, но я хочу кое-что сделать. Надеюсь, ты простишь меня.

Эльза ощутила, как ноги слабеют. Она медленно сползла по стене на пол.

Автобус отъехал от остановки. Денис и Ира держались за руки, улыбаясь друг другу, сидя на задних сиденьях. Ира смотрела в окно, Денис откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. На полочке над ними лежали два рюкзака, в карманах были билеты. Автобус покидал город.

В рюкзаке Дениса лежал клочок волос Эльзы.

К дому подъехала машина. Представительного вида мужчина вышел, поправил галстук, огляделся, стряхнул волосинку с костюма и направился к дому, где ещё недавно проводился эксперимент.

Мужчина позвонил, никто не ответил. Он посмотрел на часы, позвонил вновь. Через минуту дверь открылась.

— Добрый день, — сказал мужчина, — меня зовут Богдан. Я пришёл к вам от имени погибшего супруга. Думаю, вы уже знаете об этом.

— Ага, конечно, — сказала Эльза, — проходите.

Они прошли в кухню. Эльза налила себе вина, и села за стол, продолжая курить. Дым поднимался к потолку.

— Я представляю права вашего супруга. Как вам должно быть известно, он погиб, и последней его волей было оставить вместо себя робота нового поколения. Он не хотел, чтоб вы узнали всё сразу, но теперь, после эксперимента вам достанется неплохая денежная сумма. Он хотел, чтоб вы стали богатой, Эльза. Он любил вас. По его плану мы продолжили эксперимент, решив посмотреть, как роботы будут ощущать себя, учитывая, что вы не догадывались о вашем супруге. Робот Ира

тоже не знала ничего, но всё вышло само собой. Они адаптировались.

— Он отрезал у меня клочок волос и сказал, что это на память. Сказал, что люди не умеют дорожить памятью, но он умеет. Вы создали роботов извращенцев?

— Нет, просто они немного другие. Они почти как люди, но есть отличия. В общем, я жду вас завтра у себя в кабинете. Вот вам визитка. Там мы всё обсудим. Сумма, которая будет вам предоставлена, вполне загладит ваше плохое настроение. Приношу соболезнования по поводу смерти супруга, но я тут совсем ни при чём. Это был несчастный случай.

Мужчина поднялся и направился к двери.

— Я оставил вам некоторые документы, теперь вы можете с ними ознакомиться, подробности обсудим завтра.

Эльза провела его. Богдан сел в машину и уехал, а она наблюдала, стоя с сигаретой в руке, глядя на дорогу. По улице шли люди, проезжали машины. Соседка вывешивала бельё.

Эльза вернулась в дом, и позвонила приятелю.

— Да, Женя. Его больше нет. Как ты и хотел.

— Твой муж уехал?

— Он умер, Женя. Мы больше можем не прятаться. Молчание в трубке.

— Женя, не переживай, он умер давно. Это трудно объяснить, и по телефону неудобно. Приезжай сегодня ко мне и захвати шампанское. Мы, наконец, свободны.

Женщина положила телефон и потушила окуроч, размазав его по пепельнице.

Павел Подзоров **ЛАБИРИНТ, или Новое о Минотавре** (из серии «Время под контролем»)

Тесей пробирался по мрачному коридору, аккуратно разматывая тонкую шерстяную нить. Локтём он касался короткого бронзового меча, вложенного в деревянные ножны.

Он находился в подземном мире, чертоги которого никогда не освещало солнце, и, несмотря на зной снаружи, в лабиринте было холодно и сыро. Стены были сложены из огромных камней. Уже после трёх шагов коридор начал разветвляться на множество ходов.

Тесей восхищался искусностью Дедала, сотворившего этот лабиринт. Если бы не спасительная нить, соединяющая его с выходом, он бы уже давно заблудился.

Где-то совсем рядом послышался громкий рык.

«Ну здравствуй, Минотавр, — подумал Тесей. — Вот и встретились».

* * *

— Дааа... встретились. Это ж сколько мы с тобой не виделись? — говорил загорелый атлет, который полулежал, откинувшись на большой кровати, устланной львиными шкурами.

— Давненько. Почитай с Атлантиды.

Шампуры с шашлыком были сняты с небольшого очага. Баранина источала божественный аромат. Осо-

бенно для проголодавшегося человека, проделавшего долгий путь по морю.

Тесей налил себе из кувшина и в несколько глотков осушил чашу:

— Эх, чайку бы сейчас, — мечтательно произнёс он. — С лимоном. Но чего нет, того нет.

Он посерьёзней:

— Догадываешься, что я к тебе не случайно?

— Да, понял я уже. Погулял и хватит?.. Лучше скажи, как там молодёжь? Периодически «съедаемая» злым чудовищем. — Он засмеялся, покосившись на валяющуюся рядом маску свирепого быка.

— В порядке молодёжь. Все переправлены. Здоровы и веселы, обучаются помаленьку. Да и в Афинах ситуация нормализовалась. Молодцы наши аналитики-фантазёры... Эх, хорошо сидим!

Он взял с массивного блюда кусок мяса и снова потянулся к кувшину.

* * *

Необходимость создания Инспекции времени возникла почти сразу же после начала массовых путешествий во времени. Страхи древних учёных о катастрофическом воздействии на настоящее при вмешательстве

в прошлое не оправдались. Сработал «закон затухания последствий на отдалённых отрезках времени». Всё что произошло, — уже произошло, с вмешательством хронопутешественников или без них. Правда, действие «закона затухания» до конца изучено не было, что послужило причиной введения единственного ограничения, принятого Всеземным Координационным Советом (ВКС) — запрета на посещение временных зон выше XIX века. Исключение делалось лишь для узкого круга специально обученных наблюдателей со строжайшим запретом рассекречивания. Они проходили соответствующую обработку и, в случае чего, мыслесблук физически не давал им возможности рассказать что бы то ни было о себе и своём времени.

Времена же более древние были открыты даже для хронотуристов. Но не просто удовлетворение любопытности и тяги к путешествиям жителей нашего времени послужило причиной создания Центра.

Открытие новых, пригодных для жизни космических миров решило многолетнюю проблему перенаселённости Земли. Развитие техники Объединённого человечества позволило перемещаться в космосе на такие расстояния, даже цифровые обозначения которых были ещё не придуманы. Речь шла даже не о других звёздных системах, а об иных галактиках.

Человечество, живущее без войн и катаклизмов, все силы и ресурсы направляющее на развитие науки, техники, творчества, — активно осваивало Вселенную.

И вскоре наступил момент, когда Космическая экспансия достигла таких пределов, что стал ощущаться недостаток колонистов. На Земле сложилась оптимальная численность населения. Многие путешествовали по иным мирам, лишь изредка возвращаясь в колыбель человечества. Чтобы ощутить уют дома, полюбоваться родной природой, насладиться запахом леса, моря, степного разнотравья...

Так как творческие способности людей больше не были сдержаны вопросами быта, развитие искусств, философии, культуры достигло небывалого расцвета.

Вот только катастрофическая нехватка людей...

* * *

Решение проблемы было неожиданным. И предложили его аналитики из Всеземного института Времени. По их мнению, ответ на вопрос — где взять дополнительные людские ресурсы — находился в Прошлом.

Было предложено спасать людей, которые в разные времена гибли от тех или иных причин. И забирать их в Будущее.

Людские ресурсы пополнялись разными путями. Это и спасение людей с тонущих кораблей, и гибнущих от природных катаклизмов или техногенных аварий, и от многих иных причин. Большой потенциальный резерв находился в близлежащих веках — XIX–XXI. Но на эти зоны был наложен мораторий.

Зато древние времена были доступны. И изобиловали событиями, позволявшими решать текущие за-

дачи по переселению людей в будущее. Но главное — это проявление потомками гуманизма и милосердия. В результате, в выигрыше были все.

Так гибель Помпей смогла единовременно обеспечить необходимое количество звёздных мигрантов. В результате, вылечив и обучив людей, их поселили на планету, где условия жизни мало чем отличались от привычных.

Нечто подобное произошло и в Древних Афинах. Как раз возникла потребность в молодых людях, примерно одного возраста для освоения недавно открытой планеты земного типа. Аналитиками был предложен вариант, позволивший решить сразу две проблемы: нехватки молодых колонистов и проблему перенаселённости в Афинах.

Дедал, прошедший соответствующее обучение в центре архитектуры и строительства, был направлен на древнегреческий остров Крит.

Так возник Лабиринт.

* * *

Самое главное заключалось в том, что у людей из прошлого были хорошо развиты такие качества, как Воля и Упорство. Многие из молодых людей прошлого отличались завидным здоровьем, были неприхотливы к условиям быта и являлись идеальными рекрутами для «космического десанта». Что выгодно отличало их от потомков «эпохи виртуальности».

Дело в том, что с начала XXI века тупиковый путь виртуализации начал влиять на человечество в глобальном масштабе. Развитие техники — само по себе полезное для существования цивилизации — привело к уклону в сторону погружения и ухода в виртуальность. Массовость и доступность всевозможных гаджетов сыграли с людьми злую шутку. Через несколько поколений люди стали Зависимыми. При этом утрачивали волю к жизни, видя единственным смыслом нахождение в мире иллюзий. Физически слабые, безвольные, не имеющие устремлений и воли для достижения целей. Да и целей-то особых не было. Произошло массовое отупление людей. Ни о каком развитии культуры и искусств речи не шло. Человечество стояло на грани вырождения. Этот тупиковый путь и мрачный финал удалось предотвратить. Но последствия продолжали сказываться долгие годы.

К счастью, не все люди были такими. Были и те, кто здраво осознавал происходящее и, по мере сил, старался исправить ситуацию. Эти люди занимались спортом, читали книги, занимались саморазвитием. А главное — мечтали.

И со временем их мечтам суждено было осуществиться.

Именно они и их потомки изобрели путешествия во времени, научились управлять природой, сделав жизнь на планете комфортной и безопасной, и занялись покорением далёкого космоса.

* * *

— Ладно, Таврыч, пора собираться. — Тесей потянулся, разминая крепкие мышцы. — Твоя миссия завершилась. А вот мне как герою-победителю ещё предстоит поработать.

Кстати, кандидатура для руководителя групп, набранных тобой, согласована.

— Да? Это кто ж такой?

— Скоро познакомишься. Это и будет заключительная часть твоего задания, которую мне поручено передать.

Он поднялся и взял почти размотанный клубок с нитью Ариадны.

— Да, знатный лабиринт изваял Дедал. Всё по науке нашего времени. Ни навигатор, ни локатор тут не действуют. Если бы не эта нитка...

На пороге Тесей обернулся. В колеблющемся свете факелов и отблесков очага, шлем-маска Минотавра казалась живой.

— Да, главное: Эгея забрать не забудь. Ведь именно он будет руководить молодёжью из Афин в новом Мире... Но только дождись, когда он в воду сиганёт. — Тесей снова улыбнулся. — И спасибо за шашлык!

* * *

Так было покончено с Минотавром...

Юрий Молчан

БЕССМЕРТИЕ ПО РАЗУМНОЙ ЦЕНЕ

Поставив чашку с кофе на столик, где сидел Егор Смержаков, женщина подошла к зеркалу и поправила причёску. По моложавому лицу разбегались едва заметные змейки морщин. От кофе в чашке поднимается еле видимый пар.

— Как продвигаются наблюдения, дорогой? — спросила она, голос прозвучал механически.

— Маша, — позвал Егор жену тихо в ответ. — Прости, что втравил тебя в это. И Эрику тоже. Боже, зачем я только вас сюда позвал.

Не произнеся ни слова, Мария вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

В приступе, в котором тоска смешалась с яростью на себя самого, Смержаков вскочил с кресла и, опрокинув чашку с кофе, бросился в дальний угол просторного кабинета, где громоздятся приборы.

С перекошенным лицом, трясаясь и глотая слёзы, Егор схватил лежащий рядом молоток и принялся крушить приборы старым проверенным способом. Ударил ослепительный фонтан искр. Некоторое время стоял грохот, треск, металлический звон.

Наконец он остановился и посмотрел вокруг затуманенным взором. Молоток выскользнул из пальцев, и Егор бессильно опустился в кресло. Посмотрел на висевший на стене монитор, передававший изображение с телескопа, на разлитый у ног кофе. Кофе ему сейчас хотелось меньше всего. Так же, как и смотреть на звёзды.

* * *

Это было потрясающее зрелище. Насыщенное красным, зелёным и фиолетовым цветами газовое облако

зависло в чёрной пустоте. От него к едва заметному чёрному провалу в форме шара стелился тонкий ручеёк света.

Свет, в котором смешались все цвета видимого спектра, наматывается на чёрный шар и исчезает в его невидимых недрах. Со стороны массивная чёрная дыра напоминает планету со светящимся кольцом. Этот процесс длится уже почти год, и конца этому не видно.

Миллиардер Егор Смержаков в который раз наблюдает эту картину через монитор телескопа, и сердце его исполнено радости. Он прибыл сюда год назад, собрал разборный купол и накрыл им половину квадратного километра пустынной планеты под названием 1X-357. У звезды, вокруг которой она вращается, название похожее. Но будучи гуманитарием, Егор не любил нумерации, поэтому сам для себя назвал планету Лыбедь, а звезду — Гостомысл.

Смержакову уже пошёл седьмой десяток. За тридцать лет своей жизни он разбогател на электронных технологиях, так что теперь решил осуществить давнюю мечту.

Он полетел в космос. Экскурсии Луну и по всей Солнечной системе давно перепробовал, и они его больше не интересовали — всё это мелочь по сравнению с тем, что задумал он, проведя десять лет, изучая астрономию. Чёрная дыра, причём самая большая в галактике, вот — развлечение и занятие, достойное его нрава, вкуса и размера банковского счёта.

Временно оставив концерт, он отправился на одну из планет в середине Млечного Пути. Туда, где можно находиться в безопасной близости от гигантской чёрной дыры, что лежит в его центре.

Этот «космический питон» в 4 миллиона раз тяжелее Солнца и называется Стрелец А*. Чёрная дыра поглощает газовое облако, идущее прямо в его бездонную пасть. Смержаков наблюдает за этим, находясь (говоря языком космических расстояний) почти в непосредственной близости, и фиксирует наблюдения, чтобы после переслать их на Землю.

Лагерь под защитным куполом, аппараты для производства воды и кислорода и телескоп на орбите обошлись в астрономическую сумму, но Егор не пожалел денег.

Его жена и дочь прибыли вскоре после того, как лагерь был готов. Мария собиралась остаться, чтобы составить Егору компанию. Дочь Эрика планировала побыть полдня, а потом возвращаться на Землю, в университет. Из-за разницы в периоде обращения один день на Лыбеди равнялся почти полному месяцу на Земле. Но потом планы Эрики резко изменились.

* * *

Светловолосая голова Марии покоится на коленях Смержакова. Жизнь вытекает из неё капля за каплей. Эрика с неестественно вывернутой шеей лежит рядом. В пяти метрах мерцает телепортационное окно — портал, через который они переместились прямо с Земли. Второпях Егор допустил ошибку при обратной сборке, и теперь жена и дочь умирают у него на глазах.

Небо вокруг Смержакова расчерчено метеоритным дождём. Держа на коленях умирающую жену, раздавленный горем Егор в глубине души надеялся, что хотя бы один упадёт прямо на него и прекратит страдания. Но защитный купол защищает надёжно.

Когда всё было кончено, он отнёс Марию и Эрику в жилую капсулу. В ту ночь ему хотелось наесться галлюциногенов, но Смержаков оставил эту привычку в прошлом.

Однако пять дней спустя ему в голову пришла иная мысль, и Егор, забросив наблюдения за чёрной дырой, остервенело принялся за работу. Благо всё необходимое у него было.

* * *

Смержаков их *воссоздал*. Но не в первозданном виде: тела лежали в морозильной камере, а электронные фантомы Марии и Эрики «жили» под куполом, перемещаясь в пределах жилого блока, и стабилизировались с помощью приборов, установленных в кабинете Егора.

Его концерн уже давно занимался разработками в этой области — электронные фантомы умерших носили в себе постоянную трансляцию «слепок личности», которая передавалась с этих самых приборов. В мире, где люди не верили в загробную жизнь, эта технология обещала колоссальные прибыли. Ведь люди отдадут все сбережения и даже станут выплачивать кредиты, чтобы друзья и близкие оставались с ними и после смерти.

Однако это не гарантировало бессмертия самим покупателям этих приборов. Да Смержаков этого и не хотел. Он считал, что одно дело, когда близкие живут, так сказать, в твоей визуальной памяти, и ты видишь их фантомы. А другое — нарушать естественный порядок вещей и экспериментировать с живым организмом, чтобы продлить ему жизнь. Этого он не хотел из соображений этики.

Тем не менее, три года назад вдруг появилась компания «Resurrection Inc.», которая занялась этим вопросом. Они оцифровывают магнитное поле, которое обычно именуется «сознанием» или «личностью», снимают копию и — пересаживают на новое, выращенное с нуля тело.

Егор прекрасно знал статистику, поскольку изучал её часами. Первые эксперименты конкурентов заканчивались печально. Копии сознания не приживались, испытуемые превращались либо в «овощи», либо в нечто напоминавшее зомби. Приходилось их усыплять. Происходило как раз то, чего он опасался. Тем не менее, всё было законно — перед началом эксперимента люди давали письменное согласие.

Когда пришёл первый успех, в «Resurrection Inc.» начали хранить копию сознания некоторое время и пересаживать лишь потом. Позже они предложили состоятельным людям хранить копию их сознания на случай внезапной смерти. Родственники покойного потом направляют в компанию заявку, там копию переносят в нововыращенное тело, которое создаётся за три-четыре месяца. Таким образом, они сумели поставить на поток бессмертие. Для тех, кто может себе это позволить.

Смержаков ненавидит своих конкурентов за то что они делают. Это против естества. Егор знал, что клиенты «Resurrection Inc.» подписывают соглашение об отсутствии претензий к конечному результату. По статистике, за полгода «торговли бессмертием» десять процентов случаев заканчивались неудачно.

Но инженеры компании продолжили работу, и через полгода негативная статистика упала до трёх процентов. Такое бессмертие стало по карману не только очень богатым людям, его продавали в кредит.

Однако не все решались создать свою «копию» на случай смерти. Люди боялись, либо не верили. Многие продолжали покупать электронные фантомы у компании Смержакова, что его вполне устраивало. Фактически он производил трёхмерные движущиеся фотографии ушедших из жизни, в отличие от конкурентов, которые пытались переплунуть природу.

* * *

Разбив в порыве отчаяния приборы, что стабилизировали фантомы жены и дочери, Егор провёл некоторое время, сидя в кресле и предаваясь воспоминаниям. Затем, взяв себя в руки, заменил разбитые блоки на новые, и Маша с Эрикой снова ожили.

Они вели себя почти как полноценные люди — передвигались, откликались, когда Смержаков их звал, поддерживали разговор, приносили кофе или печенье (ничего тяжелее им не поднять). Но они всё же напоминают именно фантомы, а не живых людей. Егор остро ощутил это только теперь.

Он бы с радостью променял всё чем владел на то, чтобы его жена и дочь оказались живы. На то, чтобы вновь их обнять и разговаривать не с последним достижением электроники, а с ними во плоти. Он был даже готов, как Орфей, спуститься за ними в царство Аида. Но увы, как поворачивать время вспять, чтобы исправить ошибки, ещё не придумал никто.

Поразмыслив какое-то время, Смержаков решил похоронить жену и дочь, подобно тому, как викинги в древности сжигали своих умерших на костре. И, подобно викингам, он решил лечь в этот погребальный костёр сам — погрузил морозильные камеры с телами на корабль и взял курс на Стрелец А*. Смерть в недрах чёрной дыры казалась единственным достойным завершением.

* * *

Изображение окутанной светящимся кольцом чёрной дыры на экране становится всё крупнее. Рядом зависло насыщенное красным, зелёным и фиолетовым облако газа, которое тонкой струйкой исчезает в её недрах.

Егор понимал, что едва он пересечёт «горизонт событий», смерть будет мгновенной. Пока он приближался к «горизонту», его корабль могли разорвать чудовищные перепады гравитации, но стабилизаторы защищали звездолёт. Смержаковым овладела апатия. Про смерть, что вот-вот наступит, он и думать забыл.

Достав планшет, Егор принялся смотреть фотографии. Вот их с Машей свадьба. Гости, столы с угощениями, шампанское... Они забирают Эрику из роддома. Эрике 5, потом 8, потом 16 лет. Она окончила школу и поступила.

Отложив гаджет, он решил посмотреть, что везла с собой Мария в сумочке. Потрогать предметы, которых касалась она перед тем, как ступила внутрь окна телепорта.

Принеся сумочку, Егор вывалил содержимое на диван. Обычный женский набор: губная помада, «палочка» с электронными духами, электронный прибор для нанесения лака на ногти, прозванный сокращённо «фломастер». Электронная книга, которая издаёт запах бумаги и типографской краски.

Внезапно Смержаков увидел то, отчего его подраг мороз по коже. Две пластиковых карточки с логотипом «Resurrection Inc.». На каждой выбит код и водяные знаки. На оборотной стороне мелкими цифрами написан адрес канала для связи. Несмотря на созерцание ненавистного логотипа конкурентов, Егор с трепетом ощутил, как затеплилась надежда.

Индикатор на мониторе — неширокая полоска — уже начинала превращаться из зелёной в красную: «гори-

зонт событий» неумолимо надвигается, уже закрывая собой весь обзорный экран.

Открыв на планшете программу видеосвязи, Смержаков без колебания набрал номер канала.

Из-за плохой связи прошло несколько минут, но потом ему, наконец, ответили:

— «Resurrection Inc.», слушаю вас.

На другом конце провода, судя по голосу, оказалась заспанная девушка.

— Проверьте, пожалуйста, два номера по базе данных, — попросил Егор торопливо.

Он продиктовал номера с карточек.

— Мария и Эрика Смержаковы, — отозвалась девушка, уже взбодрившимся голосом, — это номера цифровых копий сознаний. В случае их гибели перенос можно осуществить через три месяца, как только будут выращены тела. А вы, простите, им кем приходиться?

Полоска индикатора вдруг сделалась красной и стала тревожно мигать. Звездолёт вплотную подошёл к «горизонту событий» ...

Светящееся кольцо сияло вокруг чёрного шара во весь монитор. От этого зрелища по коже пробежали мурашки, оно завораживало и пугало одновременно.

Смержаков лихорадочно стал разворачивать корабль. Сила тяготения не отпускала. Егора словно осыпало ледяной крошкой, всё внутри у него сжалось в тугой комок.

Вспомнив о последнем средстве, он пристегнулся — единственный шанс вырваться из поля тяготения, когда «горизонт событий» пройден: сверхсветовая скорость. Этого ещё никто никогда не делал, и Егор не знал, какие могут быть последствия.

...К чёрту всё... Он нажал комбинацию кнопок и потянул рычаг. Егора вдавило в кресло перегрузкой, он едва не потерял сознание.

* * *

Всё вокруг замерло. Стало трудно дышать. Смержаков услышал тихий, едва различимый звон серебряных колокольчиков, смешанный с затухающим стуком собственного сердца.

В беззвучно открывшуюся дверь вошла Мария. Ослепительно красивая, какой была всегда. От неё словно исходит сияние, веет прохладным ветерком.

Она распахнула объятия, и Смержаков, чувствуя волну непередаваемого счастья, шагнул к ней. Он не заметил, как проскочил сквозь попавшийся на дороге журнальный столик, как если бы то был электронный фантом.

Он вдруг оказался в полной темноте. Мария словно зовёт его с противоположного конца тёмного тоннеля, вокруг неё яркий свет. Манит его, как лампочка мотылька. Егор принялся бежать туда со всех ног.

Он бежал... бежал... бежал, чувствуя, что уже давно сделался легче воздуха, и отстранённо замечая, как свет вокруг меркнет. Понимая, что нет никакого тоннеля. И его самого тоже нет...

Андрей Анисимов

ВЫКУП

Фёдор выбрался на ровное место, смахнул нацеплявшихся на одежду клещей и только после этого позволил себе немного расслабиться. Переход через Чёрный Лог был не самым лёгким отрезком его пути, да и оставшиеся за спиной Гнилая Топь с Коряжниками тоже заставили его попотеть и поволноваться. Эти места по праву считались самыми труднопроходимыми и гиблыми во всей округе, и не удивительно, что Никифор обосновался именно здесь. Только такой, как он, мог жить в этакой глухомани, кишмя кишевшей гадами, клещами и прочей мерзостью, от которой любой нормальный человек старался держаться подальше. Никифору, похоже, на такое соседство было наплевать. Колдун, он и есть колдун.

Фёдор поправил сползший набок заплечный мешок и мысленно ещё раз прошёл весь проделанный сегодня путь. Да, отмахал он порядочно, ничего не скажешь. Однако, какие бы трудности не попадались ему до этого, самое трудное испытание всё же ждало впереди. Добраться до жилища Никифора — это ещё полдела. Столковаться с ним — вот в чём заключалась самая главная проблема. Если, конечно, тот вообще захочет с ним говорить.

Передохнув немного, Фёдор двинулся дальше, вглядываясь в лесную чащобу. К дому Никифора он до этого дня не ходил ни разу, так что, не зная точно, где он находится, можно было запросто пройти мимо. Иные, ищущие встречи с колдуном, зачастую так его и не находили. Поговаривали: Никифор, мол, насылает какие-то чары, уводя ходоков в сторону. Так это или нет, но в этот раз, похоже, колдун был в добром расположении духа, потому что, пройдя всего пять или шесть десятков шагов, Фёдор неожиданно увидел прямо перед собой потемневшую от дождей бревенчатую стену. Удивлённый этим внезапным открытием, он сделал ещё пару шагов и остановился, со смешанным чувством любопытства и страха изучая диковинное строение.

Оно больше смахивало на башню, чем на дом. Срубленное из толстенных, в обхват, брёвен, жилище колдуна и впрямь напоминало сторожевую башню, с той лишь разницей, что имело добротную, крытую тёсом крышу и множество окон, расположенных без всякого видимого порядка. И все как одно были закрыты ставнями, такими же потемневшими от сырости. Внизу виднелась низкая дверь, и судя по солидному её виду, столь же прочная, как и стены.

Очутившись так близко от дома, Фёдор в первый момент растерялся. Пока он шёл сюда, он успел уверить себя в том, что сможет добиться расположения колдуна,

но стоило увидеть его дом, как от прежней уверенности не осталось и следа. Тёмный, мрачный, слепо таращащийся закрытыми окнами в окружающий его лес, он, почему-то, навевал мысль, что очередному — и, как всегда, незваному — гостю тут совсем не рады. Что, впрочем, было недалеко от истины.

Потоптавшись на месте, Фёдор осторожно шагнул к двери, поднял руку и робко постучал в неё костяшками пальцев. Судя по звуку, дверь и вправду была толщиной со стену.

На стук никто не откликнулся. Выждав с минуту, Фёдор повторил попытку, на сей раз ударив в дверь кулаком. Ещё через минуту он забарабанил в неё уже двумя.

Дом остался глух и к этому. Фёдор подумал было, что хозяин куда-то отлучился, как над его головой скрипнула, открываясь, ставня, и чей-то столь же скрипучий голос поинтересовался:

— Кого это там принесло?

Фёдор отскочил от двери и испуганно замер, глядя на приоткрывшуюся ставню.

— Ну, чего молчишь-то? — снова проскрипело из-за ставни. — Онемел, что ль?

— Я, это... — заикаясь, пробормотал Фёдор. — Фёдор. Сын Ильи Соломатина. Из клана Пожарных.

— Чего тебе надо, Фёдор Соломатин из клана Пожарных?

— Поговорить с Никифором, — ответил Фёдор, с трудом справляясь с волнением. — Нужно очень.

— А он не хочет ни с кем разговаривать, — донеслось из дома. — Так что топай обратно, парень.

Окно начало закрываться.

— Подождите! — взмолился Фёдор. — Я заплачу! Могу солью, могу кленовым взваром... У меня тут штук двадцать наконечников для стрел. А ещё табак есть. Почти три меры.

Ставня замерла. Рука, которая её закрывала, остановилась, потом толкнула ставню обратно.

— Табак, говоришь? — По ту сторону ставни помолчали несколько мгновений, видимо, раздумывая. — Ладно, заходи, коли так.

Ставня закрылась. Минуты две или три изнутри дома не доносилось ни звука, затем за дверью что-то зашуршало, заскреблось. Загремел отпираемый засов, и дверь, так же противно скрипя, как и ставни, отворилась.

— Входи.

Фёдор послушно шагнул внутрь, очутившись в крошечной комнатёнке, тускло освещённой коптящим огоньком масляной лампы. Держащий её человек ока-

зался коротышкой неопределённых лет с длинными нечёсанными волосами и крохотными поросычьими глазками, недобро глядящими из-под густых, нависших бровей. Впустив Фёдора, он тут же закрыл дверь и запер её массивным деревянным засовом.

— Пошли.

Не пускаясь в дальнейшие разъяснения, коротышка двинулся куда-то вглубь дома, унося с собой слабое, трепещущее от движения, пятно света. Фёдору ничего не оставалось, как последовать за ним.

Поднявшись вслед за провожатым по грубо сколоченной лестнице, Фёдор очутился в комнате, под стать оставшейся внизу клетушке, только здесь была мебель: несколько полок, стол и пара лавок. Полки закрывала простая полотняная занавеска, из-за которой виднелись краешки стоящих там берестяных коробов и ещё что-то, что Фёдор сначала не узнал. А когда догадался, что это такое, его накрыла волна жара. Это были книги. Настоящие книги, и, похоже, очень старые. У Никифора, судя по рассказам тех, кому посчастливилось побывать здесь, книги видели, и немало. Стало быть, он попал куда нужно. Без сомнения, этот коротышка и был колдуном Никифором.

Никифор между тем поставил лампу на стол, уселся на одну из лавок, спиной к полкам и кивком указал на другую.

— Садись, парень.

Подождав, пока Фёдор снимет мешок и устроится на лавке, он поинтересовался:

— Ну, что там у тебя за разговор?

— Тут такое дело, Никифор, — начал Фёдор, нервно теребя лямку мешка. — Я тут жениться надумал, так за невесту, сам знаешь, полагается выкуп платить родителям. Без этого не отдадут. Всё бы ничего, да вот только простым выкупом я, боюсь, не обойдусь. Что-то особое нужно... А у тебя, рассказывают, много чего есть... всякого. Что от Прежнего Человека осталось.

— Непростая невеста, а? — проговорил Никифор.

Фёдор вздохнул.

— В том-то и дело. Отец у неё — в Совете старейшин. Да вдобавок — из другого клана.

— Ишь ты, — обронил Никифор. — Куда замахнулся.

— Тут что-то такое нужно, что родителям бы её понравилось, — затараторил Фёдор. — Обычным калымом их не ублажить. А вот если б что-то особое... — Фёдор снова вздохнул. — Иначе никак.

Никифор прищурился, отчего его и без того крохотные глазки превратились в щёлки.

— Особое, значит. Гм. Ладно, парень, — добавил он, подумав немного, — так и быть. Помогу. Есть тут у меня кое-то... — Никифор запустил за занавеску руку и выудил на свет маленькую серебристую пластинку.

— Вот это, к примеру.

— Что это? — Фёдор невольно подался вперёд, разглядывая вещь. На её поверхности виднелись полустёршиеся чёрные чёточки и значки, складывающиеся в надпись:

ВИГАТЕЛЬ ТРЁХФАЗНЫЙ АСИНХРО НЫЙ

И ещё что-то, ниже и мельче.

— Что тут написано?

— Заклинание, — сообщил Никифор. — Заклинание, необходимое, чтобы пробудить особого духа, которого Прежние Люди звали Электричеством. Такие таблички были прикреплены к особым предметам, именуемым «моторами», и достаточно было произнести заклинание, как те начинали двигаться. Кроме того, сделана табличка из особого металла, именуемого алюминием. Родители твоей невесты будут впечатлены.

— Даже и не знаю, — засомневался Фёдор. — Хорошо бы посмотреть, как оно действует... А алюминий есть и у них. Из него сделана целая ложка. А эта табличка... — Фёдор осёкся и прикусил язык, сообразив, что сболтнул лишнего.

— Мелковата будет против ложки, да? — закончил за него Никифор и хмыкнул. — Ладно. Тогда вот это.

Вторая вещь оказалась куда интереснее. Судя по обилию ржавчины, сделана она была из железа и имела рукоятку с каким-то чудным крючком впереди. Сверху к ней была прикреплена хитрой формы трубка, позади которой тоже виднелся крючок. Взяв эту штуку в руки, Фёдор убедился, что это и впрямь железо — тяжёлая, солидная железяка. Сбоку на ней было что-то выбито, но ржа скрывала большую часть надписи.

— Пистолет, — проскрипел Никифор. — Страшное оружие Прежних Людей. Убивало на большом расстоянии, грохочущим огнём.

— А сейчас? — спросил Фёдор, переводя взгляд с пистолета, на колдуна и обратно.

— Патроны нужны.

— Патроны?

— Грохочущий огонь помещался в особых железных желудях. По иному — патроны. — Никифор взял из рук Фёдора пистолет, нажал на что-то сбоку рукоятки, из которой вдруг выскочила длинная прямоугольная коробочка. — Сюда вот вставлялись. С ними пистолет был всепокрушающим оружием. Разил любого, будь то человек или зверь.

— Надо же! — удивился Фёдор. — Сколько могучих сил подчинил себе Прежний Человек. И всё равно исчез...

— Вот от них, этих самых сил, он и сгиб, — пояснил Никифор. — Потому что потерял над ними власть и не смог обуздать, когда они вырвались наружу. — Никифор впери в Фёдора взгляд своих маленьких колючих глаз.

— Ну что, берёшь или нет?

Фёдор неопределённо дёрнул плечами, нервно теребя лямку мешка. Пистолет ему понравился, штука, без сомнения, была занятная, но железом в их кланах мало кого удивишь, даже если оно страшно древнее, и, как утверждал Никифор, могло когда-то убивать надёжнее, нежели нож или стрела. Вот если б оно до сих пор работало, вот тогда было бы здорово. А так...

— А патро... желудей с грохочущим огнём у тебя нет? — робко поинтересовался Фёдор.

— Не подходит, значит, — подытожил Никифор, убрал за занавеску пистолет и взял что-то другое. — Возьми тогда это.

«Это» представляло собой маленькую плоскую чёрную прямоугольную штуковину, с чёрной гладкой поверхностью с одной стороны и крошечной прозрачной бусинкой с другой. Несмотря на достаточно скромные размеры, штуковина оказалась довольно увесистой, точно была набита мокрым песком. Повертев её в руках, Фёдор вопросительно поглядел на Никифора.

— Телефон, — сообщил тот. — Обиталище особого духа, который мог разговаривать с другим, таким же, как бы далеко они не были друг от друга. И передавать человеческие слова.

— Вот это да! — восхитился Фёдор. — И что, взаправду слышно?

Никифор издал звук, похожий на фырканье.

— Было бы слышно, будь у меня второй такой. И, опять-таки, слово особое нужно, заклинание...

— Понятно, — разочарованно протянул Фёдор. — Нет, телефон тоже не пойдёт. Не понравится он... Вот если б то Связисты были, тогда другое дело. Телефон — это как раз их тотем.

— А невеста твоя из какого клана?

— Дорожники.

— Тьфу ты! — потрянул головой Никифор. — Так бы раньше и сказал. Есть у меня кое-что и для них. — Он поднялся с лавки. — Ступай за мной.

* * *

Фёдор спешил домой. Солнце уже клонилось к закату, а ему ещё предстояло пересечь Гнилую Топь. Но сейчас это жуткое место мало волновало Фёдора. Он возвращался от колдуна, и возвращался не с пустыми руками. Его заплечный мешок заметно полегчал, освобождённый от груза соли, взвара и табака, однако Фёдор нисколько не жалел об этом. За это всё он получил настоящую драгоценность. Никифор его не обманул: вещь была стоящая. У Дорожников уже хранилась такая, в их святилище, и хотя та, что дал ему Никифор, была раза в три меньше, это нисколько не умаляло её ценность. За такой выкуп ему отдали бы даже дочь первого старейшины. Ибо сейчас, в мешке за его спиной лежала не просто какая-то древняя безделушка, пускай и принадлежащая когда-то Прежним Людям, а священный камень клана Дорожников.

Кусок самого что ни на есть настоящего асфальта!

Евгений Мидаков

ТЕПЛОГЕНЕРАТОР

Вопреки всем прогнозам, день выдался жарким. Время близилось к полудню, а на небе не было ни облачка. Тополиный пух лениво кружился в неподвижном воздухе, жался к щекам, щекотал ноздри и норовил запутаться в волосах. Последнее, впрочем, не особо беспокоило их обладателя, поскольку большую часть своей, некогда густой, шевелюры дядя Коля потерял ещё на полпути к заветной пенсии.

Когда-то слесарь, а ныне просто дворник, он сидел в потёртом кожаном кресле в тени старой липы посреди маленького двора и пытался сосредоточиться на взволнованной болтовне соседского мальчишки. Это у него получалось плохо. И то ли от жары, то ли от початой с утра бутылочки вина, мысли его топтались в нерешительности на месте. А тут ещё как нарочно тополиный пух так и лез в ноздри. Дядя Коля оглушительно чихнул и, кажется, немного пришёл в себя:

— Мы потеряли дух авантюризма! — горько воскликнул он. — Мы перестали лазить в окна к любимым женщинам!..

В доме напротив подозрительно громко захлопнули окно.

Мальчишка, пытаясь понять, что значит эта фраза, недоверчиво хмыкнул:

— Да я знаю, дядь Коля, из какого это фильма.

— Это не из фильма! — едва не оскорбившись, воскликнул дядя Коля. — Это вот из этой самой, — он схватил себя за старенькую, но чистую тельняшку. — Как её... Из души! Понял, малой?

— Да понял, понял, — нетерпеливо пробормотал малой.

— Мы топим печку — и в доме у нас тепло. А в душах, в душах-то что творится? Понимаешь, малой, человек такое сложное устройство, что других он согреть может своим теплом, а себя нет. А люди этого не понимают! И всё дальше друг от друга отдаляются. И некому их согреть. И людям холодно. И сердце у них — и не сердце уже вовсе, а ледышка бессердечная...

Дядя Коля задумчиво посмотрел на закрывшееся в доме напротив окно. Так тоскливо и долго посмотрел,

что малой, кажется и тот всё понял. Но говорить ничего не стал. Только кашлянул негромко, напоминая о себе.

Дядя Коля откинулся на спинку своего старого, видавшего виды кресла и, поправив пятернёй несуществующую шевелюру, с достоинством возразил, смутно припоминая просьбу малого:

— Вот, ты говоришь — пришельцы...

Малой замотал головой:

— Та, не... Они просто не местные, не из Мышкина!

— Так я и говорю — пришельцы, — ничуть не смутившись, продолжил дядя Коля. — А зачем им нужен теплогенератор, а?

— Так машину починить! — отчаявшись, воскликнул малой.

Но дядю Колю сегодня было не прошибить какими-то там пружинками-шестерёнками. Сегодня он был настроен на лиричный лад. То ли потому, что с утра уже принял для храбрости, то ли потому, что этой самой храбрости так и не хватило, чтобы залезть в любимое окно.

— Машину,... — презрительно скривился он. — Машину любой дурак починить может, а ты вот попробуй душу почини...

Он ещё поворчал для приличия, но потом всё-таки поднялся:

— Ну, ладно! Где твои пришельцы?

Мальчишка быстро оглянулся, махнул кому-то рукой, и из-за гаража, словно бы смущаясь немного, вышли двое. Парень и девушка. Оба среднего роста, спортивного вида, в плащах и шляпах. Обоим было лет по двадцать, не больше.

У дяди Коли брови поползли на лоб от удивления:

— Малой, ты кого привёл? Это ж шпионы! — он всплеснул руками. — Ну, ни дать, ни взять — шпионы!

— Дядя Коля! — с обидой воскликнул малой.

Но дворник и не думал униматься. Кажется, ситуация его забавляла.

— Ну, идите, идите сюда, «шпиёны».

«Шпиёны» замялись в нерешительности, поглядывая то друг на друга, то на мальчишку.

— Дядя Коля! — уже в отчаянье воскликнул тот.

— Ладно, ладно. Шучу я, ребятки. Но уж очень вид у вас... допотопный. Помню, в двадцатом веке фильмы про шпионов снимали, ну так вы — один в один они и есть... Ну, пошли что ли, — он, не дожидаясь ответа, подхватил сумку с инструментом. — Где тут ваш драндулет?

— Форма одежды нам по инструкции положена, — смущённо пробормотал парень. — И вообще, мы давно у вас не были... А машина наша здесь, недалеко. Я покажу.

Он повернулся и, ни на кого не глядя, уверенно зашагал в сторону леса, что начинался сразу в двухстах метрах за последними двухэтажными домами. Дядя Коля поспешил следом. Так и шли они по пыльной дороге нестройной толпой: впереди парень, всё так же

закутанный в плащ и в шляпе, за ним девушка со шляпой в руке, а уже за ней дворник дядя Коля, вокруг которого прыгал от нетерпения счастливый малой.

Выйдя на ближайшую полянку, парень остановился и, повернувшись к процессии, махнул рукой куда-то влево:

— Вот наша машина.

— Батюшки,... — у дяди Коли от удивления едва не подкосились ноги. — Это что за абстракционизм?..

В двадцати метрах от него в жарком летнем мареве, едва касаясь травы, висел «квадрат Малевича» — абсолютно чёрное нечто.

Дядю Колю вдруг пробил озноб:

— Ч-что это?

Парень, не говоря ни слова, подошёл к чёрному квадрату, повёл рукой, и тот засветился изнутри, начиная постепенно менять свою форму, стягивая углы и превращаясь в сферу. Когда сфера почти сформировалась, неожиданно запахло палёным, и парня как будто ударило током, — он торопливо отдернул руку. Странный объект снова принял форму квадрата.

— Не работает, — скривился он.

Несмотря на всю странность увиденного, в бывшем автослесаре проснулся профессиональный интерес. Всё-таки это была машина, пусть и не совсем обычная.

— Аккумулятор что ли пробит? — спросил он всё ещё с некоторой опаской.

— Накопитель, — поправил парень.

Он замялся. Видно было, что говорить ему то ли неохота, то ли по инструкции не положено, но, посмотрев на свою спутницу, всё-таки решился.

— Мы... У нас...

— Свадебное путешествие у нас, — с вызовом продолжила девушка.

Парень поник головой:

— Да. И всё было хорошо, пока... я... мы... не посорились.

На щеках девушки вспыхнул румянец.

Мальчишка слушал их, открыв рот от удивления. Посмотрев на малого и чуточку ему позавидовав, дядя Коля наконец и сам перестал бояться.

— Накопитель, говоришь, пробит, — он словно бы не слышал их последних слов — своеобразная профдеформация — ну какое отношение к аккумулятору, то бишь, к накопителю имеют какие-то чувства. — А как к нему подобраться?

Парень снова повёл рукой, и в квадрате обозначилось отверстие. Дядя Коля заглянул внутрь и ахнул:

— Батюшки!.. Вы серьёзно? Он же у вас ламповый! Как в шестидесятых двадцатого века!

Парень пожал плечами:

— Говорю же, мы давно у вас не были.

— Ну-ну...

Дядя Коля принялся осматривать незнакомый двигатель на электронных лампах и, мигом найдя причину, хмыкнул:

— Ну, ребята, скажу вам как на духу — вам несказанно повезло.

Он вытащил сгоревшую лампу из гнезда, повертел перед глазами, словно ожидая какого-то подвоха, ещё раз хмыкнул. Затем сунул руку в сумку с инструментами и, погремев железяками, вытащил на свет точно такую же.

— Вот. Вчера старый телик ремонтировал. Телик на свалку, а лампы что — лампы хорошие, дай, думаю, оставлю, авось пригодятся.

Парень с девушкой опять переглянулись, словно совещаясь о чём-то. На этот раз заговорила девушка.

— Понимаете, у нас не совсем обычный двигатель...

— Ха! — дядя Коля воткнул лампу в гнездо, она загорелась, и двигатель тихо заурчал, как довольный котёнок. — Это я прекрасно вижу. Ламповый он у вас.

Девушка продолжила:

— Спасибо, что помогли устранить пробой в накопителе. Но, к сожалению, это не всё...

Она повела рукой, и чёрный квадрат легко перетёк в золотистую сферу.

— В накопителе больше нет энергии. По нашей вине...

— По моей. — Не согласился парень.

Она так странно на него посмотрела, что малой, до сих пор с интересом ловивший каждое слово, зажмурился — он терпеть не мог все эти телячьи нежности.

Дядя Коля тем временем осматривал поверхность необычного летательного аппарата. Постучал по нему костяшками пальцев, но, не услышав никакого звука, сильно удивился. Это настолько противоречило всему его предыдущему опыту, что он не удержался и хлопнул в ладоши — звук был. Но вот он снова постучал по поверхности шара, и опять звук куда-то пропал.

— Как же так, ребята, а где звук?

Девушка прыснула:

— Его и не должно быть.

— Это не материал, — пояснил её спутник. — Это пространственная развёртка вокруг материала.

— Чего?

— Ну, пространство... Оно же относительно, а значит, можно...

— А, знаем, знаем! — Перебил дядя Коля. — Только не пространство, а время. «Всё течёт, всё изменяется»...

— Ах, вы про это! Так это свойство пространства — оно чуть более чем трёхмерно, всего на четырнадцать сотых, но именно это...

— Стоп! — Дядя Коля поднял вверх руки. — Я всё понял. Не будем углубляться... Вы, ребята, мне лучше скажите, как этот ваш накопитель заново наполнить? И чем? Если вам электричество нужно, то придётся вашу машину как-то до гаражей толкать.

Ребята погрустнели.

— Понимаете, наша машина работает на эмоциях. Накопитель их собирает и отправляет в преобразователь...

— А-а-а, понимаю! А преобразователь их преобразует, так?

— Ну, да. Только мы поссорились и... В общем, энергии больше нет.

Дворник почесал в затылке:

— Постойте-ка, а разве при ссоре не выделяется энергия?

Парень опустил глаза:

— Выделяется. Только она по сравнению с лучшими чувствами, как сырая нефть рядом с высокооктановым бензином. Мы от таких эмоций давно отказались — из экологических соображений.

— Так, так, так... Значит, вам нужны эмоции? Ну, этого добра у нас навалом! А как их вам передать?

Парень потянул рукав плаща, под ним на запястье был браслет с блёклыми прямоугольниками от фиолетового до красного. Он пояснил:

— Я, э-э-э... Направляю прибор на объект, нажимаю кнопку, и происходит анализ доступной энергии, а индикатор на руке показывает её качество. Забор происходит автоматически, если качество энергии удовлетворительно, то есть, соответствует хотя бы зелёному уровню.

— А зелёный это?..

— Жалость.

— А, понятно! Значит, красный — любовь?

Парень опустил глаза:

— Ну, да...

— Так, так, так... — Дворник словно пёс, почуявший азарт охоты, потёр руки. — А делать-то что?

Парень поднял руку с браслетом:

— Представьте ситуацию или объект, вызывающий у вас эмоциональный отклик.

Дядя Коля закрыл глаза. Через несколько секунд лицо его расплылось в довольной улыбке, а браслет тихонько загудел. Ещё через минуту гудение прекратилось.

— Всё, дядя Коля. Спасибо.

— Ну, что там? Красное? Под завязочку? — спросил довольный дворник.

Парень вздохнул и показал браслет.

— Голубой?! — ахнул дядя Коля. И помолчав, осторожно спросил:

— А что это значит?

Парень пожал плечами. Ответила девушка:

— Умиротворённость.

Дворник недоверчиво хмыкнул.

— А что вы представили? — спросила девушка.

— Так знамо что, — смутился дядя Коля. — Как мы сидим с Машей... Э-э-э, с Марией Александровной на кухне, пьём чай, а пирожки у неё такие горячие, прям из печки... И на душе так хорошо, так покойно...

Он вдруг осёкся:

— Умиротворённо так...

Браслет возмущённо пискнул.

— Чего это он?, — удивился дядя Коля.

— Этот отдел накопителя полностью заряжен. Энергию девать некуда. Впрочем, у нас и для этого вида энергии найдётся применение. Вот только, боюсь, взлететь мы не сможем...

— А как же вы попадёте домой?, — удивился мальчишка.

Пришельцы переглянулись. Парень неуверенно улыбнулся:

— Мы что-нибудь придумаем. Спасибо вам за помощь, друзья, но...

На глазах у малого показались слёзы. Он дёрнул дворника за рукав:

— Как же так, дядя Коля?

— Дык... Понимаешь, я...

Тут браслет тихо пискнул, и парень недоверчиво поднял руку. Он повернул браслет на малого, и зелёный индикатор начал светиться всё ярче и ярче.

Дядя Коля от волнения обнял малого за плечи:

— Ах, ты ж, доброе сердечко! Пожалел?!

А дальше случилось то, чего ни дядя Коля, ни мальчишка не ожидали. Парень покраснел. По-настоящему. Как только красны девицы краснеть умеют. Он опустил голову и тихо прошептал:

— Я был неправ.

— Чего? — удивился дядя Коля. — Зелёный не может?

— Поможет. Я в другом был неправ... Мы из-за этого и поссорились. Я говорил, что на Земле останавливаться не стоит. Что вы... Вы...

— Мы что?

— Неспособны на высокие чувства... Я ошибся!

Он повернулся к девушке, ловившей каждое его слово:

— Прости меня.

Кажется, у неё дрогнули губы. Она хотела что-то сказать, но её опередили. Браслет неожиданно загудел. Парень поднял его, и все увидели, как очень быстро заполнился сначала жёлтый индикатор, потом оранжевый и, наконец, красный. Браслет щёлкнул и затих. Девушка так ничего и не сказала. Она подошла к парню и просто заглянула ему в глаза. Всё было ясно без слов.

Потом она нагнулась к малому и поцеловала того в щёку и, наверное, впервые в жизни, малой не стал протестовать. А парень в это время жал руку дяде Коле, и у того глаза были на мокром месте.

— Я тебя не забуду, — шепнула девушка мальчишке.

Они шагнули к своей машине. Парень повёл рукой, и в золотистой сфере открылся проход. Но прежде чем уйти, девушка повернулась к людям. Один смотрел на неё с умиротворением, другой с надеждой. Она ничего не сказала, но было видно, что люди что-то услышали.

— Я велосипед хочу, — сказал малой.

Дядя Коля почесал в затылке и, прислушиваясь к себе, удивлённо заметил:

— А мне ничего не надо. Кажись, у меня всё есть... Только руку протяни, — добавил он помолчав.

Девушка кивнула и поднялась прямо по воздуху к парню, стоявшему в проёме. Они помахали людям рукой. Те помахали в ответ. Проём затянулся, и они исчезли. Вот только что были, и вот — нет их.

— Вот техника дошла! — крикнул дядя Коля. — Когда-нибудь и мы так сможем. Ну что, малой, домой? А то глянь, какая тучка надвигается, как бы не было дождя...

И они пошли. Через редкий подлесок и дальше — мимо садов и огородов по пыльной просёлочной дорожке. И чем дальше они уходили с той полянки, тем образы двух странных пришельцев в нелепых плащах становились всё более зыбкими, пока не исчезли совсем. Когда же они оказались снова в центре небольшого двора, где под старой липой стояло потёртое кожаное кресло, дядя Коля недоверчиво снял с плеча сумку с инструментами:

— Малой, ты не знаешь, куда это я собрался?

— Не знаю, дядь Коля, — мотнул головой малой. — Вроде вы телевизор хотели починить?

— Телевизор? Да нет... Телевизор-то я давно починил... Ну, то есть... Неважно.

Дворник пошарил в сумке, но ничего не найдя, нахмурился:

— Странно. Тут вроде лампа была...

Он хотел ещё что-то сказать, но тут у мальчишки встопорщились над ушами вибриссы внутренней связи.

— Да, мам? Домой идти? — грустно спросил он.

Мама что-то ему отвечала, и с каждой секундой броуи его всё выше взлетали вверх.

— Ого! — воскликнул он, наконец. — Я сейчас!

Он собрался было бежать, но на секунду задержался:

— Дядь Коля! Мне дедушка свой велосипед отдаёт! С двадцатью скоростями! Он маме только что звонил, говорит, сам на нём боится ездить, так пусть внучок... то есть я... Вот!

И он побежал.

— Пстой, малой! Ты хоть скажи, как звать-то тебя? Ты не Гришка из семнадцатой?

— Нет, я Сашка из восьмой! — малой засмеялся и убежал.

Дядя Коля ещё минуту постоял под липой, с сомнением поглядывая на кресло, где между сиденьем и спинкой была припрятана початая бутылочка вина, пока его не вернул к действительности раскатистый удар грома.

В доме напротив распахнулось окно, и встревоженный женский голос позвал:

— Николай Васильевич! Смотрите, какая гроза надвигается! А у меня тут пирожки успели. Горяченькие...

Дядя Коля торжественно кивнул в ответ, сунул руку между сиденьем и спинкой и протолкнул бутылку на самое дно. От греха подальше.

И зашагал к любимому окну.

Николай Храпов, Алексей Сапунков

СВОБОДА ВЫБОРА

Инспекторская капсула вынырнула из нуль-пространства возле небольшой жёлтой звезды. По долгу службы Декаму приходилось много путешествовать. Нуль-переходы стали для него привычными, но он не переставал восхищаться этой чудотехнологией Сеятелей. Только что находился в центре Галактики, неуловимый миг, и он оказался за десятки тысяч световых лет от места старта. На панели управления вспыхнул зелёный огонёк — это заработали гравикорректоры — ещё один дар Сеятелей, и капсула направилась к станции наблюдателей.

Декам взглянул на увеличивающуюся в размерах звёздочку в центре обзорного экрана и гордо расправил плечи. Это его первый визит в чужую звёздную систему в новой должности: раньше он был инспектором, контролирующим развитие младших рас, а теперь Ответственный Делегат Директории, принимающий решение о строгости режима перевоспитания аборигенов. Эту должность могли занимать только Первородные.

На заре существования Вселенной Сеятели, да будут здравствовать они во все времена, рассеяли в пространстве споры жизни. Они прижились на планетах, где физические условия способствовали развитию органической жизни. Родная планета Декама была в числе первых, где росток жизни увенчался цветком разума. Раса Первородных помнила древние мифы о контакте с Сеятелями: небесный свет залил всю планету, раздался Глас — праотцы пали ниц, и им были дарованы скрижали, которые учили добру, миролюбию и благочестию.

Страх перед всемогущими небожителями поселился в сердцах предков, и они вняли небесным заповедям. Те, кто нарушал их, наказывались, а неисправимые истреблялись. Селекция дала нужный результат: прекратились войны, исчезла преступность. Прилежность предков была вознаграждена: скрижали стали знакомить их с технологиями Сеятелей. Цивилизация шагнула в космос и вскоре установила контакт с расой из другой звёздной системы. Обе цивилизации были схожи: воспитаны и обучены Сеятелями, и их будущее казалось безоблачным. Расы имели минимальные генетические отличия и сходный внешний облик. Ничто не мешало их общению и развитию. Но случился неожиданный сбой — распространилась ересь. Проповедники нового учения утверждали, что время ученичества закончилось и пора стать хозяевами своей судьбы и Галактики: не стоит превращать заповеди Сеятелей

в фетиш — слепое повиновение не способствует самостоятельному развитию.

Усики-вибрисы вокруг рта Декама возбуждённо затрепетали. В назидание историю смуты знали не только Первородные, но и младшие расы Федерации. На его планете ересь искоренили, а в звёздной системе партнёров победили еретики. Две цивилизации оказались по разную сторону баррикады. Как поступить? Как устранить разногласия? Тщетно предки Декама ждали совета Сеятелей: скрижали молчали. И тогда глава планетарной Директории Миха решил утвердить мораль Сеятелей в Галактике силой. Он направил космический флот Первородных к планете еретиков. Внезапное нападение застало бывших партнёров врасплох. Они были разбиты, их лишили скрижалей, перевоспитали и низвели в ранг сателлитов. За свои деяния глава Директории вошёл в историю как Ил — великий праведник. Миха-Ил возложил на Первородных особую миссию — выискивать разумную жизнь, воспитывать в соответствии с заповедями Сеятелей и определять их рабочую функцию в Галактической Федерации.

И вот ему, Декаму, выпала честь продолжить миссию Миха-Ила — приобщить ещё одну планету аборигенов к Галактической Федерации. Искусственный разум капсулы уловил мысли хозяина, и перед делегатом появилась голограмма голубой планеты с белыми разводами облаков. Голубой цвет водных просторов был любимым цветом Первородных, и Декам удовлетворённо кивнул. Виды третьей планеты сменились голограммой шестой планеты. Огромный газовый шар был увенчан разноцветными кольцами. В них пряталась станция наблюдения космического флота Федерации. Функция наблюдения за вновь открытыми цивилизациями возлагалась на младшую расу с планеты Иу-иу. На их выводы можно положиться: иуанцам присущи кропотливость и аналитический ум.

Инспекторская капсула нырнула в щель между кольцами и всплыла в ангар станции. Открылся люк, и в капсулу протиснулся толстый коротышка — руководитель иуанцев. Он склонил голову перед Делегатом. Венчик шупалец на лысом черепе приветственно затрепетал. Декам непроизвольно поморщился. Шевелящиеся шупальца на лишённой растительности голове выглядели отталкивающе. Когда-то эти рудименты помогали предкам иуанцев защищаться от туч кровососущих насекомых.

— Хвала Сеятелям! — воскликнул иуанец на галактическом.

Декам расправил плечи и гордо поднял правую руку в ответном приветствии:

— Хвала Сеятелям!

— Благодарю Первородного, что он почтил нас своим визитом.

Головные щупальца торжественно поднялись вверх, как зубцы короны, и коротышка ритуально встал на цыпочки. Декам, трепеща вибрисами, изрёк:

— Я удовлетворён вашим аналитическим отчётом о готовности третьей планеты к колонизации. Осталось подтвердить его официально.

Иуанец смиренно уложил щупальца колечком и доложил:

— Прошу считать наш отчёт официальным заключением о способностях аборигенов.

— Отлично. Ваша работа — образец ответственного отношения к порученному делу, — похвалил наблюдателей Делегат. — Я намерен совершить инспекционную поездку на планету, и будем считать вашу миссию завершённой. У вас всё?

Иуанец замаялся. Щупальца на его голове смущённо затрепетали. Заметив его нерешительность, Декам добродушно произнёс:

— Не волнуйтесь, Первородным свойственно прислушиваться к мнению младших партнёров, если это способствует величию Федерации. Что вы хотите сообщить мне?

— О, Первородный, я позволил моим наблюдателям выйти за рамки возложенных на них задач и готов понести наказание.

Делегат уставился на иуанца.

— Характер нарушения? — чеканя слова, произнёс он.

— Наблюдатели исследуют психофизиологические особенности аборигенов, но не их прошлое, поскольку изучение истории — это работа воспитателей на этапе карантинных мероприятий.

— Что побудило заняться не своим делом? — в голосе Декама появились металлические нотки. Первородные строго наказывали младшие расы за малейшую провинность.

Головные щупальца руководителя наблюдателей повисли сосульками. Его ждало наказание, но он не жалел о содеянном: обнаруженные на третьей планете артефакты событ спеш с Первородных. Он подготовился к разговору с Делегатом и решил выдавать собранную информацию дозированными порциями. Первородные вспыльчивы, быстро выходят из себя, и потому осторожность, и ещё раз осторожность.

— Если верить легендам аборигенов, их планета была удостоена высокой чести, — понизив голос, доверительным тоном произнёс иуанец.

— Что такое? — густые брови Декама изогнулись дугой.

— В сакральном сборнике древних текстов, называемом Библией или «Книгами», упоминается о контакте аборигенов с Сеятелями.

— Что?! — не удержался от восклицания Делегат. Его сердце учащённо забилося, и поднялись волосы на загривке. Неужели обнаружена раса, равная Первородным? Нет, этого не может быть! Успокаивая себя, он пригладил волосы на шее.

— Легенды аборигенов всегда полны вымыслов. Доказательством контакта могут служить только артефакты Сеятелей.

Не поднимая глаз, иуанец кивнул. Выказывая почтение Делегату, он продолжал стоять на цыпочках, но его щупальца уже не висели сосульками, а игриво шевелились.

— Аборигены не сохранили дары Сеятелей, и нам пришлось потрудиться, чтобы найти их.

— Какие? — стараясь оставаться спокойным, прохрипел Декам.

— Обломки скрижалей, — иуанец положил перед Первородным накопитель информации с данными, подтверждающими подлинность артефактов.

— Они сломали их? — в благоговейном ужасе спросил Делегат.

— Скрижали разрушили сами Сеятели, в гневе на племя, которому они были пожалованы.

— Значит, контакт не состоялся? — обрадовался Первородный.

— Всё гораздо сложнее, — охладил его радость иуанец. — Сеятели, которых аборигены называют обобщённо невидимым и непознаваемым Богом-Создателем, контактировали с ними неоднократно.

У Декама перехватило дыхание. Сеятели нянчатся с аборигенами, как с непослушным, но любимым дитём. Но почему?

— Первый контакт был осуществлён на стадии перехода от животного мира к разуму. Праотец и прама-терь, которую аборигены нарекли Евой, кстати, они уже вычислили её геном, побывали в небесной обители Сеятелей, называемой ими Раем.

— Их перенесли в мир Сеятелей? — не веря своим ушам, прошептал Декам. — С какой целью?

— Согласно священным текстам, аборигены были преобразованы в Раю по образу и подобию самого Создателя и наделены нематериальной субстанцией, которую они называют душой.

— Душа?! Что это?

Иуанец пожал плечами.

— Могу лишь предположить. Аборигены верят в Святую Троицу: Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа. Бог-Отец — это собирательный образ Сеятелей, Святой Дух — это бесплотная ипостась Сеятелей, которая проникает в нашу Вселенную, а Бог-Сын...

Иуанец сделал паузу.

— Наделив их душой, Сеятели поставили эксперимент и следили за процессом. Аборигены не были лишены свободы выбора. Среди них не все стали праведниками, большинство грешило, не следуя Божьим заповедям. Эксперимент не давал того результата, на который рассчитывали Сеятели, и тогда они изменили

его ход. Обыкновенная женщина чудодейственным способом зачала мессию — Сына Божьего. Войдя в возраст, он начал проповедовать любовь к людям и Богу-Создателю, принял на себя все грехи аборигенов и отдал за них жизнь. Сеятели воскресили его и вознесли в свою небесную обитель, указав путь к Спасению. Всякий, кто прожил свою жизнь в любви и следовал Заповедям, спасёт свою душу и обретёт жизнь Вечную в райской обители. Как сказал один из пророков аборигенов: Бог — это любовь!

— Любовь, — повторил незнакомое слово Декам.

— Всем галактическим расам присуща эмпатия — способность сопереживать. Любовь — это особое чувство; ради родной земли, детей, подруги и Бога они могут пожертвовать собой, — пояснил иуанец.

По спине Декама забегали мурашки. Он не мог представить, чтобы какое-то чувство способно быть сильнее инстинкта самосохранения. Умереть не по приказу, а добровольно, ради кого-то — такое трудно представить. Он понял, что ошибался, думая, что Сеятели возвели местных аборигенов в ранг равный Первородным. Это было не так: аборигены были не пасынками Сеятелей, как остальные расы Галактики, а их детьми и потому стояли на ступень выше всех.

Иуанец догадался, о чём подумал Первородный, и привёл цитату из Библии:

— Создатель, возводя Сына Своего Первородного во вселенную, после Воскресения возвестил: «...и да поклонятся Ему все Ангелы Божии», то есть все расы Галактики; в Священном Писании сказано и о победе небесного воинства во главе с архангелом Михаилом над падшими ангелами, то есть о вашей победе над еретиками. Об этом они могли узнать только от Сеятелей, и это ещё одно доказательство контакта.

Декам поник головой. Если аборигены — дети Сеятелей, то наша раса — всего лишь первая из разумных. Отсюда надо убираться и немедленно: колонизация планеты, на которой проводится эксперимент Сеятелей, греховна. За вмешательство могут наказать.

— Мне как Делегату Директории даны полномочия при особых обстоятельствах прекращать работы по колонизации. Приказываю: отозвать наблюдателей с поверхности планеты и покинуть звёздную систему.

— Слушаюсь, — иуанец поклонился и вышел.

Иуанец сидел в командирской рубке. Его головные щупальца беспокойно шевелились. Первородный улетел, настал их черёд убираться восвояси. Только что заместители доложили ему о готовности станции к нуль-переходу — осталось отдать команду, но он медлил. За годы, пока иуанцы изучали аборигенов, он привязался к ним. Они и впрямь как дети: игривы, любопытны, активно познают мир. И они способны любить. Первородным этого не понять: они слишком рациональны, считают, что миром правит

инстинкт самосохранения, и потому держат младшие расы в страхе.

Он встал с кресла и прошёлся по рубке. Его тоже ждёт наказание. Нет, ему не грозит заключение в камере тюремного астероида: превысив свои полномочия, он не нанёс вреда Федерации. Его всего-навсего отчислят из состава Звёздного Флота и запретят покидать Иу-иу — ему больше не видать чужих миров. Он отыскал в океане звёзд на обзорном экране планету аборигенов. «А ведь они близки нам, — подумал иуанец. — Среди галактических рас мы выделяемся своей способностью сочувствовать другим, и это определило наш статус наблюдателей Федерации. Если бы нас не колонизировали Первородные со своей моралью, в главе которой страх перед наказанием, может быть и мы бы познали чувство любви».

Щупальца иуанца радостно затрепетали над головой. Он вспомнил, как, находясь под видом буддистского монаха на планете аборигенов, встретил мальчика-сироту. Его тело покрывали лохмотья, и он был голоден. Несколько месяцев они провели вместе.

«Завершив исследование, я не бросил его на произвол судьбы — пристроил в монастырь». — Сцену расставания иуанец запомнил до мельчайших подробностей. — «Как мальчишка плакал! Он был готов страдать от голода и холода, лишь бы не расставаться! Он полюбил меня, а я ушёл с чувством исполненного долга. Смог бы я остаться на отсталой планете ради него? Тогда я даже не думал об этом! А ведь у меня нет детей. Наша пресловутая эмпатия, которой так гордятся мои соплеменники, не позволяет наблюдателям заводить семьи, чтобы их жёны и дети не страдали от многолетних разлук. И это считается нормой, а аборигены, если любят, готовы ждать десятилетиями».

Иуанец сел в кресло, продиктовал приказ о сложении с себя руководящих полномочий и вызвал первого зама.

— Я улетаю на планету аборигенов. Катер вернётся, и вы приступите к исполнению обязанностей руководителя станции, — сказал он.

Щупальца на голове заместителя сплелись в пучок от изумления.

— Катер вернётся без вас? Вы остаётесь?! Но это нарушение приказа Первородных!

— Одним нарушением больше, одним нарушением меньше, — беспечно махнул щупальцами руководитель. — Чем бесцельно провести остаток жизни на Иу-Иу, лучше остаться здесь.

— Бесцельно? — переспросил заместитель.

— Конечно. Без семьи, без любимой работы. Мне будут сочувствовать, но держаться на отдалении, страшась быть обвинёнными в дружбе с изгоем.

— А какая цель в жизни среди аборигенов?

— Я хочу поучаствовать в эксперименте Сеятелей — научиться любить и быть любимым.

Заместитель иронично покачал щупальцами.

— Не у всех аборигенов сердце наполнено любовью, у многих в груди клокочет злоба и зависть.

— Сосуд наполняется тем, что в него наливают. Сеятели подарили всем свободу выбора. Я свою цель определил.

Разговор был окончен. Два иуанца встали и, склонив головы, соприкоснулись шупальцами в знак прощания.

Диск НЛО беззвучно вонзился в атмосферу и сел в гористой местности на востоке самого большого материка планеты. Из него вышел буддистский монах и направился по тропе к монастырю, спрятавшемуся за горой. Там его ждало любящее сердце. Настроение было радостным. Тому, кто идёт за горизонт, грустить некогда.

Камиль Юлаев ОПОЗДАНИЕ

Всё, что написано ниже, тяжело изложить на Земных языках, ибо речь идёт о существах, не имеющих ничего общего с человеком и достигших в своём развитии непостижимых для человечества высот. Время везде по тексту, для простоты восприятия, обозначается земными мерками, ибо для существ из Великого Обиталища оно течёт иначе.

— О, Заур, прародитель наш и Верховный правитель! Обращаюсь к тебе сквозь звёзды я, исследователь Тёмных Зон Зиар Восьмой, ибо находка моя воистину удивительна! Изучая Тёмные Зоны по поручению и благословению твоему в направлении 1_1*_0_1, я обнаружил поразительную конструкцию, которая движется к нашему Великому Обиталищу из неизведанных Тёмных Зон. Конструкция эта столь чудна, что не могла возникнуть лишь благодаря силам Мироздания. Я полностью уверен, что это создание разумных существ. Отправляю тебе, о Заур, мыслеформу конструкции, и ты сам сможешь изучить её в мельчайших деталях...

Зиар Восьмой в настоящее время представлял собой свободное сознание в сгустке энергии, состоящем, в основном, из тёмной материи, — уникальное состояние, в которое заурийцы научились переходить за сотни тысяч лет развития технологий. Но доступен этот переход был лишь дюжине избранных, прошедших специальный отбор и учившихся переходу в течение 500 лет (здесь и далее — по Земным меркам). Такое состояние, вызываемое силой сознания и технологиями его освобождения и усиления за счёт синергии с тёмной материей, было названо Сатх, а носители навыка — сатхиты.

Как только появились сатхиты, исследование тайн Вселенной полностью легло на их плечи, ибо они могли преодолевать огромные космические расстояния от звёзд к звёздам за считанные десятилетия. А меж-

галактические путешествия сводились от нескольких сотен до нескольких тысяч лет.

Для заурийцев, познавших бессмертие, время текло субъективно быстрее и сотня земных лет воспринималась ими совершенно иначе.

Зиар Восьмой был одним из сатхитов, которого Верховный правитель Заур, самый старший из ныне живущих заурийцев, благословил на исследование космоса. Его путешествие, как и миссии других сатхитов, отправившихся исследовать иные направления, длилось уже больше четырёх тысяч лет. Все эти годы он передавал собратьям-учёным ценную информацию через своё бессмертное физическое тело, находившееся на его родной планете, которую заурийцы называли Великое Обиталище.

За эти четыре тысячелетия 12 сатхитов собрали больше информации о Вселенной, чем заурийцы узнали за прежние десятки тысяч лет, когда они пытались исследовать космос с помощью космических кораблей, очень ограниченных в скоростях, несмотря на высочайший уровень развития технологий.

Зиар Восьмой приблизился к странной конструкции, обнаруженной в глубинах космоса, сравнялся с ней скоростями и медленно поглотил её. Физически с конструкцией ничего не произошло, она как летела, так и продолжала лететь. Но полёт этот теперь проходил внутри сгустка энергии, и Зиар Восьмой своими энергошупальцами по миллиметру изучал её строение, передавая всю информацию через своё физическое тело Зауру.

Через некоторое время Заур ответил.

— Зиар Восьмой, твоё имя будут превозносить все твои собратья заурийцы, ибо вижу я, что находка твоя открывает перед нами новый удивительный мир. За многие века, что мы искали во Вселенной братьев по разуму, кое-кто из нас начал терять веру в их существование. Но теперь вижу я, что правы

были сохранявшие веру. Да, эта удивительная конструкция создана существами, обладающими разумом. Разум позволил этим существам создать механизм, способный вырваться из их Обиталища и полететь в Тёмные Зоны.

Я живу 357 тысяч лет и помню времена, когда и наша раса начинала свой путь во Вселенную с таких механизмов. Вот эти три элемента на отростках — они питали механизм. Но они уже исчерпали свою энергию. А этот усечённый шар передавал когда-то сигналы своим отправителям.

Здесь, внутри призмы, я вижу диск из металла. Такого металла нет на нашей планете, но мы находили его в отдалённых уголках нашей галактики. Это не просто металлический диск. Он содержит сведения. Они записаны каким-то примитивным способом... Когда я пытаюсь коснуться его через твои энергетические щупальца, я чувствую непонятные мне звуковые колебания...

Заур мгновенно переключил своё внимание на учёных и передал им записи с диска вместе с заданием их расшифровать. И вновь вернулся к Зиару Восьмому.

— Здесь вижу я простейшие письмена. От них мы отказались тысячи лет назад, научившись обмену мыслями и способу их хранения в энергокубах. Думаю, наши учёные мужи быстро разгадают эти письмена. Но меня интересуют вот эти два образа на пластине. Думаю я, что это изображения существ, которые направили этот механизм в путешествие по Вселенной.

— Да, Заур! Я тоже принимаю эту мысль. Она мне кажется верной. Хочу сказать, что мои энергощупальца изучили конструкцию. И я многое узнал. Она была создана 140 тысяч лет назад. При такой скорости она не могла далеко улететь. А это значит, что я за десяток лет доберусь туда, откуда механизм был отправлен.

— Зиар Восьмой, направляйся в путь. А наши учёные мужи меж тем постараются вычислить точное положение планеты, с которой был отправлен этот летательный аппарат.

Зиар Восьмой уже обозначил новый маршрут, исходя из траектории движения обнаруженного им летательного аппарата. Его физическое тело, находившееся в обсерватории в Великом Обиталище, подало сигнал направляться в путь, и этот сигнал, пройдя через диковинные механизмы, придал необходимый импульс энергосгустку. Изучение Вселенной продолжалось, но теперь, благодаря находке Зиара Восьмого, обрело новый смысл.

Через 100 дней полёта Зиар Восьмой получил точные координаты точки назначения. Величайшие умы его родной планеты расшифровали расположение цели относительно нейтронных звёзд и были удивлены находчивости далёкой разумной расы, придумавшей столь

универсальную карту, основанную на отдалённости планеты от испускаемого этими звёздами излучения. Зиар Восьмой подкорректировал свою траекторию и продолжил полёт.

Всего 59 лет понадобилось ему, чтобы пересечь границы далёкой звёздной системы и приблизиться к неизвестной планете, встреча с обитателями которой сулила открыть новую главу в истории двух рас.

— О, Заур, прародитель наш и Верховный правитель! Обращаюсь к тебе сквозь звёзды я, исследователь Тёмных Зон Зиар Восьмой. Я вплотную приблизился к планете, с которой был направлен в путешествие по Вселенной летательный аппарат, обнаруженный мной. Сейчас я облетаю вокруг неё. Посылаю мыслеформу, чтобы ты сам мог рассмотреть её.

Заур подключился к мыслеформе. А за ним — и учёные, с нетерпением ожидавшие этого момента. Вопреки всем ожиданиям и возникшим за эти годы теориям, им предстала тёмная безжизненная планета, коих миллионы во Вселенной.

Заур тут же обратился к учёным.

— Уверены ли вы, умы Великого Обиталища, что не ошиблись в расчётах и точно расшифровали послания на пластинах?

— О, Заур, ошибки быть не может, это та самая планета.

— Тогда, Зиар Восьмой, тебе надобно опуститься на поверхность планеты и внимательно её изучить. Мы не знаем, с какой формой жизни можем столкнуться в просторах Вселенной. Вероятно, и здесь возможна жизнь.

Зиар Восьмой медленно приблизился к поверхности планеты. Она была обгоревшей и обугленной. Сатхит проник в толщи пепла и ощутил под ней твёрдую почву. А ещё глубже — свидетельства того, что на планете когда-то кипела жизнь.

— О, Заур! Мы не ошиблись. Эта планета когда-то была живой. Здесь, в её недрах тысячи артефактов, которые не могли быть созданы силами Мироздания. Здесь же я чувствую останки существ, что господствовали в этом мире в давние века.

За считанные секунды Зиар Восьмой облетел планету вдоль и поперёк, оставаясь погружённым в её твердь. Везде он натёкался на тысячи и тысячи обгоревших костей, разрушенных и истлевших зданий, различных артефактов неизвестного назначения. Он прощупывал все находки своими энергощупальцами, и его свободное сознание окуналось в чувство безмерной тоски и грусти...

Всё свидетельствовало о том, что гибель планеты наступила в считанные часы. Всё живое, что было на ней, — погибло, все творения этих удивительных существ — разрушились и обгорели в страшном пламени...

— О, Заур! Мы не ошиблись. Но мы опоздали! Мои энергощупальца дали много полезной информации. 139 тысяч лет назад на этой планете случи-

лось нечто ужасное, что погубило всех её обитателей. Всё, что мы можем сейчас сделать — попытаться понять, что здесь произошло. Возможно, эти существа не смогли обуздать одну из своих технологий, и она их погубила.

Я должен остаться здесь, о Великий Заур, и собрать всю информацию об этих существах. Я должен изучить ближайшие планеты — возможно на них сохранились остатки этой расы. Но вероятность эта очень мала. За тысячу лет от создания найденной нами в Тёмных Зонах конструкции до своей гибели эта раса не смогла бы сотворить технологии, что позволили бы ей обосноваться на других планетах. Тысяча лет — слишком малый срок для этого.

Но эта планета — самое ценное, что мы нашли за многие века своего поиска в Тёмных Зонах. Моя судьба — остаться здесь на столько, сколько будет нужно, и собрать все сведения об этих существах, раскрыть все тайны этой планеты.

— Зиар Восьмой, я принимаю твой выбор! Я благодарю твой новый путь! Твой поиск закончен. Теперь ты сатхит, которому предстоит воссоздать из небытия историю этого мира. Кто знает, может эти сведения станут предостережением для нас самих и мы не по-

вторим ошибок наших братьев по разуму. В твоём распоряжении — тысячелетия! Напиши эту летопись для своих потомков, возроди её из пепла! В этом твоя новая миссия!

Зиар Восьмой летел над безжизненной планетой, на которой когда-то кипела жизнь. Странная ирония судьбы. Посланник из неведомых миров, приведённый сюда другим скитальцем, случайно найденным в бескрайних просторах космоса... А ведь 140 тысяч лет назад люди даже не подозревали, что космический аппарат «Вояджер» выполнит свою миссию спустя тысячи веков после своего создания...

Творение разума, на сотни тысяч лет пережившее своих создателей, стало немим свидетельством былого величия расы, сгинувшей под пеплом веков. Что ж, этот скиталец выполнил свою миссию. Он привёл на эту планету разумное существо из другого мира. Теперь посланнику из неведомых миров, сатхиту Зиару Восьмому, предстояло выполнить свою миссию — вспомнить всё, о чём забыла эта обугленная планета... Планета, которую её разумные обитатели называли когда-то Землёй.

Александр Филичкин УГРОЗА АВАРИИ

— У себя? — спросил у секретарши директор крупного научно-исследовательского института.

Молодая красotka оторвалась от журнала о гламурной жизни звёзд шоу-бизнеса. Строго взглянула на посетителя, что помешал ей читать чрезвычайно интересные новости. Узнала в нём того, кого вызвал грозный начальник, и недовольно сказала: — Проходите, он вас давно уже ждёт.

— Спасибо, — буркнул замотанный делами маститый учёный. Постучал в косяк костяшками пальцев. Услышал крик изнутри: — Заходите, — отворил прочную дверь и осторожно ступил в большой кабинет.

Здесь, как и в обширной приёмной, всё было сделано «под старину», в стиле начала прошлого века. Никаких модных штучек кроме компьютера с широким экраном.

Руководитель области оторвал глаза от голографического монитора. Увидел нужного ему гражданина

и облегчённо вздохнул: — Наконец-то, — сказал он вошедшему и предложил: — Проходите, садитесь, пожалуйста.

Не успел учёный устроиться на жёстком сидении стула из пластика, как чиновник начал торопливо рассказывать: — Три с половиной часа назад, мне позволили с главной энергетической станции и сообщили, что возникла угроза серьёзной аварии. Что-то удивительно мощное пробивается сверху через наш защитный экран.

Если оно прорвётся сквозь оболочку, то возникнет уйма проблем. Произойдёт разгерметизация, а возможно и взрыв нескольких огромных электромашин. Чем это кончится, вы хорошо понимаете.

Я уже связался с краевым руководством. Они посоветовали мне обратиться именно в ваш институт. Сказали, что у вас есть специальные средства, способные предотвратить такую трагедию.

— Возможно, — уклончиво ответил немолодой посетитель: — Только все наши устройства проходят под

грифом «совершенно секретно». У вас нет допуска к таким материалам.

— Тогда посмотрите сюда, — насупился областной командир. Голографический экран стал прозрачным с обеих сторон. Гость поднял глаза и увидел лицо начальника своего научного ведомства.

Министр поздоровался с маститым учёным и сухо сказал: — Мы здесь быстро оформили все нужные допуски и отправили их в твой институт. Так что, отбрось все сомнения и работай с руководителем области по полной программе. Сам понимаешь, нам не нужны лишние жертвы в вашем районе.

— Хорошо, — согласился учёный. Посмотрел на хозяина кабинета и сказал: — Едем ко мне. Там я всё покажу.

Они поднялись из-за стола. Направились к двери и гуськом вышли в большую приёмную. Услышав шаги, секретарша отложила модный журнал и сделала вид, будто что-то печатает на старинной печатной машинке.

Учёный отметил, что даже слышит стук рычагов и звон колокольчика, установленного внутри несуразно большого устройства. Красотка подняла голову от длинной каретки и с вопросом во взгляде посмотрела на руководителя области.

— Вернусь ближе к вечеру, — бросил шеф на ходу и устремился к кабине гравитационного лифта.

Через сорок секунд двое мужчин оказались на станции транспортной сети, что находилась на тридцать ярусов ниже кабинета начальника. Там они сели в нужный им поезд, подлетевший к перрону. Цепочка вагонов тронулась с места и с умопомрачительной скоростью понеслась по бесконечным тоннелям и штрекам.

Доехав до института, они подошли к прочной двери, изготовленной из нескрушимого сплава. Система слежения узнала учёного и руководителя области. Убедилась, что у них есть нужные допуски, ипустила гостей в учреждение.

Из вестибюля они поднялись на девятый этаж. Прошли по двум коридорам и, наконец, оказались в кабинете директора. Здесь интерьер блистал такими странными новшествами, о которых чиновник даже не имел представления.

— Пока мы добирались сюда, — сказал учёный садовому гостю, — я мысленно связался с сотрудниками по спецаппарату, лежащему в кармане моего пиджака. Передал весь наш разговор и попросил прояснить ситуацию. Они всё дотошно проверили. Удостоверились в том, что действительно возникла серьёзная угроза аварии. Просчитали все варианты её устранения и сейчас сообщили мне результат.

Оказывается, чтобы устранить причину данной аварии, нужно отправить рабочих на поверхность нашей защитной структуры. Мало того, их придётся послать

в прошлое на несколько десятилетий назад. Именно там зародился корень всех бед.

— Неужели такое возможно? — восхищённо ахнул чиновник.

— Для живых существ ещё нет, но для биороботов это не составит труда. Расчёты показывают, что такие устройства смогут перенести путешествие туда и обратно.

— А они у нас уже есть? — засомневался гость института: — Я специально интересовался данным вопросом, но почему-то не слышал о производстве андроидов. Даже в краевом управлении об этом не знают. По крайней мере, мне так говорили.

— Пара экземпляров найдётся, — гордо ответил учёный и показал на огромный экран, висящий на противоположной стене кабинета.

На мониторе возникли две странные сущности. Одна чуть повыше, вторая пониже. Они сильно отличались от тех красивых мужчин, что сейчас смотрели на широкий экран. Хорошо, что у каждой имелось лишь одна голова и по две конечности сверху и снизу.

— А почему они такие уродливые? — заинтересовался чиновник.

— Опытный образец. Кое-что не довели до ума. Многое ещё нужно исправить, но я уверен, что они справятся с подобной работой.

— И когда они смогут заняться нашей огромной проблемой?

— Да прямо сейчас, — весело воскликнул учёный. Взмахнул правой рукой, словно давал кому-то команду. Экран ярко вспыхнул, и две фигуры в нелепых одеждах мгновенно исчезли.

В кармане руководителя области раздался мелодичный звонок. Он достал из кармана коммуникатор, выполненный в манере прошлого века. Поднёс к голове аппарат и услышал радостный голос начальника энергетической станции.

— Шум наверху прекратился, — кричал тот в микрофон: — Наши приборы показывают, что угроза аварии бесследно исчезла.

— Прекрасно! — радостно откликнулся гость. Хотел передать новость учёному, но тот улыбнулся и тихо сказал: — Мне уже сообщили об этом.

— А биороботы вернутся назад? — поинтересовался чиновник. — Наверняка они очень дорого стоят.

— Зачем они нам после стольких лет упорной работы? — удивился хозяин: — Их перебросили в далёкое прошлое. Они оказались на поверхности нашей защитной структуры. Оценили возможность устранения аварии и выбрали самый действенный путь.

За прошедшие годы они пробивались на самый верх иерархии тех нелепых существ, что живут наверху. Там почему-то сцепились за власть, и тот, что повыше,

победил того, что пониже. Наверное, произошла небольшая поломка в позитронном мозгу одного из андроидов.

Мы хотели вмещаться, но потом, передумали. Ведь для нас было главным, устранение угрозы аварии. А угроза представляла собой сверхглубокую скважину, которая бурилась прямо на нашу энергоподстанцию. Буровой механизм мог повредить реактор на быстрых нейтронах, питающий всю нашу область.

Ну, а то, что пришлось развалить государство тех дикарей наверху, так это не важно. Когда-то давно они сами нас загнали сюда.

Должен добавить, что за прошедшие годы биороботы весьма износились и теперь представляют собой жуткое зрелище. Если хотите, можете на них посмотреть.

На экране возникли две страшных фигуры. Одна, та, что повыше, имела совершенно седые волосы на несуразно большой голове и сильно испитое лицо алкоголика с носом картошкой.

Вторая, та, что пониже, была почти лысой, с багровым пятном, поднимавшимся со лба на макушку. Данная сущность тоже не блистала красотой и сложением. Она походила на толстый мешок, набитый трухой.

— Ну, вот, пожалуй, и всё, — сказал маститый учёный руководителю области. Посмотрел на чиновника и строго добавил: — Надеюсь, вы не забыли о том, что давали подписку о неразглашении?

— Конечно, — смущённо ответил мужчина: — В таком деле секретность превыше всего.

— Пойдёмте, я вас провожу, — сказал хозяин сановному гостю.

Они приблизились к двери, изготовленной из блестящего сверхпрочного пластика. В зеркальной поверхности отразились две низкорослых фигуры. Они целиком соответствовали тем описаниям летописей, где упоминалась ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ. Та самая, что много веков назад скрылась под землю от русских плёмен.

Примечание:

Кольская экспериментальная опорная сверхглубокая скважина — самая глубокая горная выработка в мире, имеющая научное значение. Являлась частью системы сверхглубоких скважин в СССР.

В результате бурения, которое велось с 1970 по 1991 год, глубина скважины составила 12261 метра. Диаметр верхней части — 92 см. Диаметр нижней части — 21,5 см.

Сейчас на месте скважины почти ничего не осталось. Только куча ржавого хлама. То же самое произошло и со всей великой страной под названием СССР.

ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ — исчезнувшая цивилизация. Обитала на севере европейской части России. В летописях говорится, что они были людьми невысокого роста, которые обитали в пещерах и глубоко под землёй.

Андрей Анисимов РЕАЛИТИ-ШОУ

Низкий, монотонный рокот двигателя, доносящийся с кормы сквозь многие метры отсеков и, по меньшей мере, дюжину палуб, неожиданно сменился надсадным «кашлем», от которого корабль затрясся и задёргался как лихорадочный. Ровный, плотный шлейф реактивного выхлопа мгновенно сжался, превратившись в короткий, бешено пульсирующий огненный конус, который то вспыхивал, готовый разгореться с прежней силой, то, наоборот, казалось вот-вот погаснет окончательно. Несколько секунд резкие изменения тяги сотрясали стальной корпус корабля, наполняя его пугающими скрипами и скрежетом, затем удары прекратились. Прочистив свою керамическую глотку, двигатель выплюнул в пространство дымный сгусток не полно-

стью сгоревшего топлива и снова распустил роскошный плазменный хвост.

— Вот зараза! — выругался Сиги, с трудом удерживая на заданной траектории дёргающийся корабль. — Если так дело пойдёт и дальше, посадка нас ждёт интересная. Шлёпнемся, как пить дать. Лучше уж и не пытаться...

— Воздух, — напомнил сидящий в своём командирском кресле Авилов. — Никита говорит, что резервных запасов хватит максимум на неделю. Так что хотим мы этого или нет — садиться придётся. Потом двигатели...

Едва он произнёс это слово, корабль снова тряхнуло. На панели мониторинговой системы, где уже горели несколько тревожных красных ярлычков, появился ещё один. Ещё одна неисправность.

— Гнилое корыто! — выдал Сиги. — И это — флагман космического флота Земли!

— Шестнадцать световых лет — не шутка, Макс. Никто никогда не летал так далеко, как мы. Мы первые, а первым всегда трудней всего.

— Это да, — с немалой долей сарказма отозвался Сиги. — Уж чего-чего, а трудностей в этом полёте нам досталось с избытком. Чёрт знает что! Можно подумать, кораблю сотня лет. Всё рассыпается буквально на глазах.

Позади них послышался звук открываемых запоров люка, затем внутрь рубки ворвалась и тут же погасла яркая полоска света. Оба космонавта дружно повернули головы, встретив вопросительными взглядами вошедшего инженера Березина.

— Что с двигателем? — спросил Авилов.

— Плохо дело, — ответил Березин, устало опускаясь в свободное кресло. — Долго не протянут. Нужен ремонт, но только не на орбите. Понадобится снимать обшивку, а это время. А время — это воздух. Вот такая закавыка, кэп.

— Ясно, — откликнулся Авилов. — Значит, без вариантов. Садиться — и точка.

— И без предварительного облёта, — добавил Сиги.

Авилов кивнул и, подняв голову, поглядел на верхнее обзорное окно, за которым, медленно разрастаясь, плыл огромный бирюзовый диск планеты.

— Хорошо, что мы хотя бы добрались до неё...

— Нет, кэп, — возразил Березин. — Хорошо будет тогда, когда мы сумеем взлететь с неё. А то вместо первых людей, побывавших на планете другой солнечной системы, мы превратимся в первых космических робинзонов. Вот будет облом!

— Нам для начала на неё ещё сесть надо, — напомнил Сиги, отработывая манипуляторами очередной двигательный «бзик».

Разговоры смолкли. В рубке повисла тишина, нарушаемая лишь попискиванием сканеров и без конца прерывающейся далёкой песней двигателей.

Планета продолжала увеличиваться, всё медленней и медленней, по мере того, как корабль, хоть с грехом пополам, но всё же гасил свою подлётную скорость. Вскоре планета заняла всю площадь передних окон. Теперь они летели над самой её атмосферой, раскрашенной белыми мазками облаков, под которыми виднелись очертания обширных зеленовато-жёлтых материков и голубые просторы многочисленных морей.

Уже на орбите, двигатель выдал очередной фортель, едва при этом не заглохнув. Убежавший на корму, Березин вернулся с тревожной вестью: обнаружилась неисправность в системе подачи топлива. В ближайшие час-полтора она может отказать совсем. Нужно было садиться, и садиться немедленно.

Пробормотав короткую молитву, Сиги повёл корабль к поверхности.

Вход в атмосферу не принёс их и без того потрёпанной долгим межзвёздным перелётом посудине ничего хорошего. Сверхсложная и, как считалось, сверхнадёжная корабельная начинка, начала отказывать, одно за другим, а в обшивке, и без того покоцанной бесчисленными микрометеоритами, открылись новые щели, о чём тут же оповестили устройства контроля герметичности. Двигатель, понятное дело, тоже не остался в стороне. Отчаянно отрываясь огненными сгустками, корабль пробил верхний слой облаков, очутившись над обширной равниной, от горизонта до горизонта покрытой желтоватой травой и редкими, растущими поодиночке и небольшими группами, невысокими деревьями. Когда до них оставалось всего ничего, двигатель опять забарахлил, да так, что у троих космонавтов душа ушла в пятки. Несколько секунд, показавшихся им вечностью, корабль провёл в свободном падении, и лишь когда катастрофа уже казалась неизбежной, двигатель вновь заработал на полную мощность. Разбрасывая во все стороны комья дымящейся земли, изрыгаемый им огненный столб затормозил громаду корабля в нескольких метрах от поверхности, а затем бережно опустил его на предусмотрительно выпущенные посадочные опоры.

— Уф! — с облегчением выдохнул Сиги, снимая руки с манипуляторов. — Сели.

Авилов переглянулся с Березиным. Инженер вытер вспотевший лоб.

— Чуть было не того...

— Я всегда говорил: «Меркатор» — крепкая посудина. Не подведёт. — Авилов выбрался из своего кресла и, чуть подавшись вперёд, оглядел раскинувшуюся вокруг равнину. — Ну вот, мы и достигли тебя, далёкая планета. Пошли знакомиться.

— Что, вот так вот, возьмём и выйдем? — воскликнул Сиги. — Это же чужой мир, кэп. Чужая жизнь. И в первую очередь, микроорганика. Вдруг там зараза какая...

— Какая к чёрту микроорганика, — отмахнулся Авилов. — В корпусе полно дыр, а снаружи, судя по приборам, давление выше, чем у нас на борту. Так что мы уже дышим воздухом этой планеты. Пошли, чего уж там...

Нарочито громко топая ногами, они спустились на нижнюю палубу, очутившись в тесном отсеке экипировочной. Бросив взгляд на ряд шкафов, в которых хранились скафандры, Авилов дёрнул рукоять запорного механизма внутреннего люка, промаршировал через переходной шлюз и попытался открыть наружный люк. С первого раза это не получилось, но, в конце концов, общими усилиями, с ним тоже справились.

Толкая тяжёлую бронированную крышку, Авилов невольно задержал дыхание и осторожно выглянул наружу. Снаружи было тепло, над равниной гулял не сильный ветерок.

— А ничего планета, — проговорил за его спиной Березин.

Авилов молча кивнул, потом, сообразив, что стоит, по-прежнему держа в себе воздух корабля, усмехнулся, выпустил его из лёгких и сделал глубокий вдох.

— Пахнет мёдом, — добавил Сиги. — Чувствуете?

Один за другим они вышли из корабля, остановившись под защитой его громадного стального корпуса.

Лужайка, на которую они приземлились, выглядела совсем по-земному, если б не небо и не солнце. Трава была высокая и густая, деревья же, окаймляющие этот участок равнины, имели плоскую крону и удивительно походили на зонтичные акации африканских саванн. Только вот небо над ними было не голубое, а зеленоватое, а в вышине висело огромное красное Глизе832, раз в пять больше, чем Солнце, видимое с Земли. Кроме него в зеленоватых небесах виднелось ещё множество мотающихся туда-сюда серых точек; не то птицы, не то какие-то крылатые ящеры. Насколько можно было судить, других животных поблизости не было.

— Неплохое местечко, — проговорил Березин, подставляя лицо под тёплые лучи красного солнца.

— Это «неплохое местечко» может быть для нас смертельным миром, — хмуро откликнулся Сиги и замер, открыв от удивления рот. Прямо перед ними, там, где до этого момента не было ничего, кроме травы, стоял полный, небольшого росточка человек, облачённый в некое подобие тоги, сверкающей так, словно она была сделана из полированного металла.

— О! — воскликнул Березин. — Глядите! Абориген!

«Абориген» между тем вскинул свои пухлые холёные ручки и, сияя от счастья, провозгласил:

— Приветствую вас на Гатапунге, доблестные космопроходцы. Мы заград... то есть, невообразимо рады видеть вас здесь, у конечной цели вашего долгого и трудного путешествия. Позвольте от себя лично и миллионов ваших поклонников, поздравить вас с завершением этой великолепной саги и...

— Минуточку, — остановил обильные словоизлияния восторженного сверкающего толстяка, пришедший в себя после короткого замешательства Авилов. — Какие поклонники, какая сага?

— Величайшая из всех, к которым я когда-либо был причастен, — едва ли не приплясывая, ответил толстяк. — Самая грандиозная, самая успешная, самая-самая во всех отношениях. Настоящий меган!

— Вот дела, — с какой-то беспомощностью проговорил Авилов, пытаясь вникнуть в смысл услышанного. — Вы, вообще, кто такой будете?

Толстяк подскочил чуть ли не на полметра вверх и всплеснул руками.

— О-о, премного извиняюсь! Не представился. Моё имя — Ёне.

— Вы так внезапно появились...

— Хомп, — сказал Ёне.

— Что, простите?

— Хомп, — повторил Ёне. — Хомпнул — и тут. Положение обязывает. Я — Главный Распорядитель Действ.

Авилов кашлянул, не зная, как реагировать на такое заявление, и вдруг прищурился:

— Слушайте, а откуда вы знаете русский?

— Один из первородных языков, — сообщил Ёне. — Изначальных. Нет, не так. Один из прежних языков Земли. Так правильно.

— Так вы знаете о Земле! — воскликнул Березин.

— Конечно. Земля — наша общая первородина.

— Поясните, — потребовал Авилов, чувствуя, как у него всё холодеет внутри от догадки.

— Охотно, — отозвался Ёне. — По вашим часам, прошло всего три года, хотя на самом деле их минуло почти сто пятьдесят. Это из-за вашей скорости. У вас было медленное время.

— Всё правильно, — упавшим голосом промолвил Авилов. — Парадокс близнецов, эйнштейновский эффект релятивистского замедления времени.

— Всё так, — подтвердил Ёне. — Теперь так никто не передвигается. Теперь мы хомпаем. Расстояние не существенно: шаг, километр, световой год. Раз — и в любую точку галактики...

Трое космонавтов молча хлопали глазами, потрясённые этими известиями.

— Вот, значит, как, — пробормотал Авилов. — И давно вы... хомпаете?

— С самого начала Эпохи Открытого Космоса. Больше ста лет.

— Сто лет! — простонал Сиги. — Мы еле-еле дотацились до ближайшей планетной системы, а вы уже обживаете галактику!

— В ваше время не знали хомпа, — сказал Ёне. — Хомп — это просто. Как ходить.

— Чёрт вас дери! — принялся ругаться Сиги. — Так какого лешего вы не дали о себе знать, коли могли свободно передвигаться в пространстве? Мы три года парились в этой чёртовой гремющей жестянке, вместо того чтобы сделать шаг и оказаться у цели.

Ёне замахал своими пухлыми ручками.

— Что вы, это невозможно! Загубить такое действо!

— Опять я ничего не понимаю, — признался Авилов. — О каком действе вы толкуете?

— О вашем!

— В смысле, у вас теперь космические полёты называются действием?

— Космические... не только. Феррулия... Нет, не так. Трудности старого языка. — Ёне задумался на мгновение, затем просиял. — Ну да, конечно! Зрелище, представление, шоу...

— Шоу?! — От услышанного Авилов даже опешил. — Вы хотите сказать, что наш полёт был для вас чем-то вроде развлекательной передачи?

— Вся галактика с замиранием сердца следила за этой сагой, — снова принялся заливаться соловьём Ёне. — Рейтинги били все рекорды. Невероятно популярное действие!

— Популярное! — Авилов почувствовав, что внутри его тоже закипает гнев. — А то, что мы едва не погибли при посадке, это вам что, потеха? А то, что мы едва не задохнулись из-за утечек воздуха, а проблемы с синтезатором пищи, а бесконечный ремонт то одного, то другого...

— Всё было под контролем, — поспешил заверить его Ёне. — Если что, были бы предприняты меры. Скажу больше, — доверительным тоном добавил он, понизив голос до шёпота, — немалая часть неисправностей была внесена специально. Для большей остроты действия, большего драматизма...

— Что?!

От крика Березина Ёне вздрогнул и растерянно заморгал, глядя на разъярённого инженера.

— Ничего опасного, — заверещал он, пятась. — Ограниченные вмешательства, необходимые для удержания зрительского интереса.

— Вот, значит, как, — не слушая Ёне, повторил Авилов.

Такой подлости от людей двадцать третьего столетия он никак не ожидал.

До этого момента он считал себя первопроходцем, человеком, раздвигающим границы неведомого, бросающим вызов самому космосу. Их миссия должна была принести человечеству бесценные сведения о других мирах, и что вышло? Для последующих поколений землян, этот беспримерный по смелости прыжок в чёрную бездну, оказался всего лишь зрелищем на потеху, которое смаковали как изысканное

блюдо, а они, все трое — лишь актёрами, играющими роли героев-первооткрывателей, причём играющими самозабвенно, ибо искренне верили в то, что творят историю.

«Лицедей, — с горечью подумал Авилов. — Вот мы кто такие. Шуты балаганные, скоморохи... Актёры».

На лужайке неведомо откуда начали появляться ещё люди. Сначала поодиночке, затем целыми группами. С каждой секундой их становилось всё больше, покада вся поляна не оказалась запруженной гудящей от возбуждения толпой.

— Самые преданные поклонники, — прокомментировал Ёне. — Победители специального конкурса. Чтобы попасть сюда, на финальную часть действия, каждому пришлось соревноваться с по меньшей мере десятью тысячами других претендентов.

Авилов, Сиги и Березин очумело крутили головами, тараща глаза на это человеческое море. Рёв толпы, увидевшей наконец своих кумиров, был невообразимым.

— Так, значит, это финальная часть, — проговорил Авилов, стараясь, чтобы его голос звучал как можно естественней.

— Да-да. Самый пик, апогей!..

— Стало быть, трансляция, или как там это у вас сейчас называется, ещё идёт?

— Видеохотп? О да, конечно. Именно сейчас, финал этого потрясающего действия, я уверен, смотрят не только те...

— Отлично! — выкрикнул Авилов, делая быстрый шаг вперёд. — Итак, господа, шоу продолжается!

И что есть силы, заехал кулаком в пухлую физиономию Главного Распорядителя.

Андрей Анисимов СУХОЙ ЗАКОН

Этот человек ничем не напоминал бравого шерифа из вестерна или первопроходца, несущего трудную вахту на границе освоенного человеческой цивилизацией пространства. Небольшого росточка, полный, с намечающейся лысиной, он больше походил на какого-нибудь мелкого управленца, нежели на того, чьей обязанностью было следить за порядком и безопасностью на целой планете. К тому же он носил очки, а это уж совсем не вписывалось в образ покорителя иных миров. Ни дать ни взять — рядовая канцелярская крыса.

Вошедший в кабинет Эдуард в первую минуту решил, что попал не туда, однако табличка на двери чётко и недвусмысленно указывала кому этот кабинет принадлежит, да и поза, в которой толстяк восседал за столом, говорила о том, что он здесь — полноправный хозяин.

Пока Эдуард соображал, что к чему, толстяк поправил пальцем сползшие на кончик носа очки и поинтересовался:

— Тебе чего, парень?

— Э-э, — неуверенно протянул Эдуард, немного сдавая назад. — Мне нужно главу Службы Безопасности, господина Теодора Балля.

— Это я, приятель. — Толстяк ещё раз поправил очки и изучающе поглядел на гостя. — Ты, случаем, не из «Внеземелья»?

— Совершенно верно. — Эдуард лихорадочно захлопал по карманам, отыскивая удостоверение. — Вам должен был позвонить мой шеф...

— Точно, — кивнул Балль, отчего очки у него опять съехали с носа, — звонил. Ну что ж, славн...

— Простите? — насторожился Эдуард.

— В кои-то веки пресса обратила внимание на наш богом забытый уголок. — Балль сделал неопределённый жест рукой. — Садись где найдёшь местечко.

Эдуард огляделся. Из полудюжины стоявших в кабинете кресел половина была занята какими-то коробками и бумагами, на других лежал слой пыли, свидетельствующий о том, что занимали их нечасто. Выбрав то, которое было почище, Эдуард осторожно уселся в него, надеясь, что это не причинит его новеньким, специально надетым для этого визита, брюкам большого вреда.

— Значит, будешь писать о нас статью, — заметил Балль.

— Совершенно верно.

— Гм. Давно ты в этом деле?

— В смысле — в журналистике? Четыре месяца. Окончил университет и почти сразу устроился во «Внеземелье».

— Подфартило...

— Да, — согласился Эдуард. — Мне здорово повезло. Попасть в такое известное издательство...

— Угу, — выдал Балль. — Кстати, как тебя звать, приятель? Твой шеф называл имя, да что-то я запомнил...

— Эдуард Ирицкий.

— Ну, что ж, будем знакомы, Эдуард Ирицкий. — Балль снял без конца сползающие с переносицы очки и уставился на репортёра, близоруко щури бледно-голубые глаза. — Чем же вас так, в вашем издательстве, заинтересовал Самбут?

— О-о, тут много причин, — с жаром ответил Эдуард. — Во-первых, вы — одна из самых удалённых из осваиваемых планет. Во-вторых, вы — единственная планета, чьё население, в подавляющем большинстве, состоит из роботов. В-третьих — куоринтит...

— Ну да, — без особого энтузиазма откликнулся Балль. — Кроме как на Самбуте, куоринтит, насколько мне известно, добывают всего на двух или трёх планетах. А роботов у нас больше, чем людей, потому, что колонистов сюда никакими благами не заманишь. Да и что им тут делать? Кругом один голый камень. Даром, что нашпигованный куоринтитом. Кстати, если тебе нужны подробности по разработкам, тогда лучше обратиться в Геологическое Управление. Или к Координатору.

— Нет-нет, — энергично замотал головой Эдуард. — О куоринтите и без этого написано много. Меня интересует совсем другое. Будни работы Службы Безопасности. Каково это — следить за порядком там, где 99 с половиной процента населения — роботы. Неужто с роботами бывают проблемы, я имею в виду в плане нарушения законов?

— По-всякому случается, — проговорил Балль. — Человекоподобные роботы ведь не зря названы человекоподобными. Не только по внешнему виду. Кое-что от человеческой природы они тоже переняли, так что... — Балль развёл руками. — Нет, никаких тяжких преступлений они, конечно, совершить не могут, но вот по мелочам — есть грех.

— Навероятно!

— А что ты хотел? — вскинул брови Балль. — Дали железякам интеллект, и обязательно кто-нибудь да начнёт колобродить. Некоторые так и норовят нашкодить: стащат себе какую-нибудь деталь на замену, в обход графика, подзарядятся нелегально, зальют в себя что-нибудь... Кстати, о возможности залить. Эти ходячие железки...

Он не договорил. За дверью послышался какой-то шум, затем та распахнулась с лёгкостью перевёрнутой ветром страницы, и на пороге возник среднего возраста человек в распахнутом на груди комбинезоне.

— Босс, мы нашли его!

— Источник?

— Да. Он всего в пятистах метрах от 34-го купола. Можно сказать, прямо под носом.

— Вот черти! — выругался Балль, срываясь с места. — Двинулись!

Эдуард тоже вскочил.

— Что-то случилось?

— Мы их выследили, — бросил Балль. — Теперь перекроем этим пьянчугам вентиль. Если хочешь, полетим с нами. Будет о чём писать.

— Здорово! — Эдуард хотел было спросить, каким пьянчугам и какой вентиль они хотят перекрывать, но Балль уже нёсся по коридору вслед за человеком в комбинезоне, показывая удивительную для его комплекции прыть. Эдуарду ничего не оставалось, как последовать за ними.

Коридор вывел их в другой, идущий под прямым углом к первому, одна из стен которого представляла собой ряд дверей, ведущих в «пеналы» для пассажирских ботов. Свернув в него, Балль нырнул в первый же «пенал», который попался ему на пути, а за ним — ещё двое в форме Службы Безопасности. Эдуард едва успел заскочить внутрь, как дверь за его спиной автоматически захлопнулась.

— Быстрее, быстрее...

Бот взвыл двигателями и, как только последний пассажир занял своё место, не вылетел, а выстрелил из «пенала», да с такой скоростью, что у Эдуарда перехватило дух. Прежде чем он сумел восстановить

дыхание, административный купол остался далеко позади. Под ботом замелькали тупоносые пики скал, среди которых то тут, то там виднелись серые бетонные горбы производственных корпусов, стальные конусы башен, закрывающих стволы шахт, и соединяющие всё это воедино ленты транспортных магистралей. Кое-где рядом с ними можно было заметить небольшие группы рабочих. Судя по всему, это были роботы.

Эдуард наклонился вперёд к сидящему рядом с пилотом Баллю и, стараясь пересилить вой работающих на форсаже двигателей, прокричал:

— Вы сказали — пьянчуги. Вы имели в виду людей?

— Каких людей? Роботов!

— Роботы пьют?! — Удивлению Эдуарда не было предела.

— Ещё как! У нас тут для них «сухой закон», так эти бродяги всё равно находят способ надраться. Человекоподобные, ничего не попишешь. Ничто человеческое им тоже не чуждо.

— Никогда не думал, что роботы могут напиваться!

— Я тоже... Пока не попал на Самбут.

— Вон он! — выкрикнул пилот, указывая куда-то в сторону одного из ближайших производственных корпусов. — Вон под той заглушкой.

Эдуард подался вперёд, успев заметить почти сливающуюся с поверхностью крышку, закрывающую, по-видимому, какой-то лаз или люк, от которого резво удирали трое роботов. Один из них нёс в руках что-то белое.

— Попались, голубчики! — азартно прокричал Балль. — Карл, вызывай подрывников, а мы займёмся это троицей. Готовьте сеть.

Бот резко пошёл вниз, пикируя на беглецов, однако те и не думали останавливаться. Ловко перепрыгивая с камня на камень, они преодолели уже половину расстояния до купола, когда с бота в них бросили что-то похожее на большой и очень рыхлый клубок ниток. Не пролетев и нескольких метров, клубок вдруг развернулся, и через миг над удирающими роботами уже висело тонкое, как паутина, искрящееся от статики полотно. Однако прежде чем оно успело принять окончательную форму, беглецы бросились врассыпную, и сеть накрыла лишь камни, разрядив на них весь свой потенциал.

— Вёрткие, заразы, — выругался пилот.

— Бей по одному! — скомандовал Балль.

В руках одного из СБушников неведь откуда появилось что-то схожее с гранатомётом. Эдуард невольно вжал голову в плечи, ожидая выстрела, грохота и пламени, однако вместо этого страшная на вид «пушка» издала ворчливое «кх», едва слышимое сквозь вой двигателей. Полёт заряда был невидим, но его действие сказалось незамедлительно: один из роботов споткнулся и кубарем покатился по камням. Двое его товарищей запетляли, точно зайцы, только уйти им так и не удалось. Через пару секунд попадание бросило

наземь второго беглеца, а затем и последнего. Падая, он выронил свою ношу, и та тяжело плюхнулась рядом с ним.

— Вот и все дела, — подвёл итог Балль.

Бот приземлился. Выбравшись из него, люди уже без всякой спешки двинулись к распростёртым телам.

— Так-так-так, — почти пропел Балль, снова надевая очки и разглядывая поверженных роботов. — 844-й, 213-й и 1446-й. Та же компания.

— Вы их знаете? — спросил Эдуард, тараща глаза на неподвижно лежащих роботов.

— Ещё бы не знать! Они уже попадались на этом деле. Бутлегеры со стажем.

— Бутлегеры?

— В былые времена так звали тех, кто занимался незаконным оборотом спиртного. Старое словечко. Ну что ж... Допрыгались, ребята... До перепрошивки.

— Так они живы?

— Конечно, — ответил стрелявший СБушник, всё ещё держа в руках свою «пушку» — Заряды парализующие.

— А я уж было подумал...

— Убивать их незачем. Пускай компания сама с ними разбирается. — Балль наклонился за упавшей ношей. Загадочный белый предмет, с которым робот не хотел расставаться до последнего, оказался большой пластиковой канистрой.

— Это и есть... алкоголь?

— Если можно так выразиться, — проговорил Балль, осматривая канистру. — Для роботов — да. Достаточно небольшого количества в систему циркуляции охлаждающей ядра процессоров жидкости, и они совершенно съезжают с катушек. Попросту коротит мозги. Роботехники называют это гидроабстинентным синдромом. По аналогии с человеческим — алкогольным. Многим роботам это нравится, а у многих прямо-таки тяга к этому состоянию — и впрямь как алкоголизм. Пресекаем, как можем. Поэтому-то в административном корпусе нет ни единого робота. Там, где работают и живут люди, им не место. Иначе начнут таскать...

Эдуард захлопал глазами.

— Простите, я не совсем понимаю. Что таскать? Выпивку?

Стоящие вокруг СБушники рассмеялись. Балль усмехнулся.

— Ну да, ты же у нас новичок. Нет, приятель, ни вина, ни водки они не употребляют, на кой чёрт они им сдались. Они тащатся от другого. Поэтому мы и ввели «сухой закон». Сухой — в самом прямом смысле этого слова. Не понимаешь?

Он поднял канистру, взболтнул её, после чего поставил на плоскую «спину» одного из валунов.

— Вот этого хватит, чтобы довести до состояния отключки почти полторы сотни механических работяг — десять литров чистой родниковой воды.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете приобрести книги «ИД Техника-молодёжи», с оплатой через
Сбербанк РФ (или Сбербанк Онлайн) на карту № 4279 3800 1227 4074
(Александр Николаевич П.)

В графе «Назначение платежа» укажите код книги (он слева от названия),
ФИО и адрес с индексом. Или просто отправьте адрес на e-mail:
tns_tm@mail.ru. Тел. +7 (965) 263-77-77

А СРАЖЕНИЯ, АРМИИ, УНИФОРМА

- A1 П. Канник, **Униформа армий мира. Часть I. 1506-1804 гг.**, 88 с. 290 р.
A2 П. Канник, **Униформа армий мира. Часть II. 1804-1871 гг.**, 88 с. 290 р.
A3 П. Канник, **Униформа армий мира. Часть III. 1880-1970 гг.**, 68 с. 300 р.
A4 А. Беспалов, **Армия Петра III. 1755-1762 гг.**, 100 с. 290 р.
A5 С. Львов, **Униформа. Армейские уланы России в 1812 г.**, 60 с. 300 р.
A6 А. Дерябин, **Униформа. Белая армия на севере России. 1917-1920 гг.**, 44 с. 300 р.
A7 А. Дерябин, **Белые армии Северо-Запада России. 1917-1920 гг.**, 48 с. 300 р.
A8 Я. Тинченко, **Униформа. Армии Украины 1917-1920 гг.**, 140 с. 350 р.
A9 Х.М. Буэно, **Униформа Гражданской войны 1936-1939 гг. в Испании**, 64 с. 300 р.
A10 А.И. Дерябин (перевод с французского), **Униформа. Гвардейский мундир Европы. 1960-е гг.**, 84 с. 300 р.
A11 К. Семёнов, **Униформа. Иностранные добровольцы войск СС**, 48 с. 300 р.
A12 П.Б. Липатов, **Униформа Красной Армии. 1936-1945 гг.**, 64 с. 300 р.
A13 П.Б. Липатов, **Униформа воздушного флота**, 88 с. 400 р.
A14 Альманах, **Армии и битвы**, 48 с. 200 р.
A15 Ю.В. Котенко, **Индейцы Великих равнин**, 158 с. 400 р.
A16 С. Чумаков, **История пиратства. От античности до наших дней**, 144 с. 400 р.
A17 В. Шпаковский, **Битва на Калке в лето 1223 г.**, 64 с. 290 р.

В АВИАЦИЯ И КОСМОНАВТИКА

- B1 Ю.Л. Фотинов, **Знаки Российской авиации 1910-1917 гг.**, 56 с. 300 р.
B2 П.С. Лешаков, В.Г. Масалов, В.К. Муравьев, А.А. Польский, **История развития авиации и государственной системы лётных испытаний в России 1908-1920 гг.**, 136 с. 300 р.
B3 В. Кондратьев, **Фронтовые самолёты Первой мировой войны. Часть I: Великобритания, Италия, Россия, Франция**, 72 с. 350 р.
B4 В. Кондратьев, **Истребители Первой мировой войны. Часть I: Великобритания, Италия, Россия, США, Франция**, 80 с. 350 р.
B17 В. Кондратьев, **Истребители Первой мировой войны. Часть II: Германия, Австро-Венгрия, Дания, Швеция**, 80 с. 350 р.
B5 В. Кондратьев, М. Хайрулин, **Авиация гражданской войны**, 168 с. 450 р.
B6 Советская военная авиация. 1922-1945 гг., 82 с. 200 р.
B7 Отечественные бомбардировщики. 1945-2000 гг., 270 с. 700 р.
B8 Д. Хазанов, Н. Гордюков, **Су-2 Ближний бомбардировщик**, 110 с. 350 р.
B9 М. Саукке, **Ту-2**, 104 с. 300 р.
B10 М. Маслов, **И-153**, 72 с. 300 р.
B11 Д.Б. Хазанов, **Неизвестная битва в небе Москвы. 1941-1944 гг.**, 144 с. 420 р.
B12 И.В. Кудишин, **«Бесхвостки» над морем**, 56 с. 300 р.
B13 Степан Анастасович Микоян, **Воспоминания военного лётчика-испытателя**, 478 с. 450 р.
B14 Л.А. Китаев-Смык, **Проникновение в космонавтику. Без парадной лжи и грифа «секретно»**, 264 с. 380 р.
B15 А. Булах, **Бристоль Блейнхейм**, 84 с. 350 р.
B16 **Авиация России**, 88 с. 300 р.

С БРОНТЕХНИКА

- C1 Ю.В. Котенко, **Основной боевой танк США М-1 «Абрамс»**, 68 с. 300 р.
C2 С. Федосеев, **Бронетехника Японии 1939-1945 гг.**, 88 с. 300 р.

- C3 **Операция «Маркет-Гарден» сражение за Арнем**, 50 с. 200 р.
C4 М. Дмитриев, **Танки второй мировой. Вермахт**, 60 с. 300 р.
C5 М. Дмитриев, **Танки второй мировой. Союзники**, 60 с. 300 р.
C6 **Танковые войска РККА. Часть I. Лёгкие танки 30-45 гг. Т-26, БТ-7, Т-80**, 90 с. 380 р.
C7 **Танковые войска РККА. Часть II. Средние и огнеметные танки. Т-28, Т-34-85, ХТ-26**, 90 с. 380 р.

Д ФЛОТ

- D1 Д.Г. Мальков, **Корабли русско-японской войны. Том 1. Первая Тихоокеанская эскадра**, 168 с. 550 р.
D2 **Моряки в гражданской войне**. 82 с. 300 р.
D3 И.В. Кудишин, М.Челядинов, **Лайнеры на войне 1897-1914 гг.**, 82 с. 300 р.
D4 И.В. Кудишин, М.Челядинов, **Лайнеры на войне 1936-1968 гг.**, 96 с. 300 р.
D5 Р.М. Мельников, **Линейные корабли типа «Императрица Мария»**, 48 с. 300 р.
D6 **Отечественные подводные лодки до 1918 г. (справочник)**, 76 с. 300 р.
D7 Е.Н. Шанихин, **Глубоководные аппараты**, 118 с. 350 р.
D8 А.В. Скворцов, **Линейные корабли типа «Севастополь»**, 48 с. 350 р.
D9 С. Балакин, В. Кофман, **Дредноуты**, 100 с. 420 р.

Е ОРУЖИЕ

- E1 В. Фёдоров (репринт 1939 г.), **Эволюция стрелкового оружия. Часть I**, 206 с. 400 р.
E2 В. Фёдоров (репринт 1939 г.), **Эволюция стрелкового оружия. Часть II**, 320 с. 400 р.
E3 **Материальная часть стрелкового оружия под ред. акад. Благоднарова А.А. т. 1 Современное оружие. Боеприпасы. Магазины винтовки**, 220 с. 400 р.
E4 **Материальная часть стрелкового оружия под ред. акад. Благоднарова А.А. т. 2 Революеры и пистолеты**, 160 с. 400 р.
E5 **Материальная часть стрелкового оружия под ред. акад. Благоднарова А.А. т. 3 Пистолеты-пулемёты и автоматические винтовки**, 206 с. 400 р.
E6 **Справочник по патронам, ручным и специальным гранатам иностранных армий (репринт 1946 г.)**, 133 с. 320 р.
E7 **Справочник по стрелковому оружию иностранных армий (репринт 1947 г.)**, 300 с. 350 р.
E8 Ю.М. Ермаков, **Словарь технических терминов бытового происхождения**, 181 с. 300 р.
E9 О.Е. Рязанов, **История снайперского искусства**, 160 с. 400 р.
E10 Е. Тихомирова, **Тайны коллекции Петра I. The mystery of Peter the Great weapon**, 144 с. 450 р.
E11 В. Мирянин, **Миномёты и реактивная артиллерия. К столетию артиллерии**, 100 с. 350 р.

Ф ТЕХНИКА, ФАНТАСТИКА, ПРИКЛЮЧЕНИЯ

- F1 Б.С. Горшков, **Чудо техники — железная дорога (книга-альбом)**, 304 с. 1000 р.
F2 Л.В. Каабак, **Тревожное ожидание чуда. В горах, в тайге и в джунглях**, 370 с. 450 р.
F3 Г. Тищенко, **Вселенная Ивана Ефремова (книга-альбом)**, 128 с. 1000 р.
F5 **ПОЛНЫЙ МЕГА-АРХИВ ТМ ЗА 90 ЛЕТ**. 5000 р.

Уважаемые читатели!

Подпишитесь на журналы «Техника — молодёжи», «Оружие», «НЕизвестная История», а теперь ещё и на новый научно-образовательный журнал «Наука и Техника»

для юных инженеров

**НЕизвестная
ИСТОРИЯ**

ОРУЖИЕ

**Наука и
Техника**
ЖУРНАЛ ДЛЯ ЮНЫХ ИНЖЕНЕРОВ

**ПОДПИСКА
в редакции**

Выберите и сообщите название журнала, адрес доставки с индексом и период подписки — год, полугодие, квартал — на е-почту tns_tm@mail.ru или адрес: 141435, Московская обл., г. Химки, мкр-н Новогорск, а/я 1255,

Перевозчикову А.Н. Тел: +7 (965) 263-7777

Перечислите на карту самозанятого № 2202 2018 9982 4839

(Александр Николаевич П.) стоимость подписки на выбранную печатную/электронную версию

Цены на редакционную подписку на 2022—2023 гг. (руб.) с доставкой

НАИМЕНОВАНИЕ ИЗДАНИЯ	Кол-во номеров Полугодие/год	Цена за 1 экз. печатная/эл. версия	Цена за полугодовой комплект печатная/эл. версия	Цена за годовой комплект печатная/эл. версия
НАУКА И ТЕХНИКА ДЛЯ ЮНЫХ ИНЖЕНЕРОВ	6/12	300/200	1 800/1 200	3 600/2 400
НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ	6/12	380/280	2 280/1 680	4 560/3 360
Полный архив «ТЕХНИКА — МОЛОДЁЖИ» на USB-флеш-накопителе (1933—2022 гг.) стоит 5500 руб.				
ТЕХНИКА — МОЛОДЁЖИ	6/12	400/300	2 400/1 800	4 800/3 600
ОРУЖИЕ	8/16	400/300	3 200/2 400	6 400/4 800

<https://podpiska.pochta.ru>

Назовите оператору вашего почтового отделения индекс выбранной вами печатной версии издания, чтобы оператор п.о. оформил вам подписку по ЭЛЕКТРОННОМУ

Каталогу Почты РФ согласно индексам:

ТЕХНИКА — МОЛОДЁЖИ — П9147

ОРУЖИЕ — П9196

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ — ПМ505

**НАУКА И ТЕХНИКА
для юных инженеров — ПК297**

Внимание!

В печатном каталоге Почты России наши издания не присутствуют.

*До встречи
на страницах наших журналов,*

Главный редактор —

Президент Издательского дома

«ТЕХНИКА — МОЛОДЁЖИ»

А.Н. Перевозчиков

А.Н. Перевозчиков

Электронный МегаАрхив

ЖУРНАЛ ТРЁХ НТР

К первому 90-летию нашего журнала подготовлено его полное электронное жизнеописание. Оцифрованные 22 тысячи статей, 114 тысяч иллюстраций, центральных разворотов с уникальной инфографикой ТМ передают дух, букву и цифру трёх научно-технических революций — индустриальной, технологической, цифровой.

На материалах, написанных от первого лица первыми в своём деле людьми, выросло четыре поколения российской научно-технической элиты. Если учесть, что каждый выпуск прочитывали 4–5, а то и 6 человек, число контактов читателей с нашим журналом достигнет, по-видимому, многих сотен миллионов.

Об исключительной роли, которая отводилась в СССР, а потом и в России молодёжному изданию в деле образования и воспитания будущих учёных, инженеров, изобретателей, умельцев — говорит uniquely подобранный состав редколлегии. В журнале работали (а не числились!) такие выдающихся личности как Председатель научно-технического Комитета Советского Союза Н.И.Бухарин, академик, знаменитый оружейник, генерал-лейтенант Б.Г.Шпитальный, лауреат Сталинской и Государственных премий генерал-инженер Г.И.Покровский, дважды Герои Советского Союза космонавты А.А.Леонов, В.А.Джанибеков. Отмечу, что ТМ — одно из немногих изданий, что по личному распоряжению Верховного выходило всю войну, его выпускающим редактором в эти годы работал ни кто иной, как академик, лауреат Нобелевской премии гениальный П.Л.Капица.

Классическая точность изображения сложных технических деталей в сочетании с романтическим стилем оформления от выдающихся графиков и живописцев — А.С.Лодыгина, Н.М.Кольчицкого,

А.Н.Побединского, К.К.Арцеулова, Р.Ж.Авотина, М.М.Петровского сделало журнал законодателем не только научных и технологических смыслов, но и неповторимого дизайнерского стиля. Так, ещё в 1940–50-х годах художники ТМ (они же, как правило, и выдающиеся технари), языком рисунка и живописи первыми в мире стали доступно разъяснять читателям сущность сложных явлений и технологий, рассказывать как работают новые аппараты, машины.

С наступлением эры компьютеров новаторский стиль оформления, взятый на вооружение большинством издательств, получил мировое признание и расхожее имя собственное: инфографика.

Ещё одна уникальная особенность ТМ. Редко в каком издании встречается столь высокая концентрация нобелевских лауреатов — 24! Это, на минуточку, почти вдвое больше, чем генерал Гровс собрал для участия в Манхэттенском атомном проекте.

В заключение желаю вам, дорогие читатели, друзья и партнёры журнала, приятно и с пользой провести время, листая виртуальные страницы любимого журнала!

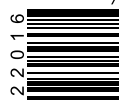
Как заказать МегаАрхив — см. на с. 63.

Александр Перевозчиков,
главный редактор-Президент Издательского Дома «Техника — молодёжи»,
академик Российской академии космонавтики имени К.Э.Циолковского

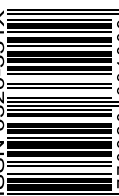

**Л
КтмФ**
КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ
ФАНТАСТИКИ
«ТЕХНИКИ — МОЛОДЁЖИ»

ISSN 0320-331X

22.0.16

9 770320 331009